

Светлана Мепот

КОРОЛЕВА ХАЛЬДОРА

Мелодрама
Магия фэнтези
Драма

Annotation

Однажды Амелия Маклэйн узнает, что именно она выбрана магией в жены королю. Повезло? Возможно. Вот только Амелия совершенно не хочет за него замуж, ведь, по слухам, король тот еще мерзавец. Впрочем, выбора у нее нет, поэтому она отправляется в столицу, в замок правителя, чтобы выполнить волю магии. Именно там ей придется узнать, что в мужья ей назначен совсем не король. Но что тогда означает королевский знак на руке? И где ей искать своего настоящего мужа?

- [illegible]

- ## Эпилог

Королева Хальдора
Светлана Шёпот

Часть 1

«Меня давно уже перестал заботить кусок железа, вбитый в моё сердце. Кажется, когда-то давно он холодил кровь, отравляя, не давая силе струиться по венам. Боль? Еще недавно она сводила с ума, но очень скоро я стал ощущать ее частью себя. Боюсь, именно этой боли, которая не давала моей ненависти угаснуть, я обязан тем, что до сих пор жив. Впрочем, все вскоре изменится. Я знаю это. И надо признать, с нетерпением жду».

В тот день ничто не предвещало грозы, но уже к обеду я заметила, что мой отец ведет себя как-то странно. Он явно нервничал. Зато моя мать смотрела, как обычно, презрительно и раздраженно. Правда, в этот раз мне показалось, что в ее взгляде то и дело мелькает еще какая-то эмоция. Гнев? Зависть? Сложно разобрать.

Я никогда не понимала, чем так не угодила своей матери. Адалинда Маклэйн – моя мать – была невероятно красивой женщиной. Об ее стальном и властном характере знали все соседи. Она твердой рукой управляла нашим поместьем, снисходительно посматривая при этом на моего отца, будто он был ее неразумным, не слишком любимым ребенком, которому, впрочем, всё равно многое прощалось.

Точно таким же взглядом она смотрела и на моих старших братьев. Их было трое. И поверьте, она никогда не кривила свое красивое лицо, когда говорила с ними. Зато стоило её взгляду упасть на меня, как она тут же менялась.

Так было не всегда. Я помню, как в детстве мать возилась со мной. Чему-то учила, гладила по голове, обнимала, но потом ее словно подменили. Однажды она просто не появилась на уроке. Вместо нее пришла незнакомая женщина, оказавшаяся учительницей. Вот с того дня все и изменилось.

Мой отец – Вилберт Маклэйн – был полной противоположностью матери, не слишком красивый, но очень добрый и мягкий.

Мои братья почти полностью пошли в нее. Зато я... Нет, я не была полной копией отца. Уж внешность мне точно досталась от матери, кроме глаз. Они у меня были отцовские, светло-ореховые с пушистыми ресницами. Не скажу, что я была такой же мягкой, как отец, но что-то

такое точно было. И если моему отцу мать мягкость прощала (хотя порой и попрекала ею), то во мне эта сторона характера ее дико раздражала.

Раньше я пыталась понять свою мать, как-то помириться с ней, узнать, что я делаю не так, и исправить это, но к своим восемнадцати годам поняла, что все это бесполезно.

В последние годы мы даже разговаривать почти перестали. Встречались только за обедом в общей столовой.

Впрочем, мои близкие люди и раньше не особо баловали меня своим вниманием. Я самая младшая, и у братьев всегда были несколько иные интересы. А уж когда мать так резко поменяла ко мне свое отношение, то братья и вовсе решили отстраниться.

Лишь отношение отца ко мне не поменялось. Он по-прежнему называл меня своей ласточкой, приходил каждый вечер в комнату, чтобы пожелать спокойной ночи, и перед уходом обязательно гладил по голове и целовал в макушку.

– Амелия, нам нужно поговорить, – сказал отец как-то не слишком уверенно. Он явно нервничал, то и дело бросая взгляды на мать. Та, естественно, это заметила и тут же закатила глаза, раздраженно передернув плечами. После этого отрицательно качнула головой.

Отец тяжело вздохнул и устремил на меня взгляд.

– Конечно, отец, как скажешь, – ответила я, стараясь понять, что происходит.

Догодка мягким толчком стукнулась в сердце, заставив его биться быстрее. Конечно, это должно быть оно. Мне ведь уже восемнадцать – непозволительно много для девушки, чтобы оставаться незамужней. Должно быть, отцу пришло предложение о браке. Иной причины для подобного напряжения я не вижу.

Когда я поднялась, у меня на мгновение закружилась голова. Замужество. Я и ждала этого дня, и боялась. Кто знает, какой муж мне достанется. Увы, мне оставалось лишь уповать на то, что любящий меня отец не отдаст меня тому, с кем я буду несчастлива. К сожалению, в нашем мире девушки моего положения были лишены возможности выбирать себе мужей самостоятельно. За них это делали отцы и братья, стараясь при этом заключить как можно более выгодную сделку.

Если быть совсем уж циничной, то на рынке брака я была довольно выгодной невестой, если не обращать внимания на мой возраст. Семья

Маклэйн в королевских списках значилась высшей аристократией, что позволяло ей иметь титул геральдов – защитников Хальдора.

Кроме простого титула наша семья была на самом деле очень богатой. Земли, поместья, многочисленные стада скота и обширные охотничьи угодья. Все это, несомненно, должно было привлекать женихов ко мне, но этого не было.

Поначалу я радовалась, ведь благодаря этому богатству у меня должен был иметься большой выбор. Потом злилась, понимая, что меня в первую очередь будут рассматривать не как человека, а как большой мешок с приданым.

Вот только никаких предложений не поступало. Это вызывало во мне различные чувства. Было и облегчение, и злость, и обида, и недоумение.

Не так давно я смирилась. Я не знала, почему ко мне никто не сватается. Отец не отвечал, всегда виновато отводя взгляд, если я его спрашивала. Мать лишь кривилась, повелительным тоном советуя не забивать и так пустую голову глупостями, а усерднее заниматься и вести себя так, как приличествует воспитанной леди.

И вот сейчас, шагая за отцом, я чувствовала, как по телу разливается горячее волнение. Я настолько разволновалась, что даже не представляла, как на все это реагировать.

Совсем недавно я пришла к выводу, что замуж в конечном итоге всё-таки не слишком хочу. Для подобного было несколько причин. Первая – я была уверена, что меня возьмут только из-за влияния и богатства моей семьи, а не потому, что я – это я. И второе – мне как-то резко расхотелось отдавать свои жизненные силы тому, на кого мне просто укажут.

Иногда, накрываясь одеялом с головой, я мечтала, что когда-нибудь встречу мужчину, который полюбит меня просто так. Не потому, что я богатая невеста. Не потому, что влияние моего отца настолько велико, что он вполне может позволить себе поехать в замок короля и быть при этом уверенным, что его никто не станет выгонять оттуда, не пустив дальше ступеней. Не потому, что я могу поделиться не только жизненными силами, но и магической энергией, которая передалась мне от родителей, увеличивая тем самым срок жизни моего будущего мужа на многие годы.

Но с приходом рассвета все мечты развеивались, подобно

утреннему туману. Постепенно от этих мечтаний осталась лишь надежда, что отец постарается найти мне кого-нибудь, кого я смогу хотя бы уважать.

Пока я пыталась справиться с обрушившимся на меня волнением, мы успели дойти до кабинета. Войдя внутрь, отец стремительно обошел стол, взял лежащую на нем книгу и кивнул мне в сторону дивана.

– Присаживайся, Амелия, нам предстоит трудный разговор, – сказал он, а я несколько растерялась, но всё-таки, подобрав длинные юбки, присела, пытаюсь держать спину так ровно, как только могла.

– Что-то случилось, отец? – спросила я, подаваясь чуть вперед. – Вы слишком бледны.

Отец вздохнул и как-то обреченно на меня посмотрел, отчего я ощутила, как спину обдало холодком дурного предчувствия.

Вместо того чтобы ответить, он резко открыл книгу. Я тут же опустила на нее взгляд, сначала даже не понимая, что вижу.

В самой середине довольно толстого фолианта было сделано углубление, в котором покоился небольшой цветок нежно-розового цвета. Я хмуро посмотрела на него, а потом подняла взгляд на родителя.

– Зачем же вы испортили книгу? – спросила я его, качнув неодобрительно головой.

– Книгу? – отец как-то странно фыркнул, а потом осторожно достал цветок. – Сейчас тебя, Амелия, должно волновать только это.

– Цветок? – я внимательно осмотрела полностью раскрывшийся бутон. – И что же в нем такого особенного? Хотя я не видела таких в нашем саду.

Я задумалась, пытаюсь понять, мог ли цветок быть чем-то вроде предложения о замужестве. Вздохнув, тряхнула головой, выбросив подобные мысли. Ну в самом деле, почему у меня только одно на уме?!

– Амелия, – позвал меня отец, заставляя вынырнуть из раздумий и обратить на него внимание. – Это не просто цветок из нашего или какого-то другого сада. Это изъятие воли королевской магии.

Я пару раз хлопнула ресницами, пытаюсь понять, о чем говорит отец, а потом ахнула, неосознанно отпрянув.

– Но... это невозможно, – прошептала, опуская пораженный взгляд на нежный цветок, который выглядел так, словно его только что сорвали. – Это ведь старые сказки. Всего лишь легенда.

– К сожалению, это не так, – отец выдохнул и как-то весь сгорбился.

Мысли в голове разбегались. Я никак не могла за что-нибудь ухватиться. Мне казалось, что здесь и сейчас мой мир переворачивается, чтобы никогда больше не стать прежним. Это выбивало почву из-под ног, заставляя едва не задыхаться от накатывающего волнами волнения. А когда я вспомнила нынешнего короля, мне и вовсе стало дурно.

– Мы ведь можем ему не говорить, – попыталась я хоть что-то придумать.

Наверное, любая другая на моем месте плясала бы от счастья. Вот только я прекрасно знала все слухи, которые ходили про нынешнего короля. И выслушивая каждый раз о его жестокости, похотливости или несдержанности, я всегда жалела будущую королеву.

Отец вздохнул виновато и попытался улыбнуться, поглаживая меня по руке.

– Когда ты родилась, я был так счастлив. Я мечтал о дочери и был безмерно благодарен Адалинде. А уж когда нашел здесь, прямо на этом столе, цветок, так и вовсе ощутил себя самым счастливым отцом из всех. Моя дочь – будущая королева! Я поспешил. Прости меня. Адалхард был образцом разумного и благородного человека, и я даже не мог подумать, что у него вырастет такой сын. Прости, Амелия, но я не могу ничего поделать.

Я прикусила щеку изнутри, пытаюсь унять панику и рвущиеся наружу слезы. Злость на отца вспыхнула на мгновение и тут же угасла. Я слишком любила его, чтобы начать упрекать или обвинять. Он хотел как лучше, и не его вина, что Гордон Эклин-Маэр явно пошел не в своего знаменитого и благородного отца.

Пока я приходила в себя, отец убрал цветок обратно, скрывая книгу подальше от моего взгляда. После этого он обнял меня, поглаживая широкой ладонью по волосам и шепча, как он любит, как жалеет о своем поспешном решении и как ему бы хотелось все изменить.

Минут через десять, когда буря в душе слегка улеглась, я осторожно отстранилась, неосознанно потирая родимое пятно в виде замысловатого цветочного узора на указательном пальце.

– Поэтому ко мне никто не сватался? – спросила, только сейчас понимая, что на самом деле означает этот орнамент на пальце.

– Никто ничего не знал, кроме королевской семьи. Так что сватались, и очень многие. Просто мне приходилось всем отказывать.

– Но почему сейчас?

Отец тут же сурово поджал губы. В такие моменты я понимала, что не такой уж он и мягкий человек, если сам того не хочет.

– Король потребовал свою жену в замок.

От этих слов все внутри сжалось. Было страшно, а еще тошно. Восемнадцать лет не нужна была, а тут потребовал! Какой... мерзавец!

– Когда мне выезжать? – спросила, неосознанно поджимая губы точно так же, как и отец совсем недавно.

– Через неделю, – он вздохнул и как-то разом постарел, будто все краски с него в одно мгновение вылиняли.

– Не переживай, – я натянуто улыбнулась. – Я справлюсь. Все будет хорошо. Прости, но я пойду. Мне надо... подумать.

– Конечно, иди. Если что-то будет нужно...

– Я скажу, – закончила я за него и быстро поцеловала в щеку, тут же вставая и выходя из кабинета. Мне в самом деле надо было подумать и решить, как жить дальше.

Что-то мне подсказывало, что с этого момента моя жизнь станет не такой легкой и беззаботной, как мне бы того хотелось.

Часть 2

Зябко поежившись, я плотнее укуталась в легкий плащ. На улице было холоднее, чем я рассчитывала. Небо заволокло тяжелыми тучами, проседающими едва не до самой земли. Они опасно клубились, перекатывались, словно волны, подгоняемые ветром. Казалось, в любой момент может разразиться дождь.

Добравшись до любимой беседки, я стряхнула со скамейки опавшие листья и присела, обводя взглядом потускневший сад. Деревья и кустарники стояли почти голыми, щеголяя своими прутьями-ветвями. Прямо возле беседки красовались поздние цветы, которым, казалось, такая погода очень даже нравится.

Минут через пять по крыше дробно застучали капли.

Как бы мне ни хотелось ни о чем не думать, но мысли снова и снова возвращались в кабинет к разговору с отцом. Мне казалось, что образ нежно-розового цветка до сих пор стоит перед глазами.

Утихшая буря снова всколыхнулась в душе. Я не могла толком разобраться, чего во мне больше. К своему ужасу, среди негодования и страха я могла разобрать крупинки любопытства и странной радости.

– Я сошла с ума, – простонала я, сдерживая желание побиться

головой о деревянную стену позади себя.

Его величество Гордон Эклин-Маэр – король Хальдора, – по слухам, был ужасным человеком. Если собрать все, что я о нем слышала, то перед глазами вырисовывался весьма неприглядный мужчина, единственным достоинством которого была притягательная внешность.

Конечно, никто и никогда не попрекал короля и не осуждал. Еще бы, никому не хотелось лишиться ни головы, ни расположения короны. А на подобное король был скор, отчего его считали жестоким.

А еще он имел большую слабость к различным винам и женщинам. Поговаривали, что в постели он несдержан и его фавориток часто видели едва ли не выползающими из его покоев. Понятно, что об этом только тихо шептались по углам.

Заботливые отцы, любящие своих дочерей, пытались не пускать их в замок правителя, стараясь как можно скорее выдать их замуж. Иные, наоборот, стремились всеми силами протолкнуть свое чадо поближе к королю.

Многих весьма волновало, что он до сих пор не женат. Теперь мне понятно почему. Он мог менять женщин в постели [1] сколько угодно, но вступить ни с одной в брак не смог бы никогда – королевская магия не допустила бы подобного, ведь мы связаны с ним с самого моего рождения.

Сжав оледеневшие пальцы, я невидящим взглядом уставилась перед собой. Может быть, все это просто слухи и король не так ужасен, как о нем шепчутся? О, как бы мне этого хотелось. Вот только если вспомнить законы, которые вышли из-под его пера, то все становится еще более неприглядно.

Заметив краем глаза движение, повернулась, с удивлением замечая, как рядом со мной присаживается мать.

– Мама? Что-то случилось? – спросила и сразу прикусила губу. Мать не любила, когда я с ней заговаривала. Она и в самом деле тут же обожгла меня раздраженным взглядом, но смолчала. И я не стала больше ничего говорить, отвернувшись.

– Не забудь взять с собой изумрудное платье. Оно тебе идет, – сказала она минут через пять тишины, наполненной шорохом дождя.

– Конечно, как скажешь, – согласилась я немедленно, недоумевая. Какое ей дело до моих платьев? Она никогда не проявляла к ним никакого интереса. Мне хотелось спросить ее о многом, но я понимала,

что ответов не дождусь. В лучшем случае мать просто встанет и уйдет, как делала это всегда.

Как-то слишком глубоко вдохнув, она немного повернулась ко мне, рассматривая. Я тоже осторожно повернула голову, не зная, как себя вести с собственной матерью. Столько раз в прошлом я пыталась к ней приблизиться, понять, но каждый раз наталкивалась на стену. В конце концов я просто разочаровалась и устала, прекратив свои попытки сблизиться.

– Итак, ты теперь знаешь, – сказала она, рассматривая меня со странным выражением лица.

– Да, мама, – отозвалась я, кивнув для верности. – Отец рассказал мне о воле королевской магии.

– И что ты об этом думаешь? – резко спросила она, будто пытаюсь в чем-то уличить. – Я сомневаюсь, что ты осознаешь, как сильно нам всем с этим повезло. Теперь наша семья будет второй по значимости после королевской.

Я вспыхнула от негодования. Вот, значит, как? То есть ради того, чтобы хоть как-то на меня теперь влиять, она решила помириться? Не бывать этому!

Так, тихо, тихо. Всё, скорее всего, не так. Мать знала обо всем с самого начала, так что если бы она хотела на что-то там влиять через меня, то и вовсе бы не ссорилась, постаравшись с самого моего детства занять на меня определенное влияние. Но этого не было. Наоборот, она всеми силами пыталась отдалить меня от себя.

Чего же она хочет?

– Я понимаю, о чем ты, мама, – кивнула я, тщательно подбирая слова. – Не могу сказать, что счастлива, все-таки слухи...

– Глупая девчонка! – тут же осекла меня мать. – Даже если король именно такой, каким его описывают, то быть его женой все равно большая честь. Он король! Этого достаточно. В остальном он может быть хоть кривым, хоть косым.

Я поджала губы, сдерживая рвущиеся наружу слова.

– Возможно, ты права, – выдохнула, унимая колотящееся сердце.

– Конечно, я права, – фыркнула она. – Ты слишком молода. В твоей голове полно глупых мечтаний, о которых пришла пора забыть. Это все твой отец, – мать поморщилась. – Эта его... бесхребетность.

– Не говори о нем так! – сказала я резко, сердито вскидывая на нее

взгляд. – Отец прекрасный человек, в отличие...

– От меня? – мать хмыкнула, складывая руки на груди. – Можешь не трудиться. Я и так отлично знаю, что ты обо мне думаешь.

Она замолчала, и между нами повисла напряженная тишина. Я еще пару секунд посверлила ее взглядом и отвернулась, не желая больше ни смотреть на нее, ни говорить.

Странно, но даже спустя десять минут мать не ушла, упорно сидя рядом.

– Почему? – спросила внезапно я, тут же удивившись. На мгновение мне даже показалось, что голос принадлежал не мне. Хотелось оглянуться, убедиться, что мы одни.

К моему удивлению, она поняла меня совершенно правильно.

– Я не хотела замуж, – призналась она, поморщившись. И было не понятно отчего, то ли от самого признания, то ли оттого, что сказала это мне. – Твой отец и раньше не был сиятельным геральдом. Чересчур мягкий, невзрачный, он вызывал у меня только одно желание – брезгливо фыркнуть и отвернуться. Но фамилия Маклэйн слишком громкая, чтобы отказываться от такой партии. Мой отец был готов плясать от счастья. Моего мнения никто, естественно, не спрашивал. И даже то, что я была влюблена в Адалхарда...

– В короля? – перебила я ее, ощущая, как меня начинает слегка потряхивать от таких подробностей.

Мать рассерженно нахмурилась.

– В короля, – она вскинула подбородок и глянула сверху вниз, словно пытаясь таким образом отгородиться. Отчего-то в этот момент она показалась мне такой уязвимой, тронь – разобьется на мелкие кусочки. Казалось, она готова защищать себя до последнего, скрываясь в своем желчном панцире. – После брака с твоим отцом мне не позволили даже попрощаться с ним. Я никогда его больше не видела. А потом он погиб.

– Мне очень жаль, – хрипло сказала я, неосознанно сминая ткань платья заledenевшими пальцами.

– О, – она картинно закатила глаза. – Избавь меня от своей жалости. Это было давно и покрыто таким слоем старого мха, что вполне можно считать неправдой. В любом случае за всю жизнь я даже научилась слегка уважать твоего отца. О любви, конечно, речи никогда не шло. Да, у меня не было больше Адалхарда, но было богатство и

принадлежность к известной фамилии. К тому же мне нравилось управлять этим поместьем. Да и мои сыновья стали моей гордостью. Трое! Что еще надо? Оказалось, Вилберту очень хотелось иметь дочь. Я поддалась на его уговоры и в итоге лишилась большей части себя.

Мне кажется, я даже не дышала, вслушиваясь в каждое слово. Да, некоторые из них хлестали, как кнуты, били больно, наотмашь, но я чувствовала, что все это правда.

– Сначала, когда я родила тебя, то думала, все пройдет, она вернется. Но через пару лет я поняла, что после твоего рождения потеряла свою магическую силу, – она посмотрела на меня таким взглядом, словно я украла у нее что-то и не признаюсь. – Это стало последней каплей. Не приложив никаких усилий, ты с самого рождения стала королевой! А я ведь так мечтала... А потом еще и осушила меня! Это... это...

Едва не задыхаясь от внезапного гнева, она схватила за горло, обожгла меня взглядом и стремительно ушла, оставляя меня оглушенной и ошарашенной.

Я не могла поверить в то, что услышала. Мать ненавидит меня лишь потому, что я, по ее мнению, украла не только мечту, но и магию? Это так странно и глупо. Начать хотя бы с того, что Адалхард и Гордон совершенно разные люди. И если прошлый король на самом деле был благородным и прекрасным человеком, то о Гордоне такого я сказать не могу. А магия... При чем тут я? Она либо есть, либо ее нет. Я никак не могла ее отнять.

Я и не представляла, какие демоны терзают мою мать. На мой взгляд, все это казалось таким надуманным, но кто знает, может быть, потеря магии в самом деле вызывает настолько сильные негативные чувства. Вероятно, ей просто нужен был кто-то, кого можно было обвинить во всех своих бедах.

Качнув головой, я поднялась, краем глаза замечая на дереве напротив большого черного ворона, который сидел и смотрел прямо на меня. Накинув на голову капюшон, я торопливо направилась в сторону дома, старательно обходя лужи.

Разговоры сегодня дались мне весьма тяжело. Хотелось попить чего-нибудь горячего и забраться в теплую постель, чтобы забыться сном до самого утра. На сегодня размышлений достаточно, и так уже голова начала побаливать. Возможно, завтра я обдумаю сказанное

сегодня еще раз. А может быть, и нет.

И всё-таки чего же она от меня хотела? Зачем пришла ко мне? Может ли быть такое, что она пыталась таким образом помириться?

Вздыхнула.

Какой же всё-таки тяжелый человек.

Часть 3

«Я нашел ее. Это заняло намного больше времени, чем мне казалось. Хотя в своем состоянии я почти не ощущаю его течения. Оно скользит, едва касаясь, но не оставляет на мне ни единого следа. Окружающая тьма безразлична ко времени. Я в ее власти и давно понял, что самостоятельно отсюда мне не выбраться».

Когда я леглась спать, мне казалось, что сон должен сморить меня мгновенно, настолько я ощущала себя уставшей. Вот только стоило голове коснуться мягкой подушки, как мысли, словно взбудораженные птицы, атаковали меня.

Наверное, только сейчас я начала осознавать, что именно мне предстоит.

Перевернувшись на спину, я открыла глаза и устремила взгляд на темный потолок. За окном продолжал бушевать дождь. Мне кажется, он стал еще сильнее. Обычно этот звук меня успокаивали от него клонило в сон, но, видимо, не сегодня.

Что бы там ни говорила моя мать, но быть королевой мне не слишком хотелось. Я четко себе представляла, сколько всего на меня навалится. Это здесь, в поместье едва ли не на границе королевства, я могла вести себя почти что так, как мне хотелось.

Конечно, мать всегда была немного помешана на идеальном соблюдении этикета, но всё-таки я позволяла себе некоторые вольности, когда она меня не видела. Это при ней приходилось вести себя так, словно я проглотила палку. Мне иногда казалось, что со стороны я в такие моменты похожа на ожившую куклу.

В замке короля, должно быть, много всяких правил: явных и негласных. Что будет, если я ненароком нарушу какое-нибудь из них? Меня высмеют? В глаза вряд ли выскажутся, а вот за спиной могут и посмеяться.

И во что обычно одеваются королевы? Я ведь, по сути, теперь буду первой женщиной королевства. На меня будут смотреть, стараться равняться. А это означает, что я вполне могу диктовать моду.

Скептически хмыкнула. Вряд ли все будет настолько просто.

Перевернувшись на бок, я подложила ладонь под голову и вздохнула.

Будущее пугало меня. Я не представляла, что мне делать в замке.

Позволят ли мне предлагать новые законы? Смогу ли я хоть как-то влиять на жизнь простых людей в королевстве?

А ведь есть еще и король. Только от одной мысли, что всё сказанное про него – правда, мне становится так страшно, что в груди все холодеет.

Возможно, для моей матери достаточно только одного титула, но для меня король – это обычный человек, просто облеченный практически неограниченной властью. Уж со своей женой он точно может делать все что угодно. Вряд ли я смогу кому-то пожаловаться. Да меня еще и осудят за то, что выношу сор на всеобщее обозрение.

Прикрыв глаза, я попыталась представить себе короля. Получалось плохо. Увы, я его не видела ни разу.

Каждый год, ранней весной, в замке короля проходил бал. Его цель – представление аристократами своих дочерей, вошедших в брачный возраст. Юные дебютантки приезжали в замок, чтобы себя показать и на остальных посмотреть. Их, естественно, представляли королю. Иногда он мог даже выбрать себе фаворитку. Если такое случалось, то девушку селили в замке, поближе к королевским покоям.

Фаворитки появлялись даже у женатых королев. Правда, в силу обстоятельств это происходило очень редко, все-таки умереть из-за своей неразборчивости в связях никому не хочется. Так что женатые короли в таких случаях действовали на свой страх и риск.

Я нахмурилась и перевернулась на другой бок, тщательно при этом взбив подушку и обняв ногами и руками одеяло.

В свое время я весьма расстроилась, что отец не позволил мне отправиться в столицу на свой первый бал. А ведь я ждала его. Правда, позже, когда стала больше интересоваться происходящим в королевстве, поняла, что в столицу мне абсолютно не хочется.

Там считали, что быть фавориткой короля весьма почетно. Я совершенно не разделяла этого мнения. И не только из-за слишком ветреного и легкомысленного поведения.

Женщины всегда жили намного дольше мужчин. И я сейчас не о двух или трех годах. Разница измерялась десятилетиями. Одинокий

мужчина мог прожить от силы лет пятьдесят-шестьдесят. Женщина – раза в три дольше.

Раньше не знали, почему так происходит, но не так давно люди поняли, что все дело в жизненной энергии. Первые лет сорок мужчины чувствуют себя замечательно, но потом словно начинают угасать. Для того чтобы мужчина не умер естественной смертью от старости лет так в пятьдесят, ему требуется постоянный физический контакт с выбранной леди. Ну, или не леди.

Женщины – словно сосуды, наполненные силой до краев. Причем при каждом соитии они отдают некоторую часть мужчине, но затем в течение нескольких дней практически безболезненно восстанавливаются после потери. Правда, без последствий всё-таки не обходится. Если, будучи одинокой, женщина вполне может прожить, допустим, сто пятьдесят лет, то с мужем ее срок уменьшается до ста.

Одного, скажем так, контакта мужчине хватает примерно на месяц. Если соитие было с колдуньей, то без повторения он может прожить, отлично себя чувствуя, до полугода. Немудрено, что колдуньи всегда весьма ценились.

Не так давно колдунья могла спокойно прожить в одиночестве всю жизнь, не выходя замуж, но нынешний король издал указ, согласно которому любая женщина, обладающая магией, обязана связать себя узами брака, иначе ее ждет наказание.

Так что получается, все эти фаворитки просто так одаривают короля своей силой, отрывая от себя каждый раз по маленькому кусочку.

Одно хорошо: бесконечно вот так скакать по постелям мужчина тоже не может. При таком беспорядочном образе жизни однажды наступает переломный момент, и ловелас теряет способность брать силу. В таком случае его ждет только одно – очень быстрая смерть от стремительного старения.

Полагаю, его величество именно поэтому озаботился тем, чтобы я приехала в столицу. Ему просто нужно создать со мной узы, чтобы не умереть раньше времени.

Я немного нервно вздохнула и откинула одеяло, отчего оно теперь накрывало только мои ноги. Снова повернувшись на спину, я раскинула руки в стороны. Мне хотелось уснуть, но сон где-то затерялся.

Будущее казалось мрачным и безнадежным. Быть всю жизнь

простым сосудом для короля совершенно не хотелось, вот только меня никто не стал спрашивать. И если воле родителей я бы, может быть, еще и попробовала воспротивиться, то в случае с магией все это бесполезная трата времени.

От размышлений меня отвлекли какие-то странные хлопки, прозвучавшие в тишине комнаты слишком громко, напугав меня. Через мгновение я ощутила тяжесть на ногах.

Возможно, кто-то другой спокойно бы сел, спросил, кто тут, или сделал еще что-то подобное, но меня от испуга буквально смело с кровати с тихим пискom.

Я точно знала, что в комнате, кроме меня, никого не должно быть. Дверь не открывалась, а значит, никто войти не мог.

Тогда кто только что коснулся моих ног, пусть и через одеяло?!

Ледяной страх прошелся колкими иголками по всему телу, поднимая волоски и заставляя сердце холодеть.

– Кто?! – громко крикнула, нервно взмахнув рукой.

Я хотела всего лишь зажечь магией свечу на тумбочке рядом с кроватью, вместо этого под потолком загорелись десятки трепещущих огоньков.

Бросив немного испуганный взгляд на огни, я тут же глянула на кровать. Я ждала чего угодно, но реальность оказалась намного странней. Хотела уже выдохнуть облегченно, но потом насторожилась.

– Ты откуда здесь? – спросила, мельком глянув в сторону окна. Оно совершенно точно было закрыто, как и дверь позади меня. И когда я входила в комнату, его тут точно не было.

Уж громадного черного ворона я бы точно заметила! Наверное...

Вместо ответа птица потопталась по одеялу, то ли прохрипела, то ли прошипела и чуть раздвинула крылья. Ворон был на самом деле очень большим. Я и не представляла раньше, что они могут быть такого размера.

Постояв так с минуту, я вдохнула и выдохнула, заставляя себя успокоиться. После этого осторожно погасила огни под потолком, зажигая магией свечу, как и хотела изначально. Не хватало еще поместье спалить!

Так откуда в моей комнате мог взяться этот ворон? Возможно, служанки проветривали комнату и он влетел внутрь, а я все-таки его не заметила? Такое может быть?

Оглянувшись по сторонам, я была вынуждена всё-таки признаться, что подобное вполне могло произойти. Я не осматривала внимательно свою комнату, когда вернулась сюда. Тем более я была слишком задумчивая и рассеянная.

Обойдя осторожно кровать, я приблизилась к окну и быстро открыла его. Раздвинув шторы, отошла на шаг, пристально наблюдая за птицей. В комнату тут же ворвался порыв свежего холодного воздуха вместе с каплями дождя.

Ворон, казалось, следил за всем, что я делаю. Когда я открыла окно, он снова чуть раскрыл крылья, слегка нахохливаясь, но не сдвинулся с места.

– Улетай, тебе нечего тут делать, – без особой надежды сказала я, понимая уже, что эта странная птица не желает покидать пределов моей комнаты. К тому же, судя по всему, она совершенно меня не опасается.

Может быть, ворон ранен?

Потоптавшись на месте, я все-таки осторожно подошла к кровати и медленно села на нее. Минут через пять безотрывных перегибков я аккуратно протянула руку в сторону ворона подумав, что нужно его проверить: вдруг и в самом деле поранился.

Он внимательно проследил за моей рукой, но ни агрессии, ни тревожности не проявил. Я понимала, что птица в любой момент может чего-нибудь испугаться и кинуться, поэтому действовала так осторожно, как могла.

В случае нападения главное – вовремя спрятать глаза. Учитывая громадный клюв, ворон без проблем может мне их выклевать. Да и с когтями надо быть осторожней, при таком размере они совершенно точно могут доставить мне много проблем.

Когда я всё-таки прикоснулась к чернильным перьям, то на секунду показалось, что мои пальцы окутал какой-то темный дым.

Глупости. Такого совершенно точно не могло быть.

Это просто птица, неведомо как залетевшая в мою комнату.

Просто птица.

Часть 4

На первый взгляд, с птицей все было нормально. Слишком старательно ощупывать ее я опасалась. Меня несколько нервировал пристальный взгляд черных, затягивающих глаз.

Оставив окно открытым, я решила, что ворон улетит, когда дождь

прекратится, а сама ушла в другую комнату.

Ночевать в своей спальне я совершенно точно не собиралась. Слишком уж свежо, да и ворон меня, откровенно говоря, пугал. Нет, он ничего такого не делал, даже позволил прикоснуться и осмотреть себя (что уже было странно), но вот его размер, как и спокойствие, настораживали.

Перед тем как закрыть дверь, я последний раз бросила взгляд на ворона, чувствуя, как мурашки покрывают все тело, – он смотрел! Пристально так смотрел, изучающе, будто все понимал.

Прислонившись к стене, я задумчиво огляделась, отчего-то чувствуя себя неуютно. А ведь я никогда не боялась своего дома. Спокойно могла по ночам бродить по комнатам. А сейчас мне казалось, что окружающая меня темнота какая-то живая, что ли. Нет, она не шевелилась, но мне до сих пор чудился взгляд той птицы.

А ведь говорят, что они очень умные. И живут очень долго. Почти как колдуньи.

Я вздрогнула.

Могло ли быть такое, что это и не птица вовсе?

Кто знает, на что на самом деле способны люди с колдовским даром. Меня, конечно, обучали владеть своей силой, но преподавали только основы, как и по всем остальным дисциплинам.

Любая леди из семьи геральдов должна иметь представление о многих предметах. И я сейчас говорю не об элементарных вещах вроде чтения, письменности и счета. Мне преподавали и историю, и политику, и мироустройство, и ведение хозяйства, и магию. Про банальный этикет, танцы, музицирование и рукоделие я вообще молчу.

Считается, что любая леди обязана уметь не только вышить платок, разобраться в домовых книгах, но и поддержать разговор с мужем на любую тему. И не важно, о чем вы будете говорить, о закупке крупного рогатого скота или же о причинах, из-за которых семьсот лет назад вспыхнула Ладийская война.

Так вот. Основы магии, позволяющие мне зажигать свечи или излечивать мелкие царапины и порезы, не дают ответа на вопрос: мог ли ворон быть на самом деле какой-нибудь колдуньей или колдуном? Просто я действительно никогда не видела таких крупных птиц. Да и появился же он как-то в моей комнате.

Да, я помню, что подумала о служанках и открытом окне, но что,

если всё совсем не так?

– Все-таки надо сказать, – тихо прошептала я, устремляясь к комнате отца. Они с матерью всегда ночевали порознь. Конечно, для поддержания жизни отца они обязаны были встречаться в общей спальне в определенные дни, но я старалась об этом не задумываться и никогда их там не видела.

Сегодня темные коридоры были какими-то слишком тихими. Звук моих шагов отлетал от стен, и иной раз мне казалось, что звук этот вязнет по углам, прямо в мягкой тьме.

Немного нервно оглянувшись, я подхватила одной рукой подол (в другой руке был зажат металлический подсвечник) и побежала.

Тут же появилось ощущение, что за мной кто-то следует. Горло сдавил страх, поднявшийся откуда-то из глубин сознания. Мне казалось, что я бегу слишком медленно, что еще немного – и на мое плечо опустится когтистая рука.

В груди все сжалось. Хотелось обернуться и закричать, выставя перед собой подсвечник.

Я понимала, если обернусь, то, скорее всего, ничего там не увижу, но внезапно накативший страх был сильнее любого довода разума.

На дверь отца я налетела со всего маху. Он никогда не запирал ее, поэтому я буквально ввалилась в комнату. Споткнувшись о лежащую на полу шкуру, взмахнула руками, выпуская от неожиданности подсвечник, а потом и вовсе свалилась на пол, больно ударившись при этом локтями и коленями.

Рядом со мной упал подсвечник. И это только добавило шуму, учитывая, что он был металлическим.

– Кто?.. – послышалось со стороны кровати.

– Пап, – позвала я, садясь прямо на пол и оборачиваясь в сторону открытой двери. – Это я. Прости, я упала, – добавила, уже немного приходя в себя.

– Что-то случилось, Амелия? – тут же встревожился отец. Около кровати зажглась свеча, и через секунду я ощутила на плечах сильные руки. Он помог мне подняться, а потом подвел к креслу и усадил, торопливо наливая в кружку воды из кувшина. – Тебя что-то напугало?

Я смутилась, чувствуя, как щеки заливают жаром. Великий, какая я идиотка! Сама себя напугала, ввалилась к отцу и в довершение всего неуклюже упала. Хорошо еще, подсвечник рядом упал, а то ведь мог и

на голову, и, учитывая его тяжесть, одной шишкой все бы не обошлось.

– Прости, просто там у меня в комнате откуда-то взялась птица. Я решила сказать, а потом... В коридоре так темно, я почему-то перепугалась.

– Птица? – выхватил главное отец. – Залетела в окно, что ли? В коридоре темноты испугалась?

Я прикусила щеку изнутри, чувствуя, как совсем недавно накатывающий страх отступает. Сейчас мне было так неловко и стыдно за свое поведение, что я даже не могла посмотреть отцу в глаза.

Собравшись с мыслями, я быстро и коротко рассказала обо всем. И о странном вороне, и об ощущении постороннего присутствия в темноте.

Вместо того чтобы заверить меня, что все это мне всего лишь почудилось, отец моментально нахмурился, становясь серьезным и собранным.

Оставлять меня одну он не стал. Вместо этого мы с ним отправились к моему брату. Он единственный, кто еще не был женат и оставался с нами в поместье. Остальные давно уже жили отдельно, правда часто бывали у нас.

После моего рассказа Герберт весь подобрался, прямо как отец совсем недавно. С его лица очень быстро пропал любой намек на сонливость.

– Что думаешь? – спросил отец у Герберта, хмуро оглядывая коридор, ведущий от моей комнаты до спальни отца.

Брат поводил рукой по углам, всматриваясь во что-то, а потом нахмурился так, что стало понятно: не все так просто.

– Странное ощущение, – пробормотал он, буквально прилипая к стене. – Будто тут и в самом деле кто-то был... и не был в то же время.

– Как это? – тут же заинтересовался отец. – Думаю, нам нужно взглянуть на эту птицу.

– Сомневаюсь, что она еще там, – Герберт отлип от стены и торопливо зашагал в сторону моей комнаты.

Как брат и сказал – комната была совершенно пуста. Всё выглядело так, словно я только что ее покинула. Разворошенная постель, откинутое едва ли не на пол одеяло, раскрытое окно и натекая под ним лужа из-за дождя. И ни следа ворона.

– Да, здесь похожее ощущение, только сильнее, – хмуро сказал

Герберт, прикасаясь к одеялу и постели. – И оно быстро исчезает. Задержишься мы минут на десять – и здесь не осталось бы ни следа.

– Объясни подробнее, – буквально потребовал отец, выглядывая из окна на улицу. Там все еще шел дождь.

Брат немного помолчал, явно собираясь с мыслями, а потом всё-таки заговорил:

– Каждый человек оставляет на предметах и даже просто в воздухе свой след, или это еще можно назвать отпечатком. Чем чаще человек прикасается или каким-либо образом взаимодействует с предметом, тем сильнее этот отпечаток. Например, в этой комнате все буквально искрит от жизненной и магической силы Амелии. И это нормально. Если человек не имеет магической силы, то он все равно оставляет свой след, правда лишенный какой-либо магии.

– Герберт, можно более коротко? – попросил отец, явно теряя терпение. У брата была такая привычка. Если он начинал что-то рассказывать, то как бы слегка увлекался. – Мы теряем время.

Брат бросил на отца хмурый взгляд, вздохнул и качнул осуждающе головой.

– И что? Спешить больше некуда. В этой комнате и коридоре был кто-то, но по следу я могу сказать, что это была магическая сила.

– То есть колдун? – уточнил отец, весь как-то странно подбираясь. Удивительно, но он мгновенно преобразился, став похожим на хмурого хищника, семью которого кто-то посмел тронуть.

– То есть сила, – педантично поправил Герберт. – Человека в этой комнате не было, была лишь его сила.

Брат сказал это и как-то растерянно осмотрелся, будто и сам не верил в сказанное.

– Вот только подобное невозможно, – тихо добавил он, садясь на мою кровать, предварительно накинув на нее покрывало.

Тут же вспомнилось, как при прикосновении к ворону мои пальцы на мгновение окутал черный туман. Значит, мне всё-таки не показалось тогда! Великий, что происходит? Кто это был?

Брат сказал «сила»? Но даже я знаю, что сила сама по себе, отдельно от человека, передвигаться не может.

Отец прошелся по комнате, а потом резко задернул шторы, словно его раздражало открытое окно.

– Амелия, возьми всё, что тебе нужно. Сегодня будешь спать у

меня, – сказал он, подходя к двери. – Мне это не нравится. Думаю, с твоим отъездом нужно поспешить.

Я не стала ничего говорить, хотя и не понимала, отчего отец пришел к таким выводам. Вместо вопросов я быстро похватила кое-какие вещи, которые с утра мне могли пригодиться, и поспешно вышла из комнаты.

– Герберт, а ты завтра отправляйся за своими братьями. Мы не можем отпустить Амелию одну. До столицы еще добраться надо, – буквально приказал отец.

Брат тут же кивнул, соглашаясь. Выглядел он при этом задумчиво.

По пути мы наткнулись на служанку, которая отчего-то не спала. Произошедшее недавно заставило нас посмотреть на бродящую ночью по дому девушку с подозрением. Она под нашими взглядами сразу стушевалась и залепетала что-то о том, как проснулась и захотела попить, вот и отправилась на кухню. При этом она беспрестанно извинялась, явно не зная, куда себя девать.

– Идем с нами, – приказал отец. В своей комнате он остановился около кровати. – Смени белье и можешь быть свободна.

– Конечно, господин, – девушка торопливо закивала, принимаясь за работу.

Спустя полчаса я уже лежала в постели. Отец отказался ложиться на кушетку, разместившись в кресле. Под его тихое дыхание я и сама не заметила, как уснула.

И снились мне крылья, а ещё черные, внимательно смотрящие глаза. Во сне я не понимала, чего так испугалась, ощущая, что никто не собирался причинять мне вреда.

Только не он, и только не мне.

Часть 5

«Я напугал её. Увлёкшись ощущениями и желанием изучить ее силу глубже, я забыл, как это могло выглядеть со стороны. Наверное, простительно, учитывая, сколько времени я уже здесь нахожусь. Вот только мне совершенно не понравилось быть причиной её страха. Он горчил, сжимал сердце и требовал от меня каких-то действий. Успокоить? Обнять? Я перестал понимать свои желания. Или подобное нормально для человека? Кажется, невольно я стал забывать об этом».

На следующий день все буквально завертелось. Отец по какой-то

неведомой причине развил бурную деятельность. Я смотрела на него и не узнавала. Всегда мягкий и улыбчивый мужчина превратился в резкого, твердого и властного человека. Он отдавал приказы слугам так, что сразу становилось понятно: ему нужно лишь беспрекословное подчинение и немедленное исполнение. Его всегда теплые глаза заледенели, а поджатые сурово губы приводили в недоумение.

Ближе к вечеру приехали братья. Я была удивлена такой скорости, а еще больше тому, какими озабоченными и встревоженными они выглядели. Лишь Герберт выглядел так же, как и я, – растерянно. Мать я и вовсе не видела весь день. Когда поинтересовалась о ней у служанки, та лишь ответила, что госпожа неважно себя чувствует, поэтому отдыхает в своих комнатах.

После того как Берхарт с Оллартом приехали, они почти сразу закрылись вместе с отцом в кабинете, прихватив с собой несколько дезориентированного и растерянного Герберта.

Мне оставалось лишь уйти в свою комнату и продолжить укладывать вещи. Что-то мне подсказывало, что в своем доме я ночью последний раз.

Спустя пару часов братья покинули кабинет отца. И если Герберт выглядел каким-то пришибленным и по-прежнему слегка растерянным, то двое старших всем своим видом пытались показать, что ничего не случилось.

– Амелия, идем со мной, – попросил меня отец, тут же разворачиваясь и устремляясь по коридору в сторону кабинета.

Я поспешила за ним, испытывая странную смесь предвкушения и волнения. Всегда считала свою семью вполне обычной. Да, богаты, да, вхожи в королевский замок, да, известны, но кроме нас в королевстве немало подобных семей. И вот со вчерашнего дня все ведут себя так, словно что-то знают, и это знание явно не простое.

– Садись, – коротко бросил отец, после того как дверь за мной закрылась. Я повиновалась, осторожно опустившись в кресло.

Отец между тем сложил руки за спиной и принялся вышагивать по кабинету от одной стены до другой. Выглядел он при этом таким задумчивым, что я не торопилась что-то спрашивать, рассматривая совершенно незнакомое мне суровое лицо. Даже складка между бровей вызывала у меня удивление – на моей памяти отец никогда не хмурился.

– Амелия, ты знаешь, что означает титул геральда? – внезапно

спросил он, заставив меня слегка вздрогнуть от неожиданности.

– Защитник, – ответила тихо и так, будто на самом деле спрашивала, а не отвечала. – Этим титулом наделены главы двенадцати семей, которые также считаются высшей аристократией Хальдора.

– Верно, – отец кивнул, но так и не остановился, продолжая выхаживать, словно ему так лучше думалось или же он пытался совладать с бьющей через край энергией, вызванной беспокойством. – Вот только ты никогда не задумывалась, от кого именно должны эти семьи защищать королевство?

Я чуть нахмурилась, размышляя.

– Я всегда думала, что от каких-то внешних врагов, отец.

– Поясни, – потребовал он, на мгновение останавливаясь.

– Я считала, что главы двенадцати семей во время войны становятся кем-то вроде генералов в армии. Я ошибалась? – спросила, немного наклоняясь вперед, будто боялась пропустить какое-нибудь очень важное слово или жест.

Отец хмуро потер висок, невольно показывая тем самым, что у него болит голова. А потом, сев за стол, сложил руки в замок и посмотрел мне прямо в глаза.

– Ты ошибалась, – ответил он довольно тихо, а у меня по спине прошелся холодок. Запах тайны взбудоражил, заставив дыхание участиться, а ладони слегка вспотеть.

Заметив, что последние секунды я даже не дышу, постаралась расслабиться. Наплевав на этикет, резко выдохнула и откинулась на спинку кресла, положив руки на подлокотники.

Отец, увидев это, лишь усмехнулся, но упрекать меня не стал, повторив за мной все действия. Даже глаза на миг прикрыл и улыбнулся, медленно выдыхая. И только в этот момент я поняла, насколько он был напряжен всё это время.

Мы посидели так минут пять, в уютном молчании, будто давая друг другу насладиться накрывшей кабинет тишиной.

– Если я ошиблась, то кто такие геральды? – спросила, когда стало понятно, что дальнейшее молчание только навредит.

Отец тут же подобрался. Лицо его снова стало слегка напряженным, но прежняя суровость так и не появилась.

– Ты правильно сказала, что они защитники, – отец хмыкнул. – Об этом знают все. Неудивительно, ведь слово «геральд» означает именно

«защитник». Этот титул сохранился с таких давних времен, что никто уже и не знает, от кого защищали геральды. Конечно, кроме тех, кто носит этот титул, – отец посмотрел на меня прямо, а потом снял с шеи ключ, висевший там, как я помню, всегда. Повертев его в руках, он наклонился и открыл им ящик стола.

– Вся правда здесь, – сказал он коротко, осторожно положив на стол небольшую книжицу, даже по виду выглядевшую старой. – Это дневник нашего далекого предка. Такие дневники есть у каждого геральда. Они были написаны для того, чтобы мы, потомки, не забывали о том, кто мы такие.

Я перевела взгляд с книги на отца.

– Мне прочесть его? – спросила, всё-таки выпрямляясь в кресле.

– Да, – отец пододвинул ко мне дневник, отчего ему пришлось приподняться в кресле. Я не торопилась брать документ в руки, смотря с легкой опаской.

– Отец, может, ты расскажешь мне... – я перевела взгляд с дневника, в котором мне чудилась какая-то странная угроза, на отца. – Расскажешь мне своими словами. А после я прочту его.

– Рассказать... – произнес он тихо, задумчиво, рассматривая меня с неким любопытством. Его явно удивила моя просьба. Я уверена, он думал, что я тут же схвачу дневник и погружусь в чтение. – Как скажешь. Что ж, слушай. Многие столетия назад на свете жили тринадцать геральдов – рыцарей-защитников.

– Тринадцать? – перебила я. – Прости, прости, отец. Я больше не буду, – немного по-детски пообещала, показывая, что я вся обратилась в слух.

– Именно тринадцать, – словно не заметив того, что я его перебила, ответил он. – Все они были крайне сильны. Обладали знаниями, которых не было у других. Они были искусными воинами и могущественными колдунами. И да, все тринадцать были мужчинами. Другим казалось, что все тринадцать равны по силе, но это было не так. Один из них отличался от остальных так же сильно, как колдун отличается от обычного человека. Он был умен, хитер, непомерно силен и довольно мудр. Двенадцать геральдов добровольно выбрали его своим лидером и беспрекословно подчинялись. Именно им мы обязаны возникновением Хальдора. Тринадцатый геральд единогласным решением стал королем созданного королевства. Все остальные

поклонились ему в верности, – сказав это, отец нахмурился, замолчав. Он сжал кулаки и как-то судорожно вздохнул.

– Все в порядке, отец? Если не хочешь говорить, я прочту, – поспешила я заверить, привставая, чтобы взять дневник. История, которую рассказывал мне отец, отличалась от той, которой меня учили. И она совершенно точно взволновала мое воображение, хотя я пока не понимала, какое ко всему этому имею отношение и почему отец решил рассказать нечто подобное.

– Нет, постой, – попросил он, взглядом давая понять, что разговор не окончен. – Все в порядке. Просто меня всегда возмущал этот момент в истории. Вернее, то, что сделали эти двенадцать рыцарей-защитников после того, как однажды дали клятву верности.

– И что они сделали? – спросила осторожно, уже примерно представляя, что услышу. Отец всегда не переносил лжи, коварства и лицемерия.

– Предали, – буквально выплюнул он, переводя полный негодования взгляд на дневник, словно тот был в чем-то виноват. – Все они хоть и были сильными, – продолжил он спустя пару минут, успокоившись немного за это время, – но оставались обычными колдунами. А вот тринадцатый рыцарь, ставший королем, явно шагнул со своей безграничной силой заметно дальше. Они посчитали его угрозой – по мне, так просто позавидовали – и предали его.

– И что с ним стало? Они его убили? – спросила встревоженно, нахмуриваясь. Услышанное беспокоило, учитывая, что один из тех рыцарей-предателей был нашим предком.

– Не знаю, – отец выдохнул и снова откинулся на спинку кресла, только в этот раз в таком жесте не было заметно расслабленности, лишь какая-то усталость. – Я говорил с остальными геральдами. У каждого есть свой дневник, но ни в одном не написано, что сделали рыцари со своим королем.

– И все же, от кого защищали геральды? – вспомнила я начало нашего разговора, аккуратно подхватывая дневник и открывая его на первой странице. Она была пожелтевшей и очень хрупкой. Чернила слегка потускнели, отчего я подумала, что нужно сказать отцу, чтобы переписал: еще немного – и этот дневник попросту нельзя будет прочесть.

Заговорил отец не сразу. Мне даже показалось, что он и вовсе

забыл мой вопрос или не обратил на него никакого внимания.

– В дневнике написано: от порождений скрытого мира, – всё-таки сказал он.

– Что?.. – кажется, у меня даже голос осип от такой новости. – Но ведь скрытый мир – это всего лишь... миф.

– Как и королевская магия, – хмыкнул отец, а потом замер пораженно. А затем и вовсе побледнел, хватаясь за ткань на груди. – Великий, это...

– Что такое? – я подскочила. Обойдя стол, схватила его за руку, тревожно всматриваясь в белое, как первый снег, лицо.

Отец молчал с минуту, а потом тяжело выдохнул, заметно расслабляясь. Явно что-то обдумал и пришел к выводу, который его успокоил.

– Нет, – он слабо улыбнулся, поднимая на меня взгляд. – Ничего, Амелия. Это все моя фантазия, – он тихо рассмеялся, вот только в смехе этом слышалось вовсе не облегчение, а напряженность. – Такого просто не может быть. Он просто потомок. Да, верно, просто потомок. Прошло ведь столько лет. Амелия, ты можешь прочесть дневник, но только тут. Я посижу с тобой.

Я с сомнением посмотрела на него, но, поняв, что больше никаких объяснений не будет, отошла. Подхватив дневник, устроилась в кресле удобнее, решив, что обдумаю поведение отца после того, как узнаю обо всем этом чуть больше.

И всё-таки, что же его так напугало?

Надеюсь, я когда-нибудь узнаю.

Часть 6

Чем больше я читала, тем сильнее во мне росло неверие и легкий страх. То, что было изложено в дневнике, никак не могло быть правдой.

Если верить написанному, то когда-то давно этот мир был совершенно другим – страшным местом, в котором спокойно резвились порождения скрытого мира. В словах, аккуратно выведенных когда-то давно пером, так и ощущалась мрачность. Перед глазами проносились картины вероятного прошлого. Я словно видела хмурые лица людей, которым приходилось ежедневно бороться, отвоевывая себе каждый раз немного времени.

Аккуратно закрыв дневник, я помассировала переносицу и подняла взгляд на отца.

– Здесь какая-то магия? – спросила, кивнув в сторону книжицы, лежащей рядом. Пока я читала, у меня создавалось такое ощущение, словно еще немного – и со страниц потечет жидкая тьма, разъедающая все на своем пути.

– Верно, – тут же отозвался отец, выглядевший слегка усталым и сонным, – видимо, я читала дольше, чем мне показалось. – Темная магия, или, как ее еще называли в то время, магия теней. Ты дочитала?

– Да, отец, – кивнула я, задумчиво постукивая указательным пальцем по кожаной обложке.

– Вопросы?

Они у меня совершенно точно были.

Если обобщить все, что я поняла, то выходило следующее.

В далекие времена грань между нашим миром и скрытым была столь тонка и нестабильна, что ее можно было с легкостью повредить. В большинстве случаев этим грешили существа того мира, любящие полакомиться людьми. Но и сами колдуны порой ненароком, а то и специально проделывали проходы.

В то время людям жилось несладко. Мягко говоря. Они были разобщенными, жили небольшими группами-общинами, стараясь укрыться в лесах и горах.

Даже самые сильные колдуны не могли просто так бродить по миру, ничего не опасаясь.

Тринадцать рыцарей встретились не сразу. Сначала подружались двое, потом к ним прибился еще один, и так далее. Пока их не стало тринадцать. И вот они уже грозная сила, которая спокойно могла находиться там, где ей хочется, почти не опасаясь нападений существ из скрытого мира.

Однажды они осели, вокруг них собралось небольшое количество людей, потом еще и еще, пока простая община не выросла в самый настоящий город, а потом и вообще в королевство.

Ими же и были придуманы ритуалы, благодаря которым уплотнялась грань между мирами. И вскоре в королевстве о существах перестали вспоминать.

Рыцари не стали эгоистично скрывать свои знания. Очень скоро ритуалы проводились везде. Каждый более-менее сильный колдун или колдунья, не жалея сил, выполняли их. Постепенно грань уплотнилась настолько, что позволила людям выдохнуть и почувствовать себя в

безопасности.

Рыцари выбрали своего тринадцатого геральда королем, надели ему на голову корону и посадили на трон. Много лет Хальдор процветал. Вот только не было больше согласия между геральдами. Зависть закралась в сердца. Внезапно вспыхнула жажда власти. Каждому из них стало казаться, что они поспешили, что любой из них более достоин править людьми.

Этот человек, наш далекий предок, пишет, что он сожалеет. Вот только от букв веет совсем не сожалением, а страхом.

Отчего-то у меня болезненно сжалось сердце. А ведь они его на самом деле не убили, иначе просто написали бы об этом. Что же они сделали? На какую участь обрекли?

И да, я поняла, почему отец так всполошился. Тринадцатый геральд, по словам моего предка, умел управлять своей магической силой вне своего тела.

«И в такие моменты страх прокрадывался в сердце. А ведь еще недавно мои глаза горели восхищением, и десятки чернокрылых птиц казались вестниками нашей близкой победы», – именно так писал предок.

– Скажи, отец, – начала я неловко, вдруг усомнившись в своих мыслях, но потом всё-таки собралась и продолжила: – Не думаешь же ты, что тот ворон как-то связан с тринадцатым геральдом?

Отец вместо ответа хмуро глянул на меня, а потом снова встал и принялся выхаживать по комнате, сосредоточенно о чем-то размышляя. Я не мешала.

– Этот дневник, – заговорил резко отец, приблизившись ко мне, – передал мне мой отец, ему дед, и так далее. Я могу спокойно процитировать любой отрывок из него, настолько часто я его читал. И поэтому, только услышав о птице, я сразу вспомнил строки из дневника, а уж когда Герберт сказал о силе... то и вовсе... устранился.

– Но почему? – спросила, недоумевая.

Отец поморщился, словно у него внезапно что-то заболело.

– Ты подумал, – продолжила я, так и не дождавшись никакого ответа, – что это может быть король прошлого? Но это ведь невозможно, отец. С тех пор прошло столько лет... Ни один человек не может жить столь долго.

– А ты уверена, что он был человеком? – как-то слишком тихо

спросил отец, всем своим видом источая неуверенность.

– Конечно, – я пожала плечами. – Кем еще он мог быть? Не думаю, что остальные двенадцать рыцарей не смогли бы разглядеть под личиной порождение скрытого мира. Это все зависть, отец. Они просто возжелали власти, вот и пошли на предательство. Каким бы ни был сильным этот колдун, он давно погиб.

– Но птица, откуда она взялась?

Я замялась, не совсем уверенная в своих выводах, но потом всё-таки решила их озвучить.

– Мне кажется, нынешний король всё-таки потомок того геральда. Если бы это было не так, то не было бы вот этого, – я приподняла руку, давая отцу полюбоваться моим своеобразным кольцом на пальце. – Это ведь королевская магия. А насколько я знаю, династия никогда не менялась. Эклин-Маэр всегда правили Хальдором.

– То есть ты считаешь, что Гордон унаследовал странную способность своего далекого предка и по какой-то неведомой причине явился к тебе в комнату?

Мне кажется, отец слегка расслабился. Из глаз еще не ушли до конца тревожные тени, но линия плеч немного изменилась.

От его вопроса я смутилась. Первой моей мыслью было, что это совершенно неприлично, но потом я вспомнила: мы вроде как уже женаты и мужу вполне дозволяется в любой момент навещать свою жену.

– Если ты так не считаешь, то почему решил, что мне немедленно нужно в столицу? – спросив, я, чтобы скрыть охватившее меня смущение и волнение от необычной ситуации, вскинула подбородок чуть сильнее, чем обычно.

Заметив это, отец мягко улыбнулся.

– Ну, ну, не ершись, колючка, – он фыркнул, явно забавляясь, я же на это только нахмурилась, но, стоило мне понять, что отец вовсе не собирается поддевать меня, расслабилась. Вернувшись за стол, он налил себе из кувшина воды, явно желая смочить горло. – Я не знаю, кто это был, Амелия. Если ты права и это всего лишь твой беспокойный муж, то нам в любом случае нужно поспешить в столицу. Сдается мне, что таким способом он мог выказать свое нетерпение. А если все не так, как нам кажется... Тогда тебе совершенно точно нужно быть рядом со своим мужем. Королевская магия защитит тебя.

– Ты уверен, что с вами все будет хорошо? – встревожилась я. – А если это всё-таки он? Нет, такое точно невозможно. Это всё фантазии, – тут же отмахнулась я от своих нелепых предположений.

– А если он всё-таки выжил и вернулся через столько лет, – будто не заметив моих последних слов, мрачно сказал отец, – то всем нам нужно будет молиться, чтобы Великий защитил от гнева того, кто имеет полное право на месть.

Я немного нервно смяла ткань платья, пробежавшись взглядом по комнате, словно пытаюсь уцепиться за что-нибудь.

– Но ведь мы ни в чем не виноваты, – возразила, будучи полностью уверенной в своих словах. – Отец, я думаю, нам стоит выбросить это из головы. Я уверена, что его величество просто желает меня видеть рядом с собой как можно скорее. Возможно, ему просто стало любопытно...

– Да, да, ты права, – отец встрепнулся, явно не до конца выплывая из своих мыслей. – Тебе пора спать.

Я согласно кивнула, бросила последний взгляд на дневник и поднялась. Подойдя к двери, обернулась.

– Я буду у себя, – предупредила, заметив, что отец снова погрузился в размышления и ни на что не реагирует. – Спокойной ночи, – пожелала, покидая кабинет.

Оказавшись в полумраке коридора, я невольно поежилась и поторопилась в свою комнату. Сегодня выехать не получилось, но завтра, я уверена, отец прикажет закладывать карету.

Поначалу я нервничала и никак не могла уснуть. В темноте мне все время мерещились хлопки крыльев.

– Скоро я буду с вами, ваше величество, – пробормотала я, с головой укутываясь в одеяло. – Так что оставьте меня пока в покое, – добавила тихо, словно боялась, что меня на самом деле услышат.

Как уснула, не помню. Наверное, за последние дни настолько вымоталась, что сон сморил мгновенно. Проснулась уже на рассвете, чувствуя себя так, словно только что закрыла глаза.

Как я и думала, за завтраком отец велел собираться.

– Карета ждет у входа, – добавил он напоследок и вышел из столовой.

Провожать меня вышли все слуги. Отец с матерью отправлялись со мной. Как и братья. Пусть мы с королем уже связаны с узами, но

церемонию никто не отменял. И мои родители просто обязаны на ней присутствовать. Это в обычных семьях можно пренебречь празднеством, но ведь король не простой лесоруб или рыбак, не так ли?

Мать отказалась ехать со мной в одной карете, впрочем, отец явно что-то подобное предполагал, поэтому для нее была заложена еще одна.

В очередной раз она меня уколола. И пусть я уже давно привыкла, но это не означает, мне не было неприятно, когда она красноречиво заявила о своем нежелании ехать со мной вместе.

Вскоре пара гнедых лошадей уже увозила меня прочь от родного дома. И я никак не могла определиться, нравится мне это или нет. Еще недавно я была уверена, что нынешний король самый неудачный кандидат в мужья, но после некоторых размышлений я уже не была в этом так уж уверена.

А все сны, туманные, почти стершиеся из памяти и оставившие ощущение правильности.

Королевская магия не ошибается. Именно так сказано в старых сказках и легендах. Вот только своим выбором она вовсе не обещает мне счастливую жизнь.

И я это отлично понимала.

Часть 7

«Она все ближе. Я ощущаю прикосновение ее света. Он обжигает, слепит глаза, но в тоже время убаюкивает, даря успокоение. Неожиданно это пугает меня. В моем мире до этого момента было место только для боли, ненависти и безумия, которое, несмотря на все мои усилия, подобралось слишком близко. Да, я понял. Это не меня пугает ее свет, а мое безумие. Это оно боится его. Думаю, это хорошо...»

Наши земли располагались не так уж и далеко от Адальграда. Столица Хальдора возвышалась над равниной словно громадный каменный цветок. Она не была сияющей, скорее походила на какой-то большой и укрепленный форт. Опоясанная высокой стеной, столица производила впечатление неприступной и холодной крепости.

Пространство вокруг нее хорошо просматривалось. Селиться под стенами города строго запрещалось. Всех, кто нарушал этот закон, весьма ощутимо штрафовали. Любые постройки подлежали сожжению.

После того как ворота закрывались на ночь, все, кто по какой-то причине не успевал попасть внутрь, обязаны были отойти или отъехать

как можно дальше от стен и ворот.

Если под стенами селиться было запрещено, то вот осваивать остальные земли равнины – нет. Конечно, вся земля давно уже принадлежала геральдам. Несколько их семей как раз жили неподалеку. Они и давали разрешение на поселение в местных деревнях.

Не каждый мог обосноваться здесь. Всё-таки равнина была хоть и просторной, но не бесконечной, а селянину нужно намного больше места, чем горожанину. Деревенскому жителю надо и огород засадить, и скот где-то пасти, и пшеницу засеять. А на все это нужна земля.

Далеко на севере равнина упиралась в высокие холодные горы, прозванные Пиковыми из-за своих острых, похожих на пики заснеженных вершин. Южные границы утопали в древних лесах, а восточные заканчивались морем, названным по какой-то неизвестной мне причине Заветным. На западе равнина соседствовала с другим королевством, которое давно считалось нашим союзником.

Мы успели приехать к столице до захода солнца, поэтому нам не пришлось вставать на ночлег у кромки леса.

Отодвинув немного шторы на окне, я с любопытством осматривалась.

От главных ворот до самого замка, который возвышался над всем городом мрачным гигантом, вела широкая мощеная улица. Я точно знала, что она единственная такая, остальные более узкие и не столь ухоженные. Здесь же всегда поддерживалась чистота, так как считалось, что именно с этой улицы начинается знакомство чужаков с нашим королевством.

Как по мне, так это не совсем правильно. Если уж бросать пыль в глаза, то нужно облагораживать весь город, чтобы гость столицы не боялся, свернув с главной улицы, влететь в грязь.

Адальград был каменным городом. Когда-то здесь возводили дома из дерева, но позже признали ненадежность деревянных строений, поэтому столицу полностью перестроили. Было это давно, поэтому многие здания выглядели довольно неприглядно.

Сам замок правителя имел отдельное название – Вальгард. Как и внутренняя стена, опоясывающая его. Она называлась Гардой. Если переводить дословно, то это означало «укрепление», «ограда». То есть та же стена.

Иногда появлялись те, кто начинал возмущаться подобным. Нет, не

названиями, а тем, что король якобы отгораживается от своего народа стеной, прячась за ней в своем замке. Таких людей быстро затыкали остальные.

Королевская семья считалась чем-то незыблемым, таким же естественным и необходимым, как небо над головой. Никто даже помыслить не мог, что однажды королевская династия может прерваться.

Впрочем, в этой уверенности не было ничего удивительного, ведь сама магия хранила королевскую семью от разного рода покушений. К сожалению, под защитой они могли находиться только внутри Вальгарда. Наверное, как раз по этой причине семья короля мало бывала вне стен замка. Думаю, именно поэтому Вальгард имел такой размер. Всё-таки если уж быть «заточенным», то в замке, который вполне может вместить в себя весь Адальград.

Если описывать общее впечатление, которое я получила, пока мы добирались от одних ворот до других, то могу сказать – мне не понравилось. На лицах людей не было улыбок. Всё выглядели какими-то напряженными. На наши кареты бросали настороженные взгляды, словно опасались чего-то.

Конечно, возможно, что это все мои выдумки и мне показалось. Вполне может быть, что люди в столице просто сами по себе именно такие. А может, все дело в затянутом тучами небе, которое так и грозило снова разразиться дождем. Если это так, то все еще более странно, ведь дожди в Хальдоре вполне обычное дело, как и частые туманы.

При въезде в замок всех нас тщательно проверили, даже осмотрели кареты с багажом. Отец не возмущался, спокойно наблюдая за досмотром. Мать же с болью в глазах, которую отчаянно пыталась спрятать, смотрела на Вальгард.

Наверное, мне нужно было осудить ее, тем более что подобное поведение мне казалось нечестным по отношению к отцу, но я не торопилась так поступать. Они взрослые люди, и не мне судить их и указывать, что и как нужно делать. Я просто надеялась, что мой отец, несмотря ни на что, счастлив и этот взгляд матери его совершенно не волнует.

Все мои мысли смыло горячей волной в тот момент, когда я приблизилась к Вальгарду. Я даже запнулась о ступеньку, забыв, как

нужно дышать. Вцепившись онемевшими пальцами в юбку, я застыла, широко распахнутыми глазами смотря на этого гиганта.

Мне казалось, что замок живой. Его темная сила клубилась туманом по стенам, оплетала статуи, выглядывала любопытно из стрельчатых окон и обвивала острые башни. Я могла поклясться, что он дышит, а если присмотреться, то можно было увидеть, как пристально в ответ глядят вроде бы застывшие глаза многочисленных статуй, которыми был украшен замок. А еще они переступали с ноги на ногу! И с учетом того, что статуи те изображали каких-то чудовищ, и вовсе становилось не по себе.

Эта темная сила приветливо потянулась ко мне. В первое мгновение мне захотелось отшатнуться, но я заставила себя остаться на месте, посчитав, что своими необдуманными действиями могу оскорбить хозяина этого места.

Я наблюдала, как темный туман осторожно, словно пробуя, прикоснулся к моей руке. По телу тут же прошла дрожь. Это было так странно.

Вскоре туман осмелел и обвился вокруг запястья, будто желал поздороваться за руку.

Я слегка улыбнулась и протянула руку, разворачивая ее ладонью вверх. В то же мгновение с крыши замка взвились сотни черных птиц. Они громадной стаей закружились над Вальгардом, молчаливо выписывая какой-то только им известный танец.

Словно аккомпанируя этому безмолвному танцу, вдалеке зарокотал гром.

Я сглотнула, возвращая взгляд на туман. Он окутывал мою руку, и было во всем этом что-то настолько трогательное, что страх отступил. На его место пришла странная, душащая нежность. Я и сама не поняла почему. Все вокруг выглядело так, что любой другой человек на моем месте обязательно бы испугался, но я знала, что здесь, в этом замке, мне опасаться совершенно нечего.

– Амелия, прекрати! – донесся до меня голос отца.

Я моргнула, и странное видение тумана, аккуратно прикасающегося к моей руке, исчезло. Оглядевшись, я охнула, стараясь как можно скорее взять под контроль свою разбушевавшуюся магическую силу.

Было стыдно. Со мной такое случалось только в далеком детстве.

После того как я научилась сдерживать ее, таких конфузов никогда не случилось.

В этот раз сила приняла вид падающего с неба крупными хлопьями снега. Мохнатые снежинки светились, будто на них попадали солнечные лучи. Оглядевшись, я поняла, что весь двор сияет, словно из-за туч показалось солнце и осветило особенно ярким лучом это место.

Прикрыв глаза, я пару раз вдохнула и выдохнула, пряча силу в глубине своего тела. Когда я снова открыла их, то никакого снега и света больше не было. Как и черных птиц, еще недавно кружащих над замком. Правда, сам Вальгард выглядел по-прежнему укутанным слегка прозрачной тьмой.

Мать презрительно скривилась и прошла мимо меня, задрав подбородок так, что я испугалась, как бы она не оступилась и не упала.

– Что случилось? – встревоженно спросил отец, заглядывая мне в глаза.

– Ничего, – я улыбнулась слегка виновато. – Мы просто поздоровались.

– Мы? Кто это мы? – он настороженно поглядел наверх, именно туда, где еще недавно кружили птицы.

– Не знаю, – слегка легкомысленно пожала я плечами.

Отцу явно не понравился такой мой ответ, но он не стал больше ничего спрашивать.

Нас расселили по разным комнатам. Замок отчего-то казался пустым, а ведь я точно знаю, что тут постоянно кто-то живет. Вернее, много кто живет. Даже слуги ходили какие-то пришибленные и чрезвычайно нервные.

Пока приставленная ко мне служанка несколько нервно раскладывала платья, я осмотрелась. Комнаты мне отвели весьма просторные. Всего их было три. Спальня, что-то вроде гостиной и гардеробная.

В спальне я нашла широкую кровать, накрытую светло-зеленым покрывалом. Многочисленные небольшие подушки в изголовье так и манили потрогать, проверить мягкость, гладкость, повертеть в руках. Кровать на поверку оказалась очень мягкой. Балдахин того же цвета, что и покрывало, обязан был обеспечивать некие комфортные условия поутру – большое окно, выходящее на восток, было завешено ажурными полупрозрачными шторами. Выглядело это чрезвычайно красиво, но в

ясный день утром в комнате явно будет слишком солнечно. По обе стороны от кровати стояли тумбочки. В ногах размещались мягкие пуфики, обтянутые атласной темно-зеленой тканью. На полу лежал пушистый белоснежный ковер. Спальня мне понравилась, светло и уютно.

В гардеробной не было ничего необычного. Множество вешалок и полочек.

В небольшой гостиной находился камин, несколько кресел, диван, столик и шкаф под книги. Вся комната была отделана в темных, но теплых оттенках коричневого, красного и черного с золотом. Выглядело все богато, но вполне симпатично.

Закончив с осмотром, я вернулась к гардеробной, решив кое-что спросить у служанки. Та явно не обрадовалась моему вниманию.

– Что случилось? – спросила я, когда девушка бросила на меня настороженный взгляд. – В замке отчего-то слишком тихо. Куда делись все обитатели?

Девушка на это глуповато хлопнула ресницами, явно удивляясь такому вопросу, но потом быстро взяла себя в руки и стерла с лица неуместное выражение.

– Его величество в последнее время немного сердит, – сказала она, не став ничего пояснять. Я понимаю, обсуждать короля в его замке весьма опасно, да и к тому же я новое лицо, мало ли кто я такая. Не думаю, что всем уже известно о наших с королем узах.

Кивнув, я оставила служанку в покое. Мне хотелось уже увидеть короля. К сожалению, придется потерпеть до завтра.

Вздохнув, я прикоснулась к стене и неосознанно погладила ее, замечая, как между пальцев тут же взвилась уже знакомая мне темная сила.

Улыбнувшись, я подумала, что, наверное, Гордон не такой уж и плохой, как о нем говорят. Думаю, что все эти нелюбезные слухи всего лишь сплетни всяких интриганов и завистников.

Да, скорее всего, так и есть.

Часть 8

За всю свою жизнь я редко ночевала за пределами нашего поместья. Наверное, еще и это добавляло нервозности.

Ближе к вечеру слуги принесли ужин и ванну, в которую быстро натаскали горячей воды. Я искренне поблагодарила их и выпроводила,

решив понежиться в одиночестве.

Раздеваться отчего-то было крайне неловко. Всё время казалось, что за мной наблюдают. Я понимала, что подобное невозможно, но всё-таки постаралась как можно скорее сбросить одежду и юркнуть в воду, сдерживая при этом желание прикрыться хоть чем-нибудь.

С подозрением осмотрев комнату, не заметила ничего необычного. Но это совершенно не успокоило, поэтому я отбросила всякие мысли о неге и расслаблении и постаралась помыться, не затягивая процесс.

Закончив, я уселась возле камина, решив, что перед тем, как лечь спать, обязательно нужно высушить волосы, иначе завтра никакая прическа не поможет. Волосы у меня были длинными, густыми и слегка вьющимися. Они очень подходили к моим светло-ореховым глазам, делая мое лицо более мягким и выразительным. Вот только мороки с ними было довольно много.

Мать всегда настаивала, чтобы я каждый день обязательно сооружала на голове какую-либо прическу. Раньше я следовала ее пожеланиям, но в последние годы обходилась сложной косой, которая очень нравилась мне и отцу.

После того как я поужинала, слуги унесли посуду, пустые ведра и ванну, оставив, наконец, меня одну.

Выдохнув, я откинулась на спинку кресла и поглядела на огонь в камине. Пламя слегка гудело, а дрова то и дело трещали, разбрасывая во все стороны искры. Эта картина убаюкивала.

Мотнув головой, чтобы прогнать навалившуюся сонливость, я поднялась и подошла к шкафу с книгами. Книг было не так много, как мне бы хотелось, всего чуть больше десятка.

Взяв ближайшую, я вернулась к креслу и открыла ее на первой странице.

«Великие деяния колдуна, носившего имя Аруэлий Странник. Рассказы его о странах далеких, за горами Пиковыми лежащих», – прочла я, с любопытством переворачивая страницу.

Я так увлеклась чтением, что совершенно забыла о времени. Рассказчик повествовал весьма красочно, отчего казалось, что не читаешь строки, а буквально видишь написанную картину своими глазами. Такое изложение получалось весьма редко, обычно писцы ограничивались сухими строками, которые должны были просто донести до читателя информацию, не больше и не меньше.

Запомнив страницу, я подавила зевоту и осмотрелась. Свечи оплавившись почти на треть, а дрова в камине практически потухли. Это значит, я провела за чтением не менее двух часов. Надо же, а я даже не заметила.

Положив книгу на столик, проверила волосы. У корней они еще были слегка влажными, но по большей части успели высохнуть.

Подхватив подсвечник, отправилась в спальню. Я думала, в ней будет прохладно, но, к моему удивлению, температура здесь была такой же, как и в гостиной рядом с камином.

Скинув халат, я поставила подсвечник на тумбочку, задула свечу и на ощупь пробралась под одеяло. В комнате воцарилась темнота и тишина.

Немного повозившись, обняла самую мягкую подушку и прикрыла глаза, пытаясь убедить себя, что мне совершенно не страшно и в темноте абсолютно точно никого нет.

Сон, еще недавно утяжелявший веки, куда-то испарился. Я лежала и практически не дышала, вслушиваясь в тишину. Хотелось зарыться в одеяло с головой, но стоило мне только это сделать, как сразу накатила паника.

Перевернувшись на спину, я слегка откинула одеяло, положила руки поверх него и закрыла глаза, стараясь дышать тихо и размеренно.

Я понимала, что все это глупости и в комнате, скорее всего, на самом деле никого нет, просто я не привыкла ночевать в новых местах, да и все эти события... В общем, я просто нервничала с непривычки.

Я почти убедила себя во всем этом. Даже слегка улыбнулась, а потом что-то произошло.

Дыхание перехватило. Я попыталась открыть глаза, но веки словно склеились. Дернувшись, я в панике осознала, что тело перестало мне подчиняться.

Голова закружилась от накатившего горячей волной страха. Живот моментально скрутило, и грудь сдавило. Сердце, еще недавно бившееся размеренно, пустилось вскачь, глухо толкаясь в ребра.

Я не понимала, что происходит, и не имела ни единого шанса спросить или увидеть самой.

Уверена, что не смогла бы сдержать панического крика в тот момент, когда меня кто-то коснулся, если бы мое тело по-прежнему принадлежало только мне. Вместо этого я внутренне сжалась, невольно

концентрируя все свое внимание на мягком прикосновении к губам.

Сначала я подумала, что этот некто меня целует, но потом поняла, что он по какой-то причине просто гладит мои губы пальцами.

Я напряглась. Живое воображение тут же нарисовало множество вариантов того, что со мной можно сейчас сделать. Я даже сразу и не вспомнила о магии. А когда вспомнила, так обрадовалась, что даже толком не заметила, что к губам уже не просто прикасаются, а на самом деле целуют.

Я попыталась хоть что-то придумать, подкрепляя свое дикое желание освободиться магией. Мне казалось, что она утекает из меня широким потоком, но долгожданная свобода не наступала.

Во всем этом определенно была какая-то странность, но в панике я толком не могла сосредоточиться. К тому же настойчивые губы отвлекали, заставляя обращать на них слишком много внимания. Меня никто еще и никогда не целовал. Неожиданно я осознала, что мое тело откликается на эти прикосновения. А когда неизвестный аккуратно раздвинул языком мои губы и проник внутрь, то я и вовсе ошеломленно замерла. Ну, я и так не могла шевелиться, но в тот момент я и внутренне как-то застыла, отслеживая происходящее с ужасом и легким любопытством.

Горячий и влажный язык ласкал мои губы, проходил по зубам и тянулся к небу, ласково прикасаясь к нему самым кончиком. И от всего этого меня начинало потряхивать. Хотя это скорее от страха и сильного волнения.

Я понимала, что меня должно мутить от подобного, я должна обмирать от осознания того, что со мной могут сделать, обездвижив, но вместо того, чтобы пробовать освободиться, все больше и больше внимания обращала на то, как на прикосновения откликается мое тело.

Когда губы сместились к моим скулам и шее, я уже почти плакала от раздражающих меня противоречивых чувств. Это неправильно! Я ведь замужем. Как я потом буду смотреть в глаза королю? Да и он вполне может почувствовать... Хотя я не уверена в этом. Природа уз до конца не изучена.

О чем я вообще думаю? Какой король? Какие узы? Соберись! Ты должна оттолкнуть его, кто бы это ни был!

Когда чужая ладонь легла мне на грудь, я почти сумела убедить себя в том, что у меня все получится, нужно всего лишь

сконцентрироваться.

А вот когда чужак сжал пальцы, ногтем царапнув вершину груди через ткань, мысли из головы на мгновение испарились. Захотелось скинуть с себя мешающую тряпку, выгнуться, чтобы дать больший доступ к телу.

Позор! Какой позор! Меня почти насилуют, а я испытываю столь постыдные чувства!

Собравшись, я зло стиснула зубы, собирая свою магию в единый комок. Не позволю так с собой обращаться! Никто не смеет что-то делать со мной, не спросив на то моего согласия.

И мне плевать, кто это.

Да хоть сам король!

Я выдохнула, резко отпуская магию. Поначалу мне показалось, что все бесполезно и она куда-то по-прежнему утекает, но потом я всем телом ощутила перемены. Меня отпустили и вернули подвижность.

Схватившись почему-то за горло, я резко выпрямилась, понимая, что комната буквально наполнена моей магией, отчего в спальне было светло, как днем.

Торопливо выбравшись из кровати, я встала посередине, дыша загнанно, будто только что бегала по лестницам. Огляделась. Никого! Как такое возможно?

Подбежав к окну, рывком отодвинула штору, но лишь смогла убедиться, что все заперто. Я обошла все комнаты, но все выглядело так, будто никого здесь не было.

Усевшись в кресло, я обхватила себя руками и прикусила щеку изнутри.

Если в комнату никто не заходил, то...

Может, мне показалось? О да, конечно, я еще с ума не сошла, чтобы такое вообразить по собственному желанию. Тогда что это было?

Вариантов два.

Возможно, ко мне всё-таки кто-то сумел пробраться. Вскочив, я вернулась в спальню и проверила ее еще более тщательно. Даже под кровать на всякий случай заглянула, но никого не нашла. Значит, если тут был кто-то живой, то успел скрыться.

Второй вариант меня пугал даже сильнее первого. Птица. Она ведь тоже была материальной. А что может помешать тому, кто приходил (прилетал?) к нам в имение, воплотить свою силу не в виде птицы, а в

виде человека? Возможно, есть какие-то правила или ограничения, а может, их и нет.

Если верен второй вариант, значит, только что тут был... король? Зачем это ему, если уже совсем скоро я окажусь в его постели? Ну, мало ли, вдруг ему нравится что-то подобное, кто его знает.

Поежившись, завернулась в одеяло и отползла к самому изголовью. Магия уже развеялась, поэтому комната лишь слегка светилась, но свечение это постепенно угасало.

Уснула я только под утро, сама не заметив, как провалилась в сон. К моей радости, никто меня больше не трогал. Утром проснулась на удивление бодрой. Правда, вспомнив, что сегодня мне предстоит знакомство со своим мужем, вполне сносное настроение скатилось до отметки «хочу вернуться в кровать, зарыться в одеяло с головой и никогда оттуда не показываться».

Пришлось срочно брать себя в руки и приниматься за наведение красоты. Предстать перед мужем растрепой с синяками под глазами и помятым лицом совершенно не хотелось.

А о том, что случилось ночью, я подумаю чуть позже. Обязательно подумаю.

Часть 9

«Идея прикоснуться к ней появилась внезапно. Она казалась мне окном в свежий, наполненный ароматом дождя мир. Только сейчас я понял, насколько устал от тяжелого смрада окружающей меня тьмы. Я истосковался по ветру и по бегущим по небу тяжелым облакам. Существует ли подобное на самом деле или же это игры моего разума? Не удивлюсь, что те тусклые картины, которые я считаю воспоминаниями, в действительности всего лишь моя фантазия. Существует ли небо? Так ли зелена листва, как мне помнится? Приятен ли холодный ветер, швыряющий в лицо капли дождя, или же я что-то путаю? Кажется, я уже ни в чем не уверен».

Остановившись у двери, попыталась унять дрожь. Сказать, что меня трясло – ничего не сказать. Я жутко волновалась. Мало того что я уже скоро увижу того, с кем мне предстоит прожить всю жизнь, так он еще и король! Это... все усложняло.

Дверь в тронный зал была закрыта. Я слегка растерялась, не зная, как мне лучше поступить.

– Миледи, вам плохо? – спросил подошедший церемониймейстер,

совершенно равнодушно осматривая меня с головы до ног, будто выискивал какие-то изъяны.

Под этим взглядом я даже сама засомневалась, что выгляжу достойно для встречи с королем. От волнения мне вдруг показалось, что темно-зеленое платье я выбрала зря. Надо было надеть что-нибудь более яркое.

– Да, все хорошо, – вымученно улыбнулась я, скосив взгляд на стоящего рядом отца. Впрочем, рядом был не только он, но и мать с братьями. И если последние спокойно дожидались, пока мой приступ легкой паники пройдет, то мать только и делала, что недовольно поджимала губы и шипела что-то о том, как неприлично нам стоять под дверью, будто мы какие-то нищие попрошайки, которым запрещено входить внутрь.

Я не слушала ее, так как мне сейчас было не до ее претензий.

– Как ты? – участливо спросил отец, ласково поглаживая мою руку.

В этот момент издалека донеслись шаги – кто-то явно торопился в тронный зал. Почему-то сердце в груди испуганно екнуло, будто я в самом деле делала что-то запрещенное или недостойное и боялась, что меня заметят за этим.

– Я готова, – сказала торопливо, услышав вздох облегчения, прилетевший от матери.

Отец тут же кивнул церемониймейстеру, давая понять, что нас можно представлять.

Мужчина со всем достоинством склонил голову чуть вбок, глядя на нас по-прежнему максимально равнодушно. В его глазах не мелькнуло ни единой искры любопытства или иной эмоции.

Подойдя к высокой двухстворчатой двери, он положил на нее руки в белоснежных перчатках и с явным усилием толкнул. Дверь поддалась, открываясь.

Мы тут же услышали множество звуков, присущих подобным мероприятиям. Правда, я сейчас могла из всего этого вычленишь лишь музыку и женский, слишком высокий смех.

Что говорил церемониймейстер, я не слышала – все мое внимание было сосредоточено на мужчине, сидящем на троне. Звуки доносились до меня как из-под толщи воды. Пальцы на руках заledenели до такой степени, что я едва ли смогла бы их сейчас сжать.

Я почувствовала, что мне все мешает. Казалось, что стоит сделать

шаг, как я обязательно споткнусь о свое длинное платье, запутавшись в ткани, как новорожденный жеребенок, впервые вставший на ноги. Корсет же сдавливал ребра так сильно, что мне приходилось дышать поверхностно, практически задыхаясь. Туфли вдруг стали жать, а прическа – казаться слишком затянутой.

Люди в зале виделись мне яркими пятнами, которые постепенно застывали. Вскоре до меня дошло, что все стихло: и музыка, и разговоры, и смех. Все смотрели на нас, отчего мне хотелось сделать шаг назад.

Сглотнув, я выпрямилась так сильно, как только могла. Хотя в чем-то я была благодарна матери – она вечно заставляла меня держать спину в любой ситуации.

Чуть вздернув подбородок, я повесила на лицо легкую улыбку.

Как мы дошли до трона – я не помню. Казалось, мы только что стояли около двери, и вот отец уже слегка придерживает меня под локоть, заставляя остановиться перед невидимой чертой.

Кажется, он что-то говорил королю. Я же не слышала. По правилам, вбитым в меня с самого детства, подхватила ткань на платье и присела, слегка склоняя голову.

Один, два, три, четыре, пять. Достаточно.

Выпрямилась, снова поднимая взгляд на короля.

Слухи не ввали – король был красив. Причем настолько, что хотелось любоваться бесконечно.

Светлые, чуть вьющиеся волосы блестели в свете многочисленных свечей. Глубокие голубые глаза сияли, завораживали своей чистотой. Длинные ресницы отбрасывали тени, придавая взгляду выразительности. Четко очерченные губы были растянуты в чарующую улыбку.

Король буквально источал притягательность.

Я сама не заметила, как перестала дышать, рассматривая своего мужа. Когда первое впечатление улеглось, что-то внутри меня царапнуло. То ли выражение глаз короля на мгновение показалось раздраженным, то ли в изгибе губ привиделось презрение.

Когда король грациозно (даже слишком, на мой взгляд) поднялся с трона, то я встрепенулась, невольно смутившись. Насколько увлеклась рассматриванием, что совершенно все прослушала.

Спустившись к нам, король встал напротив меня. Затаив дыхание, я

вздрагнула, когда теплые пальцы коснулись моего подбородка. Подняв взгляд, я в смятении подумала, что вблизи глаза короля еще более невероятны.

– Моя королева, – тихо сказал он, а потом отошел на полшага, аккуратно подхватил мою руку, склонился и поцеловал самые кончики пальцев.

В ушах зашумело. Я не видела ничего вокруг. Все плыло, и мне казалось, еще немного – и я упаду. Мне срочно нужно было присесть. Но даже так я слышала, как по залу прокатился громкий шепот. Люди явно были взбудоражены происходящим.

Король между тем чуть сильнее сжал мою руку, а потом бережно повернул так, чтобы я оказалась лицом к залу.

– Мои дорогие леди и господа, позвольте вас познакомить с этой изумительной красавицей. Леди Амелия Маклэйн – моя королева!

Стоило только стихнуть последнему звуку, как в зале воцарилась оглушающая тишина. Придворные явно были шокированы подобной новостью. Вскоре послышались первые голоса, потом выкрики, пара женщин слишком картинно свалилась в притворный обморок.

И только спустя долгую минуту кто-то хлопнул в ладоши. За ним еще один и еще, а потом хлопали уже все, старательно при этом улыбаясь, будто и в самом деле ничего более радостного в их жизни никогда не случалось.

Вскоре к нам потянулись первые смельчаки, желающие поздравить. Все что-то спрашивали, выясняли. Я ощущала, как десятки глаз общаривают меня, оценивают.

Некоторые взгляды явно были враждебными, другие же, наоборот, заинтересованными. Я буквально видела, как в головах многих выстраиваются заново всевозможные планы, меняются правила игры, дополняются какими-то деталями интриги.

Король же благосклонно принимал поздравления, словно он и в самом деле сделал что-то поистине весомое. Я и сама не заметила, как его рука сместилась и оказалась у меня на талии.

Если бы это был кто-то другой, то я сразу же попыталась бы выпутаться из этих неприличных объятий. Но от прикосновений короля не воротят нос. Тем более что он, в принципе, в своем праве. Вот только этот жест слегка подпортил впечатление.

Вскоре королю явно надоело, что вокруг нас столько людей,

поэтому он приказал всем танцевать. Практически сразу заиграла музыка.

– Вы позволите, моя королева? – спросил Гордон, пряча одну руку за спину, а вторую протягивая мне.

– Конечно, ваше величество, – я слегка улыбнулась, пытаюсь понять, что именно не так.

Отчего-то мне чудилась в его словах какая-то насмешка.

На мое согласие король лучезарно улыбнулся, подхватил меня и закружил по залу.

– О, моя дорогая, вам стоит звать меня по имени.

– Как скажете... Гордон, – тихо выдавила я, представив, как это будет звучать, если я при всех буду звать короля по имени.

Такое ощущение, что он никогда не брал в руки книги по этикету. Он хотя бы понимает, что подобное для королевской семьи недопустимо? Или он специально так поступает? Хочет, чтобы я опозорилась при остальных?

То прилюдно обнимает за талию, то просит называть себя по имени. Мы ведь не в спальне, чтобы вести себя подобным образом.

Что происходит?

– Прекрасно, – Гордон буквально расплылся в улыбке, опуская взгляд вниз, – всё-таки я была заметно ниже него ростом. При этом – я уверена! – он смотрел мне в декольте. Мои щеки тут же опалил румянец. Дыхание сбилось. – Даже более чем прекрасно.

Его объятия стали крепче. Рука, совсем недавно придерживающая меня в районе лопаток, спустилась на талию. Я обреченно прикрыла глаза. Кажется, король не просто не читал книг по этикету, но и не видел их.

Вздохнув, я попыталась успокоиться. Возможно, здесь, в столице, нравы немного свободнее, и я просто слишком остро реагирую на совершенно безобидные жесты.

Отчего-то именно в этот момент вспомнились все слухи о короле. Я задумчиво покусала щеку изнутри. Его внешность ослепляет. Как-то я и забыла, что слышала о нем. Вся грязь совершенно не вязалась с тем идеальным мужчиной, которого я увидела на троне. Зато вот эти жесты, просьбы, взгляды очень подходили образу, нарисованному мною на основе слухов.

– Королевству требуется наследник. Я понимаю, что мы мало друг

друга знаем, но советники...

Кажется, краснеть еще сильнее уже невозможно. Это нормально – при первой же встрече говорить о наследниках? Или королю просто неинтересно?

– Вы ведь не против, моя дорогая? Все равно ведь мы с вами связаны с самого вашего рождения. Вы и так принадлежите мне. А потом будет и церемония, и коронация, все, как вы пожелаете.

– Разве в этом есть такая срочность? – спросила, снова поднимая взгляд и уже более внимательно следя за реакциями мужа.

– Советники, – сказал Гордон так, будто это был самый весомый аргумент, который обязан был все объяснить.

– Не они правят Хальдором, а вы, ваше величество. Мне бы хотелось, чтобы все происходило по правилам.

Гордон скривился, но практически сразу стер это выражение со своего лица и чарующе заулыбался.

– Конечно, моя дорогая, как пожелаете.

Музыка как раз закончилась. Отступив от меня на шаг, он поцеловал руку, благодаря за танец, а потом повел в сторону трона. Только сейчас я увидела, что рядом с тронном по правую руку короля стоит еще один, чуть меньшего размера. Трон для королевы.

Уже поздно ночью, ложась в одиночестве спать в своей кровати, я осознала, что именно меня насторожило больше всего.

Король не был колдуном...

Часть 10

На следующее утро, не успела я толком позавтракать, как ко мне пришел отец. Я была рада его видеть, так как мне хотелось поделиться своими мыслями и переживаниями хоть с кем-нибудь.

– Как ты, ласточка моя? – приблизившись, он поцеловал меня в макушку.

– Всё хорошо, пап, – ответила, улыбнувшись. И в самом деле, именно в этот момент у меня все было отлично. – Как спалось?

– Кровати могли бы быть и жестче. От таких мягких перин у меня болит спина, – сказал он весело, сверкнув глазами. – Но я пришел с тобой поговорить вовсе не об этом, – выражение на его лице сразу изменилось. Вся веселость словно испарилась в одно мгновение. – Думаю, ты тоже это заметила вчера на балу.

– Вообще, я много чего заметила вчера, – я помяла в руках

небольшой платочек, чувствуя неуверенность.

– Я о короле, – чуть нахмурившись, пояснил отец.

Я же не выдержала и подскочила на ноги, принимаясь ходить по комнате, шурша юбками.

– Что-то случилось? – спросил он, наблюдая за моими метаниями. – Он приходил сюда и что-то сделал? Что-то сказал?

– Нет, не приходил, – выдохнув, я постаралась взять себя в руки. Вернувшись к креслу, села в него и замерла. – Он такой...

Приподняв руку, я повертела кистью в разные стороны. Пытаясь подобрать слова, которые вроде уже висели на кончике языка, но никак не могли четко сформироваться, я беспомощно глянула на отца. Тот тяжело вздохнул, откидываясь на спинку кресла и принимаясь выстукивать какой-то ритм по подлокотнику.

– Красив, статен, но его манеры... – отец качнул головой. – Если бы он был моим сыном, то не избежал бы качественной порки. Вести себя подобным образом на публике – недопустимо. Как же Адалхард допустил подобное? Его величество совершенно не похож на своего отца. Конечно, я слышал о его возмутительном поведении, но никогда не думал, что все настолько запущено. Считал, что люди наговаривают или сильно преувеличивают. Но вчера он вел себя с тобой почти на грани открытого оскорбления.

– Может, его величество просто не слишком рад выбору магии и тому, что меня ему навязывают?

– Но это не означает, что он должен отыгрываться на тебе! Вы оба – заложники обстоятельств, – прошипел отец. Вообще, с тех пор, как он мне все рассказал о воле магии, я смогла увидеть другую его сторону. – Это все неприятно, конечно, но я пришел поговорить с тобой не об этом. Король – не колдун. Вот что самое важное во всем этом.

Отец остро взглянул на меня, будто пытаясь проверить: поняла я что-то или нет?

– Я заметила, – призналась, но взгляд отца не изменился. Значит, было во всем этом что-то еще. Что-то, о чем я не догадывалась. – И если король не обладает магической силой, то и вороном...

– Быть не может, – закончил он за меня, кивнув. – Все верно. Мы думали, что ворон – это король. Вернее, что это именно Гордон, но это не так. Это возвращает мои опасения.

Я скептически глянула и качнула головой.

– Полно тебе, отец. Это никак не может быть король прошлого. Мы ведь с тобой уже говорили. Хальдор образовался так давно, что с уверенностью носит титул одного из самых древних королевств. Даже самый могущественный колдун не способен прожить столько.

– Но это не Гордон, – отец упрямо поджал губы. Он совершенно точно не желал так просто расставаться со своими идеями. Почему?

– Не Гордон, – согласилась я легко, а потом встрепенулась, осененная догадкой. – Постой, отец. Может ли быть такое, что ты что-то ощущаешь?

Он мрачно глянул на меня, чем серьезно испугал. И нет, я напугалась не взгляда отца, а того, что он в себе нес. То есть получается, догадки отца основаны не просто на предположениях? Может ли быть такое, что именно по этой неизвестной пока причине он почти сразу заподозрил невозможное? Могла ли быть клятва геральдов в прошлом магической? Если да, то неужели она распространилась на потомков?

– Оставим пока это, – вздохнув, он чуть раздраженно поправил шейный платок, явно расслабляя его, чтобы дать себе больше воздуха. – Есть кое-что еще более важное во всем этом. Не знаю, заметила ли ты, но знака проявления воли королевской магии у короля нет.

Сказав это, отец замолчал. И смотрел он при этом прямо на меня, испытывающее так, выжидающе.

Я же сначала не поняла, о чем он вообще говорит. Проявление воли королевской магии... Что за знак такой? В первый момент я подумала о цветке, но потом сообразила, что отец явно имеет в виду что-то другое.

Опустив взгляд на руку, рассеянно провела пальцем по ветвистому рисунку. Это?

Если у меня есть, а у короля нет, то это значит... это значит...

– Ты уверен, что он у него тоже должен быть? – спросила придушенно, ощущая, как меня начинает трясти от догадки. – Может, он замаскировал его как-нибудь?

– После того как я нашел цветок, я узнал обо всем этом как можно больше. Знак появляется обязательно у обоих связанных. Его нельзя ни спрятать, ни замаскировать. Я и раньше редко бывал при дворе, а после твоего рождения и вовсе приезжал сюда всего пару раз. Каждый раз я видел наследника – а потом и короля – только в перчатках. В таком аксессуаре ничего странного нет, ведь многие и мужчины, и женщины его носят. Но тогда я посчитал, что он специально скрывает знак,

пытаясь сохранить подобное в секрете как можно дольше. Понятно, что я не мог просто подойти к нему и попросить показать руку.

– Получается, – мои плечи поникли, а сама я не знала, что мне думать, – что я замужем за кем-то, кого королевская магия считает королем, но не за Гордоном? Отец, – я вся подобралась, выпрямляясь, – что происходит?

Он тут же встал с кресла и подошел ко мне, отчего я невольно тоже поднялась. Взяв меня за руки, он сжал их, словно делясь своей силой и уверенностью. Не вытерпев напряжения, я прильнула к нему, ища поддержки.

– Не знаю, моя дорогая, – тихо сказал он, поглаживая меня по волосам. – Но я останусь с тобой, пока мы не выясним. В замке что-то происходит. Одно то, что здесь собрались все геральды, уже кое-что значит. Да и советники ведут себя подозрительно. Кажется, будто сам король и не знает, что ты на самом деле не его жена. Я склоняюсь к тому, что от него это скрыли умышленно.

– Зачем?

В комнате повисло недолгое молчание. Мы оба напряженно размышляли обо всем, пытаясь найти ответы. Я не знала, прав ли отец насчет того, что Гордон не знает об отсутствии уз. Я не представляла, что король может быть таким... нелюбопытным. На его месте я давно бы попыталась отыскать всю информацию. А ведь отец написал королевской семье о воле магии еще восемнадцать лет назад. Неужели Гордон за столько лет не поинтересовался всем, что с этим связано? Принял все на веру? Серьезно? Или же ему было совершенно безразлично, кто в итоге станет его женой? Наверное, второе ближе к истине.

– У меня есть кое-какие мысли по этому поводу, но я пока не знаю, насколько они верны, – в голосе отца слышалось отчетливое сомнение.

– И всё-таки, – настояла я, выбираясь из объятий.

Мы снова как по команде расселись по своим креслам. Я вздохнула, мысленно благодаря за эти объятия – они меня значительно успокоили.

– После всех вчерашних разговоров у меня сложилось впечатление, что им очень нужен человек, наделенный такой же властью, как и король. Мне кажется, если бы было возможно, Гордона давно бы убрали... от трона, – совсем тихо добавил отец.

– Но Вальгард подобного не позволит. А сам Гордон отлично знает это и не высовывает носа из замка, – дополнила я.

Отец на это кивнул, давая понять, что я всё правильно понимаю.

– Вот только как быть с церемонией? – спросила, ужасаясь ситуации, в которую попала.

Если Гордон не тот, с кем меня связали узы, то где искать «того самого»? Я всё ещё сомневалась, что это может быть каким-то невероятным образом выживший король прошлого. Скорее уж магия по какой-то причине выбрала королем не Гордона, официально коронованного людьми, а какого-нибудь дальнего родственника или вообще бастарда.

Вполне может быть, что магия решила сменить династию. Кто знает, как мыслит нечто столь отличное от человека. Вероятно, именно по этой причине Гордон родился без магических способностей, хотя раньше все короли вроде бы были колдунами.

Церемонию никак нельзя было проводить. Кто знает, как воспримет подобное королевская магия.

– Думаю, самостоятельно мы ничего не сможем сделать, – снова постучав по подлокотнику пальцем, отец резко поднялся на ноги. – Я постараюсь что-нибудь узнать. А ты, Амелия, постарайся выходить из своих комнат как можно меньше.

– Хорошо, – я кивнула, давая согласие. Я, конечно, хотела исследовать Вальгард, но это может и подождать.

– Ну все, мне пора, – сказал он, целуя меня в одну щеку.

– Спасибо, отец, – поблагодарила я, подставляя для поцелуя вторую.

Когда за ним закрылась дверь, я медленно выдохнула, пытаюсь совладать с резко накатившей паникой. Я только сейчас поняла, как просто я раньше жила. Даже вечные придирки и искривленные губы матери не настолько меня волновали, как мне казалось.

Решив немного почитать, чтобы успокоиться, я вошла в гостиную и замерла, «любуюсь» знакомым мне вороном, который сидел на спинке кресла.

При моем появлении он встrepенулcя, чуть раскрывая крылья.

Странно, но я не испытала страха, хотя и понимала, что этот ворон – никакая не птица, а воплощение чьей-то невероятно сильной магии. И что сила эта принадлежит не королю, а какому-то неизвестному мне

человеку, который, вполне возможно, не так давно насильно меня целовал и трогал, где ему вздумается.

Стоило мне вспомнить это, как смущение тут же жаром дыхнуло в лицо.

– Ах ты... – выдохнула я, чувствуя, как в душе поднимает голову возмущение пополам со злостью. – Да как ты...

Сила во мне взвилась, бесконтрольно ринувшись на ворона. Выглядело это резким порывом ветра, в котором сверкали кусочки колотого льда.

Ворон на это что-то прошипел и, снесенный порывом магии, распался черным дымом.

От неожиданности я испуганно вскрикнула и прижала руки к груди, заставляя магию утихомириться. Клубок тумана тут же снова собрался в птицу. Ворон сразу же совершенно бессовестно и нагло вернулся на спинку.

Почему-то именно это и стало последней каплей. Дойдя до второго кресла, я буквально рухнула в него и молчаливо заплакала. Мне было страшно. Я не понимала, что происходит, не верила, что Гордон такой уж глупец, каким казался в этой истории. А если это так, значит, он преследует какие-то свои интересы. И мне почему-то казалось, что лично для меня все это ничем хорошим не кончится.

Когда ворон перебрался со спинки на подлокотник моего кресла, я не заметила, а вот когда он начал аккуратно и даже нежно пощипывать клювом мои пальцы, то я обратила на него внимание.

Вздохнув, осторожно вытерла глаза и погладила птицу.

– Даже не думай, что я тебя простила, – пробормотала я, любуясь темным туманом, окутывающим мои пальцы.

Почему-то это умиротворяло, отчего я сама не заметила, как задремала. Проснувшись ближе к обеду, ощущая себя больной и разбитой. Ворона рядом уже не было. Почему-то это меня разочаровало.

Нахмурившись, я постаралась выбросить из головы глупости и отправилась приводить себя в порядок. Не хватало еще, чтобы меня увидели в таком состоянии.

Не стоит давать зловерным людям лишнюю пищу для слухов. А что в этом замке таких людей полно, я была полностью уверена.

Часть 11

Стоило мне только поправить одежду и прическу, как в дверь

постучались. Будто специально подгадывали, в самом деле. Это оказалась одна из служанок, правда не та, которая разбирала мои вещи.

– Прошу прощения, ваше величество, – служанка тут же присела, склоняя голову.

– Я пока что не королева, так что зови меня госпожой, – не дала я ей договорить, решив, что с моей стороны будет не совсем правильно присваивать себе подобный титул до церемонии. И пусть возложение короны всего лишь формальность, но всё-таки.

Девушка, выпрямившись, стрельнула в меня непонятым взглядом, но почти сразу спрятала все за выражением подобострастности.

– Как скажете... госпожа, – отозвалась она. – Его величество приказал мне провести вас к нему.

Так как я пристально на нее смотрела, то снова успела заметить не совсем понятные эмоции в ее глазах.

– Провести к королю? – с некоторым сомнением переспросила, на секунду даже решив, что ослышалась. – Король попросил тебя привести меня... куда? – уточнила, чувствуя, как холодеют пальцы.

– В его покои.

Я судорожно втянула носом воздух, отворачиваясь от служанки, чтобы она ничего не заметила на моем лице.

Король приглашает меня в свои покои. Вот так просто...

Я ведь сказала ему, что ничего не будет до церемонии, но, кажется, ему на мои слова откровенно плевать. Для чего ему нечто подобное?

Если меня увидят рядом с его покоем, обязательно поползут слухи. Завистников всегда много, и после представления на балу они постараются, чтобы моя репутация стала чернее самой темной ночи. Я не представляю, какую грязь они выльют на меня. Боюсь, даже фаворитки на моем фоне после такого будут выглядеть безобидными девами любви.

Разве король не понимает, что, приглашая меня вот так официально среди белого дня в свои покои, он подставляет меня под удар для злых языков?

Вздыхнула, останавливаясь. Я и не заметила, что все это время вышагивала по комнате, обдумывая ситуацию.

Думаю, что ему безразлична и я, и моя репутация. Он явно преследует какие-то свои цели. И я ни за что не поверю, что им движет всего лишь похоть, с которой он никак не может справиться, поэтому пытается поторопить события.

По общепринятому этикету до церемонии мы можем встречаться лишь на балах или при свидетелях. И ни в коем случае не наедине. Тем более в его покоях! Ладно бы еще кабинет, но покои...

Своим приглашением он буквально поставил меня в один ряд со своими фаворитками.

Если подумать, то он почти сразу после знакомства завел речь о наследнике. Почему? Опять же, я опущу такую маловероятную вещь, как нетерпение. Гордон – король. И если верить слухам, у него давно уже нет никаких проблем с женщинами.

Никогда не поверю, что, увидев меня, он настолько возжелал моего тела, что готов на все, даже если подобное очернит меня. Здравомыслящий человек так не стал бы поступать.

Даже если король очень сильно против нашей связи (которой, впрочем, нет), он ведь понимает, что ему придется жить со мной всю оставшуюся жизнь. Обычно люди стараются в таком случае как-то наладить отношения, а не ухудшать их буквально с первых слов.

И все это означает, что причины короля более весомые, чем желание заполучить будущую жену в свою постель в самые кратчайшие сроки.

И какие могут быть у него причины?

А что, если о наследнике он заговорил не просто так?..

– Ваше величество, прошу прощения, но... – перебила мои размышления служанка, о которой я и забыла, настолько погрузилась в свои мысли.

Резко развернувшись к ней, я поняла, что, даже если не пойду, слухи все равно могут поползти. Что стоит недоброжелателям просто придумать сплетню.

– Если позволите, – сказала девушка, замявшись.

– Говори, – разрешила я, подумав, что нужно послать кого-нибудь за отцом или братьями. И пусть король будет мною недоволен, но без свидетелей я к нему в комнату не пойду.

– Я знаю путь, – служанка бросила на меня настороженный взгляд.
– Вас никто не заметит.

– Недопустимо, – отрезала я, заставив девушку вздрогнуть от прокатившегося по комнате холода. В последнее время я весьма несдержанна, а ведь столько лет училась контролировать свою силу, что даже обидно. – Найди моего отца – геральда Вилберта Маклэйна – или кого-нибудь из моих братьев.

– Но король...

– Можешь сказать, что прибуду сразу, как буду готова.

Да, это, можно сказать, неуважение к королю. Обычно любой из подданных обязан явиться по первому же зову, но я готова пойти на конфликт, в который он меня вовлек, чтобы не дать очернить свою честь.

Служанка поклонилась и торопливо вышла.

Я же со стоном рухнула в кресло и прикрыла лицо руками.

Он будет в ярости. Совершенно точно будет.

Посидев так с минуту, я убрала руки и выпрямилась, размышляя, что делать дальше. Оставалось надеяться на благоразумие его величества.

Минут через тридцать, когда я с задумчивым видом рассматривала себя в зеркале, пытаясь понять, достаточно ли уместным будет идти к королю в подобном наряде или же нужно надеть что-нибудь более изысканное, в комнате послышался какой-то шум.

Сердце как-то сжалось, будто предчувствуя бурю. Поправив холодными руками складки платья, чтобы усмирить взметнувшиеся эмоции, я вдохнула и выдохнула.

Выйдя из гардеробной, я совсем не удивилась, увидев короля, который в этот момент выходил из моей спальни.

Заметив меня, король весь как-то подобрался, будто не разговаривать со мной пришел, а драться. Я даже от неожиданности приготовилась отражать магический удар, но потом вспомнила, что король не колдун, поэтому поспешила усмирить взвившуюся магию.

– Ваше величество, – приветствовала я короля, приседая и слегка склоняя голову.

– Вы... – начал он приглушенно, будто пытался справиться со своим гневом, – вы пытаетесь оскорбить меня... моя королева?

– И в мыслях не было, ваше величество, – тут же отозвалась я, выпрямляясь и устремляя свой взор на Гордона.

– А мне кажется, что пытаетесь, – прошипел он.

– Если вы о том, что я не пришла к вам в покои, – начала я, понимая, что мне придется сказать то, что собираюсь. И пусть это будет ужасно, ведь своими словами я буквально укажу королю на то, что он или не знает, или по какой-то причине игнорирует правила этикета, но промолчать я не могла, – то этому есть простое объяснение. До церемонии я не могу встречаться с вами наедине, только в присутствии свидетелей. Я пришла бы, после того как дождалась отца или кого-нибудь из братьев. Прошу прощения, ваше величество, что вам пришлось ждать.

Красивое лицо короля пошло красными пятнами. Я же скосила взгляд на дверь, с ужасом понимая, что она открыта и за нашим скандалом наблюдают любопытные слуги.

Гордон заметил мой взгляд. Повернувшись, он что-то яростно прошипел, а потом быстро подошел к двери и закрыл ее с такой силой, что с потолка посыпался песок прямо ему на голову. Кажется, это разъярило его еще больше.

После этого он развернулся, сверкая глазами. Я рефлекторно сделала шаг назад, испуганно сжавшись. Весь вид Гордона говорил, что он в бешенстве.

Медленно подойдя ко мне, он с каким-то странным выражением на лице осмотрел меня сверху вниз, задержав взгляд на моих руках, а потом я ощутила, как мою щеку и уголок губ обожгло. Мир качнулся, а сама я отлетела к стене, ударившись об нее плечом.

В первое мгновение я даже не поняла, что произошло. Магия

внутри взметнулась. Моргнув, я отстраненно наблюдала, как пол под мной расцветает морозными узорами. Воздух вдруг стал кристально-хрустальным. Мир зашатался, будто готовый в любой момент разбиться на острые кусочки.

Он меня ударил.

Это было настолько невероятно, что я даже не знала, как мне следует реагировать на подобное.

Подняв руку, я тыльной стороной прикоснулась к губам, чувствуя, как уголок губ тут же защемило. Отняв ладонь, посмотрела на нее, сразу же замечая кровь. Моргнув раз, другой, резко подняла голову, стараясь сдержать свою магию, которая рвалась наружу, будто разъяренный зверь.

То, что король ударил меня, настолько шокировало, что я никак не могла поверить в это. Женщины буквально отдавали часть своей жизни мужчинам, чтобы те могли жить дольше. Естественно, это накладывало свой отпечаток на отношение к женскому полу. И пусть нас не перевозносили и не ходили вокруг на цыпочках, подобострастно заглядывая в глаза, чтобы немедленно исполнить любое желание, но ударить женщину мог только полный безумец.

Я не знала толком, что мне делать, но готова была защищать себя до последнего. Вот только делать этого, как оказалось, уже не надо.

Увиденное настолько удивило, что я совсем забыла и о боли, и о словах, готовых сорваться с языка.

Посреди комнаты висел король, которого обвивали черные ленты, тянувшиеся со всех сторон. Они оплетали его руки, ноги, туловище, угрожающе сжимались на шее, давая понять, что в любой момент могут переломить ее. От этих лент исходил чёрный туман, похожий на пар, который поднимается от теплой воды в морозный день.

Оглядевшись, заметила, что вся комната замерзла, превратившись в ледяную пещеру. И поверх этого морозного льда буквально вьется черными лентами чернильный дым.

В этот момент звуки вернулись, и я поняла, что в коридоре отчего-то шумно, а в следующий момент дверь буквально вышибли. Комнату заполнило множество людей. Увидев происходящее, они замерли.

– Амелия! – вскрикнул отец, бросаясь ко мне и помогая подняться на ноги.

Почти сразу после этого черные ленты развеялись, отпуская

Гордона. Король свалился на промерзший пол и, схватившись за горло, закашлялся. Кто-то тут же кинулся к нему.

Я не видела, кто именно, так как, повинуясь рукам отца, дала увести себя в спальню. Он тер мои заледеневшие руки, дышал на них, пытаясь согреть.

– Все будет хорошо, – бормотал он.

Я же на это только вздохнула и прикрыла глаза.

После этого меня напоили настоем, от которого сильно захотелось спать. Сопротивляться я не стала, давая сонливости окутать меня. В момент, когда сон почти сморил, мне показалось, что я услышала хлопанье крыльев.

Мне снова снились чернокрылые птицы. А еще темные, внимательные глаза, которые, казалось, следили за каждым моим движением. И отчего-то мне было безумно приятно такое пристальное внимание. Оно заставляло меня гореть от странной и незнакомой жажды.

Часть 12

«Ярость. Я и забыл, какой она может быть ослепляющей и жгучей. Я знаю, что эта эмоция отрицательная. Она еще больше подпитывает визгливое безумие, которое просто в восторге от подобного. Оно ластится ко мне, нашептывая соблазнительные картины убийства. Благодаря этому я отбрасываю такие мысли, успокаивая свою ярость. Нельзя подпитывать безумие, иначе, однажды погрузившись в него полностью, я не смогу найти дорогу назад. Это недопустимо».

Я проснулась словно от толчка. Резко открыв глаза, замерла, задерживая дыхание. Вокруг было совершенно темно. Казалось, что темнота перед глазами буквально клубится и в ней возникают и исчезают многочисленные чудовища.

Моргнув, я перевернулась на спину, тщательно накрывая себя одеялом. Глупость, конечно, но еще в детстве была уверена: если спрячусь под одеялом, то никакие монстры, живущие в темноте, не доберутся до меня. Со временем я постаралась прогнать свои детские страхи, но иногда они вырываются наружу.

Закрыв глаза, я невольно начала вспоминать то, что произошло сегодня днем. Неудивительно, что я проснулась ночью, учитывая, что весь день то дремала, то вообще спала, напоенная каким-то сонным

отваром.

Под вечер я всё-таки проснулась и едва не с головой окунулась в скандал, который охватил весь замок. В своей гостиной я нашла отца и братьев, которые явно не желали кого-либо подпускать ко мне. В любой другой момент можно было бы возмутиться и сказать, что в моих комнатах вообще-то не проходной двор и они мешают мне отдыхать своими разговорами, но говорить я ничего не стала.

Как я поняла, большинство старались особо не высказываться, опасаясь, что впоследствии их слова могут быть повернуты против них самих. Но были и такие, кто хотел заковать меня в кандалы за нападение на короля. Отец демонстративно записывал каждого, кто говорил что-то подобное. Впрочем, таких людей было не так много, остальные же призывали всех прекратить лезть не в свое дело и оставить дела семейные королю и его супруге, то есть мне.

Возможно, меня бы и арестовали, решив, что король потом сам разберется, но на мою сторону неожиданно для многих встали все двенадцать геральдов и большинство советников. Так что недовольных моим поступком (не совсем поняла, что именно я сделала не так) было всего пара человек. Именно по этой причине стража, собравшаяся у моих комнат, совершенно не знала, что ей делать.

Сам же король, как я поняла, придя в себя, наорал на всех, дал кому-то в глаз, а потом скрылся в своих покоях, прихватив одну из фавориток. При этом он заказал себе в комнаты столько вина, что у многих закралось подозрение, что он не выйдет оттуда несколько недель как минимум.

Как-то так получилось, что под конец громкое обсуждение произошедшего скатилось в планирование будущей коронации, которую по совершенно непонятной и непостижимой причине решили проводить буквально на следующий день.

Удивительно, но даже те, кто поначалу кричал о моем аресте, приняли горячее участие в дискуссии. Казалось, что и геральды, и советники сплотились в едином порыве, оставив все разногласия. Впрочем, отец все равно недовольно поглядывал время от времени на «перебежчиков». Те же усердно делали вид, что это не они еще недавно желали кинуть меня в темницу, заперев там на пару веков. Казалось, моя коронация им вполне на руку и они совершенно не против подобного.

В конце концов все разошлись. Под моими дверями оставили пару стражников.

Уснула я поздно, да и то кое-как. Взбудораженное сознание никак не желало отдаваться на волю сна.

Вздохнув, я хотела перевернуться набок, но не смогла этого сделать. Сначала не поняла, что произошло, решив, что слишком сильно завернулась в одеяло, вот и не получается пошевелиться, а потом пришло осознание. Конечно, я испугалась. Мысли заметались. Я попыталась вздохнуть, но от навалившейся паники удалось лишь открыть рот.

Невидимый гость словно понял все мои затруднения – путы, удерживающие меня, ослабли, давая возможность немного двигаться. Воспользовавшись этим, я приподнялась и заползла на подушки, оказавшись в полусидячем положении.

Тьма вокруг расцветала белыми искрами – магия во мне начинала волноваться. Прикрыв глаза, я вдохнула и выдохнула, постаравшись взять себя в руки.

Итак, королевская магия связала меня с королем, но не с Гордоном. Туманный ворон появился в тот же день, когда я все узнала. Несомненно, это взаимосвязано. Эта сила вполне может принадлежать моему настоящему мужу. А это означает, что мне необходимо как-то наладить контакт, чтобы отыскать того, с кем на самом деле связала меня магия. И сделать это лучше до церемонии бракосочетания. Коронация, в принципе, мне не страшна, так как она всего лишь сделает меня официально королевой.

– Вы... – начала я немного неуверенно. – Где вы? – вопрос получился резковатым, а из-за волнения голос звучал сипло.

Сначала ничего не происходило, а потом я ощутила, как невидимые в темноте пальцы осторожно касаются моих щек. От неожиданности я вздрогнула, почти отшатываясь. Магия взвилась, отчего под балдахином стало довольно светло. Этого хватило, чтобы заметить, как темнота стремительно отступает. И я была полностью уверена, что она необычная. Уж больно знакомо змеились черные ленты.

– Простите, простите, – взволнованно забормотала я, пытаюсь усмирить силу, которая нехотя, но всё-таки подчинилась.

Когда вокруг снова стало темно, я замерла, в любой момент ожидая прикосновения. И оно не заставило себя ждать. Если закрыть глаза, то

казалось, будто кто-то водит по моим губам большим пальцем. Неожиданно, но это было очень приятно.

Выдохнув, я невольно подалась чуть вперед, сама толком не осознавая, что делаю.

В тот же момент почувствовала, как невидимые руки, сотворенные из чужой силы, спустились с губ на шею. Эти прикосновения будоражили, заставляя задерживать дыхание. Я не представляла, каким уровнем контроля силы нужно владеть, чтобы осуществлять что-то в таком роде. Только сейчас подумала, что подобное просто невероятно.

Впрочем, когда я ощутила на своих губах призрачное дыхание, вовсе обо всем забыла. А уж когда моих губ коснулись чужие, полностью выпала из реальности, погрузившись в призрачный поцелуй.

Краем сознания я понимала, что все это всего лишь воздействие силы, но ощущения от происходящего были настолько приятными, что я невольно возбуждалась все сильнее и сильнее.

Ночной гость будто почувствовал, что можно усилить напор. Поцелуй стал более жестким, страстным и откровенным, а руки так и вовсе отправились гулять по моему телу, словно желали исследовать каждый участок.

Распаяясь все сильнее, я в какой-то момент осознала, что происходящее не совсем правильно. Все-таки мне хотелось, чтобы первый раз у меня был с живым мужчиной, с собственным мужем, а не с магической силой. Возможно, потом, когда мы будем вместе и нам станет скучно... Так, думаю, об этом можно будет поразмышлять позже. Много позже.

– Пойдите, – попросила я, когда поцелуй на мгновение разорвался. – Нам надо спешить. Где вы? Вы можете как-нибудь показать? Я не знаю, что будет, если меня выдадут за Гордона, поэтому нам надо поторопиться.

Сила замерла, а потом я ощутила, как пути исчезли. Вздохнула и тут же сползла с кровати. Совершенная темнота царила только под балдахином, который не позволял лунному свету пробираться к кровати. Стоило только оказаться за его пределами, как стало ясно, что в комнате не так уж и темно.

– Где вы? – спросила, несколько неуверенно оглядываясь.

Тут же слышались хлопки крыльев. Я опустила глаза и сразу заметила на полу рядом со мной знакомого уже ворона. Под моим

взглядом он распахнул крылья, хлопнул ими раз-другой, а потом открыл клюв и как-то странно зашипел, словно хотел что-то сказать. У него явно это не получалось, поэтому ворон просто взлетел и устремился к двери. Рядом с ней он распался туманом и просто просочился сквозь нее. Я поторопилась за ним, чувствуя, как от волнения снова холодеют руки. И вообще, меня заметно трясло.

Перед тем как выйти из комнат, заскочила в гардеробную, накинула на себя плащ с капюшоном и надела сапожки, не желая бегать по камням босыми ногами.

Стража около дверей вдруг отчего-то решила заснуть. Я ни в коем разе не возражала против подобного.

Оглядев коридор, заметила ворона, сидящего на потухшем факеле. Поспешила, тихо прикрывая за собой дверь.

Мы явно спускались куда-то вниз. Факелы в этом месте оставались потухшими, но почему-то темно все равно не было. Казалось, чем ниже мы спускались, тем светлее становилось.

Винтовая лестница привела нас к запертой двери.

– И что дальше? – спросила тихо, рассматривая дверь. – В ней даже ручки нет.

Повернувшись, я не увидела ни ворона, ни тумана. Немного растерянно потоптавшись на месте, пару раз попробовав открыть дверь, я решила вернуться в комнаты и подумать над этой задачкой.

Часть 13

Я чувствовала себя просто ужасно. Ноги дрожали, спина затекла, а мышцы словно закаменели, особенно на лице. Казалось, эта легкая полуулыбка просто приклеится ко мне навечно. Тяжелая накидка оттягивала плечи, а перед глазами время от времени все темнело, но я продолжала стоять, тщательно вслушиваясь в заунывные напевы архипастора святой церкви.

Конечно, я не понимала ни слова, но это было нормально. Всем известно, что все молитвы написаны на высшем языке, который преподают только тем, кто решил посвятить свою жизнь служению Великому. На самом деле, у Бога есть имя, но знают его лишь церковники, остальные не имеют права пачкать своими грешными устами святое. Чтобы не было искушения, имя скрыли от простых людей, именно поэтому все мы называем его просто Великим.

Пока архипастор выводил молитву, как мне кажется, стараясь взвять как можно сильнее, несколько простых церковников ходили вокруг меня и окуривали. Нет, правда. Они держали в руках дымящиеся палочки, двигались по кругу, прилагая усилия к тому, чтобы на меня попало как можно больше дыма, а он, кстати, пах так сильно чем-то сладким и резким, что через пять минут у меня уже болела голова, слезились глаза и щекотало в носу. Но приходилось терпеть, иначе мой неуместный чих вполне могли принять за дурное предзнаменование.

Пытаясь отвлечься, я принялась рассматривать гостей, которых набилось в тронный зал столько, что они стояли плотной толпой. Откуда в замке столько людей? Что они тут все делают? Или многих просто пригласили заранее?

В первых рядах я сразу заметила отца с братьями. Мать стояла чуть позади с совершенно безразличным лицом. Казалось, что ее мысли где-то совсем в другом месте, но точно не здесь. Не понимаю, как можно быть настолько незаинтересованной в подобный момент.

Рядом с отцом обнаружились остальные геральды. В большинстве своем они были солидными мужчинами в возрасте, но пара геральдов отличалась молодостью. Явно приняли титул не так давно.

Около геральдов разместились советники. Я пока еще не поняла, сколько их всего, но, на мой взгляд, выходило что-то многовато. Каждый из них отвечает за какую-то определенную область. Например, дорожный советник. Что это за советник такой? Он что-то советует, когда король находится в дороге, или же он просто отвечает за все дороги в королевстве? Не совсем понятно. Так же, как и замковый советник. Он ответственен за то, что происходит в замке, или же за строительство замков?

В общем, с этим придется разбираться.

За советниками выстроился весь цвет Хальдора. Я толком никого из них не знала, но, судя по их взглядам, долго я в неведении не останусь точно.

Позади меня на троне восседал Гордон. Когда я видела его последний раз, на его лице была написана мука. Видимо, ночью он погулял даже слишком хорошо. И ведь никто даже не озаботился тем, чтобы хоть как-то облегчить страдания своего короля.

Когда архипастор замолчал, я буквально встрепенулась. Неужели скоро конец? Но все оказалось не так радужно. Повернувшись ко мне,

он дождался, пока ему принесут темно-зеленую подушечку, на которой лежала корона, а потом затынул новую молитву.

Пока церковник вдохновенно пел, я рассматривала корону. Она была сделана из золота и буквально усыпана зелеными прозрачными камнями, искрящимися от света. Удивительно, но почему-то от вида короны я не занервничала сильнее, а, наоборот, расслабилась и выдохнула.

Подняв взгляд вверх, я почти сразу заметила ворона, как ни в чем не бывало сидящего на люстре. И его совершенно не волновал огонь от свечей. Нормальное живое существо даже не подумало бы подбираться к подобной опасности, но мой ворон ведь не простая птица, так что он не обращал никакого внимания на огонь, трепещущий в тревожащей близости от его перьев.

Заметив, что я смотрю на него, он слетел с люстры и, сделав круг по залу, затих где-то позади меня. Мне хотелось обернуться, но я понимала, что подобное сейчас недопустимо.

Наконец, архипастор закончил. Я сразу сообразила, что надо делать. Присев настолько низко, насколько могла, я склонила голову, давая понять, что всем своим сердцем преклоняюсь перед Богом. Да, архипастор тоже всего лишь человек, но в данный момент он как бы олицетворял Великого.

Спустя пару секунд я ощутила тяжесть на голове. Вздохнув, досчитала до трех и выпрямилась. Архипастор отошел в сторону и замолчал. Открыв глаза, я обвела взглядом затихший зал.

– Клянусь защищать...

Голос мой в тишине звучал так, что даже у меня побежали мурашки. Я говорила и говорила, давая клятву защищать, оберегать, всеми силами стараться и прочее.

Честно говоря, я немного сомневалась, что возложение короны на голову королевы должно проходить именно так. Мне казалось, что все должно быть несколько проще. Церковные песнопения ведь не просто так проводятся. По сути, церковь как бы просит Бога по возможности помогать мне, присматривать и оберегать. Такого удостаивались обычно лишь сами короли.

Да и клятва...

Ее дают короли. Текст для королев совершенно иной.

Не знаю, что тут происходит, но ничего поменять нельзя. С утра

мне просто сунули текст под нос, сказав, что зачитать нужно будет именно его. Практически любой аристократ знал эту клятву наизусть. Это входило в обучение. Так что мне не потребовалось торопливо что-то заучивать.

Я пыталась заикнуться, что произошла какая-то ошибка, но все вокруг закрутилось, завертелось. От моих попыток отмахнулись, сказав что-то о том, что не так давно произошли изменения и все давно согласовано, а мне не стоит переживать.

Честно говоря, с утра все произошло настолько быстро, что я толком ничего не поняла. Ввалившиеся в покои служанки намыли меня, не слушая никаких возражений, одели, причесали, надушили, а потом отвели в тронный зал. Здесь к тому моменту уже все было готово. На мои плечи накинули тяжеленный королевский плащ, поставили в нужное место и, дождавшись короля, начали церемонию.

Когда я закончила, архипастор подал мне руку и потянул к трону. И этот жест меня удивил. Что тут происходит? Почему к трону меня повел именно он?

Обычно королеву провожает к трону король, как бы давая понять всем, что она пришла сюда по его воле. Но когда к трону ведет кардинал, это как бы говорит, что корону на мою голову возложил сам Бог.

Повернувшись, я заметила, что на спинке моего трона сидит ворон, а лицо у Гордона до того скучающее, что даже подозрительно. После того как я села, в зале громом разразились аплодисменты. Я видела, что некоторые тоже немного в шоке от происходящего. И неудивительно, ведь церемония проведения настолько странная, что становится непонятно: кого вообще короновали?

После этого начался бал в честь коронации. Не знаю, как я все это вытерпела, но через несколько часов думала, что еще немного – и из тронного зала меня можно будет выносить, настолько я устала.

Ближе к вечеру, когда мне уже можно было покинуть торжество, я это с радостью сделала.

Стоило мне выйти, как сзади тут же пристроилась пара стражников. Я глянула на них, но ничего не стала говорить. Сейчас мне хотелось только упасть на кровать, расшнуровать корсет и расслабиться. А потом поесть. Я была ужасно голодна.

В одном из коридоров наткнулась на Гордона, который явно

подждал меня. Он выглядел заметно лучше, чем с утра.

Растерялась. И что мне делать?

– Моя королева, – пропел он, заметив нас. – Вы сегодня просто обворожительны. Не желаете прогуляться со мной? В замке есть изумительный зимний сад, вам обязательно понравится.

Подумав немного, я неуверенно кивнула.

– Ваша охрана вам обязательна? – спросил он, подавая мне руку. – Я уверен, парни устали. Может, отпустите их?

Я стиснула зубы, мельком глянув в сторону Гордона. Отчего-то сейчас его лицо мне больше не казалось красивым, скорее оно напоминало искусственную маску, сделанную мастером, который забыл вложить в свое творение кусочек души.

Я не стала ничего отвечать и уж тем более не намерена была отпускать стражников. Такое ощущение, что король снова забыл о том, что, несмотря на коронацию, до церемонии брака мы не можем находиться наедине без свидетелей. Иронично и немного странно, конечно, но что поделать – этикет.

Для прогулок стражники вполне подойдут.

До зимнего сада мы не дошли. Видимо, королю не терпелось поделиться своими мыслями, поэтому он начал излагать их по пути.

– Почему вы так упорно не желаете оставаться со мной наедине? Какая разница, когда мы с вами окажемся в постели? – спросил он резко и недовольно.

Я даже слегка растерялась от подобного.

– Простите, ваше величество, но мне моя репутация весьма дорога. Подданные должны видеть перед собой пример и опираться на него.

Король скривился так, будто у него вмиг заломили все зубы.

– Вы случайно не в монастыре воспитывались, моя дорогая? В моем замке можно вести себя более свободно. К чему подобная закостенелость?

– Каждый выбирает то, что ему нравится, не так ли? – спросила, стараясь, чтобы мои слова не звучали оскорблением. Судя по всему, король весьма вспыльчивая личность. – Тем более осталось совсем немного, к чему такая поспешность? Вам не кажется, ваше величество, что ваша настойчивость выглядит уже несколько...

Король резко остановился, заставив меня замолчать.

– Я понял. Ты просто упрямая девица, которая носится со своей

добродетелью как с какой-то невероятной ценностью. Ты права, разницы нет, так что я могу и подождать, – он понизил голос и, наклонившись ко мне, прошептал: – Вот только я не обещаю, что потом буду нежен и аккуратен... моя королева.

Резко выпрямившись, король ожег меня взглядом, развернулся и ушел, оставив меня в недоумении. Он странный. Он очень и очень странный. Или ненормальный.

И его поведение уже нельзя объяснить тем, что ему просто сильно хочется. Во всем этом прослеживается нечто большее. Ему не просто хочется – ему надо. Для чего? Зачем он пытался поторопить событие?

А что, если...

Вздвогнув от своей же собственной догадки, я резко развернулась, решив сейчас же отыскать отца и поговорить. К тому же я так и не успела рассказать ему о двери в подземелье.

С каждым шагом вера в то, что мои предположения верны, становилась все сильнее. И от этого становилось не по себе.

Часть 14

Отца искать не пришлось – он сам меня перехватил. К тому же он был не один, а с моими братьями. Все четверо выглядели сосредоточенными и хмурыми.

– Идем, ваше величество, – позвал меня отец, улыбнувшись. Он кинул взгляд на корону, и улыбка его медленно увяла, а потом он и вовсе тяжело вздохнул и отвернулся.

– Что-то случилось? – спросила, встревожившись. Отец с братьями выглядели странно. – И куда мы идем?

– Я покажу тебе твой кабинет.

Я даже слегка приостановилась, растерявшись.

– Кабинет? Разве королевам нужны кабинеты? – я окончательно перестала понимать, что происходит. – Это как-то связано с непонятной коронацией?

– Амелия, – отец резко остановился и повернулся ко мне. – Давай поговорим в кабинете. Я расскажу все, что нам удалось узнать. И поверь, узнали мы многое. И не все из этого мне нравится. Вернее, не нравится ничего.

Дальше мы шли в полном молчании. Герберт постоянно оглядывался, ежился и старался ближе придвинуться к Берхарту, самому старшему из братьев. Берхарт даже не думал возмущаться,

наоборот, он в какой-то момент и вовсе положил руку на плечо Герберту, перед этим шутливо растрепав ему волосы.

– Спасибо, – выдохнул Герберт. – В этом замке мне не по себе, – прошептал он, заметив, что я посмотрела на него вопросительно. – Здесь кругом чужая сила. Все камни пропитаны ею. Я не представляю, почему остальные не ощущают ее, ведь она почти материальна, настолько ее много. Мне страшно представить колдуна, которому все это принадлежит. Вряд ли на подобное способен простой человек.

Я нахмурилась от слов брата, переводя взгляд на стену. В отличие от Герберта мне тут было, наоборот, весьма уютно. Да, чужую силу я ощущала, но она не давила на плечи, а словно укутывала в теплый бархат, убаюкивая и даря ощущение безопасности и надежности.

– Мне кажется, ты сгущаешь краски, – фыркнул Олларт. – Да, странный замок, мрачноватый. Когда бродишь один, становится слегка жутковато, но в принципе ничего особенного. Просто древний громадный замок, и только.

– Это просто ты совершенно невосприимчив к магической силе, братишка, – вместо младшего брата сказал Берхарт. – И даже при этом ты все равно ощущаешь нечто мрачное, темное и жуткое. А теперь представь, каково Герберту с его повышенной чувствительностью к магическим эманациям?

Вместо ответа Олларт просто пожал плечами. Ну да, средний брат у нас был тем еще чурбаном. Его нечувствительность к магической энергии распространялась и на эмоции. Он просто не понимал, почему его слова и поступки кого-то задевают. Особенно его всегда удивляло, когда люди обижались на правду.

Отец не обращал внимания на тихий разговор братьев, упорно ведя нас куда-то в сторону левого крыла замка. Нужно будет потом обследовать замок более тщательно, все-таки он на самом деле очень большой. Правда, что-то подсказывало мне, что я не смогу в нем заблудиться, даже если захочу.

Ключ от кабинета оказался у отца. После того как мы прошли внутрь, он отдал его мне.

Стоило только свечам осветить комнату, как я тут же принялась осматриваться.

В принципе, ничего необычного. Вся мебель темного цвета, включая диван, стоящий около одной из стен. На этой стене висели

ветвистые рога, и это явно указывало на то, что кабинет раньше принадлежал мужчине.

Кроме дивана тут был стол, несколько удобных кресел, шкафы, битком набитые книгами и какими-то свитками. Кресло хозяина кабинета своим видом напоминало малый трон. Я успела ужаснуться, подумав, что мне придется часами сидеть на чем-то подобном – это же неудобно! Но все вышло не так страшно. Кресло оказалось вполне комфортным.

Закончив осмотр, мы все расселись и выжидающе поглядели на отца.

– Итак, – начал он, устраиваясь удобнее, сразу давая понять, что разговор будет долгим. – За эти дни я узнал довольно много. Даже успел пожалеть, что бывал в замке короля так редко. С чего же начать?..

– Начни с церемонии, отец, – предложила я. – Ты ведь что-то знаешь о том, почему меня короновали столь странным образом.

– Знаю. Церемония не была неправильной. Это сложно объяснить, я и сам не сразу понял. Думаю, чтобы было понятнее, нужно вспомнить историю. В прошлом такое уже случалось. Обычно королева является опорой своему супругу. В основном она занимается замком, балами, пирами и прочими приятными для многих женщин вещами. Но в истории бывали моменты, когда Хальдор по какой-то причине лишался короля и бразды правления в свои руки брала именно королева. Стоит вспомнить Нимийский период. Мор, война с Каледасконией, голод, долгая засуха. И трон в самый трудный момент перешел королеве Нимийе. Это был один из тех периодов, когда Хальдор мог потерять свою независимость, но королева Нимийя изменила ситуацию, правя довольно жестко, но эффективно. Да, официально она была лишь регентом при своем несовершеннолетнем сыне и правила как бы от его имени, но если мы вспомним, то король Этерн был возведен на престол только после смерти своей матери. И надо сказать, что правление его было недолгим и принесло Хальдору много бед. Полагаю, что королева прекрасно осознавала, что ее сын не способен быть правителем, поэтому не отдавала ему власть до самого своего конца.

– Но ведь в Хальдоре сейчас есть король, – сказала я с недоумением.

Отец на это как-то странно качнул головой, то ли соглашаясь со мной, то ли отрицая.

– И вот тут мы подбираемся к самому интересному. Гордон – одновременно и король, и НЕ король.

– Подожди, подожди, как такое возможно? – спросил Берхарт, сосредоточенно постукивая пальцем по подлокотнику кресла – отцовский жест, передавшийся всем нам.

– Все очень просто. Как оказалось, после рождения наследника король с королевой представляют своего ребенка магии. Подробностей не знаю, так как на эту церемонию не пускают посторонних. То ли там обряд какой-то нужно проводить, то ли еще что-то, не могу сказать. И как оказалось, королевская магия не дала Гордону своего благословения. Надеюсь, пояснять, что из этого следует, мне не стоит?

– Наверное, именно поэтому он такой козел, – задумчиво сказал Олларт, за что получил от отца слегка осуждающий взгляд. – Что? Я не прав? Но его ведь все равно короновали.

– Короновали, – отец кивнул. – Вот только титул его не подкреплён магией. С магической точки зрения, Гордон – не король и никогда им не станет. По сути, у Хальдора сейчас только один правитель. И это ты, Амелия.

– А что будет, если мы с Гордоном пройдем церемонию? – спросила, ощущая, как мои пальцы снова холодеют. Так всегда бывает, когда я волнуюсь, пугаюсь или сильно переживаю.

– Он станет твоим мужем, – хмыкнул Берхарт. – Я так понимаю, что при вашем браке вы с ним как бы поменяетесь местами. Ты станешь выполнять функции короля, а он королевы. То есть на нем будут балы, пиры и прочие увеселительные мероприятия. В общем, ничего такого, чего он не делает сейчас.

– Но почему тогда со всем этим так долго тянули? – мне категорически не понравилось описание Берхарта. Мне совершенно точно не нужен был муж-повеса.

– Геральды с советниками пытались найти выход из положения, но ничего не получалось, вот они и вспомнили о моем письме. Решили, что посадить тебя на трон – хорошая идея, ведь многие магические контракты вскоре подойдут к концу и их нужно будет переподписывать, а без короля... или, в нашем случае, без королевы сделать это будет невозможно.

– Так, значит, я оказалась права, – тихо пробормотала, рассеянно обводя взглядом кабинет.

– В чем? – тут же заинтересовался Олларт, услышавший мое бормотание.

– Мне казалось странным, что Гордон так настойчиво пытается затянуть меня в спальню, – на этих словах я слегка смутилась – все-таки говорить о чем-то подобном с отцом и братьями мне еще не приходилось. – Наверное, он опасается, что я откажусь от церемонии. По сути, я на самом деле спокойно могу отказаться от нее. А вот если я забеременею и откажусь от брака с отцом своего ребенка, то моя репутация рухнет ниже некуда. Он понимает, что после такого мне просто некуда будет деваться. Но у меня уже есть муж, – я приподняла руку, показывая знак на пальце. – И кто знает, как отреагирует королевская магия на подобную измену.

– Нельзя подпускать Гордона близко, – сказал Олларт хмуро. – Такой подонок вполне может и применить насилие, если поймет, что уговорами не выходит. А ведь у него есть сторонники. Я прав, отец?

– Есть, – отец кивнул. – Некоторые советники на его стороне. Им выгодно, чтобы на троне оказался такой вот человек, который будет развлекаться и не лезть в их дела. Они очень надеются, что церемония состоится и Гордон укажет тебе, Амелия, место.

– Полагаю, что, по их мнению, это место находится в спальне, – Олларт оскалился, похрустывая при этом пальцами, словно разминал их перед скорой дракой. – Вот мрази. Нет, какие все-таки твари.

– Это все понятно, но где нам искать настоящего короля? – спросил ни у кого конкретно Герберт после некоторого молчания и задумчивой тишины.

Я тут же встрепенулась, вспоминая, что хотела рассказать о некой двери, на которую мне указали.

– Я, кажется, знаю, что это за место, – оживился отец, после того как я подробно описала свой путь и дверь, на которую наткнулась. – Где-то тут обязательно должен быть ключ от той двери.

– Откуда ты знаешь? – поинтересовался Герберт, когда мы все как по команде принялись искать что-то хоть отдаленное похожее на ключ.

– Когда увидите, сами поймете, – отозвался отец, выдвигая один из ящиков стола.

Искали мы долго, но всё-таки нашли. Как оказалось, за оленьими рогами находился тайник, который нам без каких-либо проблем удалось открыть. В нем-то и лежал довольно крупный ключ.

– Думаете, это он? – спросила, пытаясь вспомнить: видела ли я на двери подходящую замочную скважину или нет.

– Другого тут не было, – за всех ответил Олларт. – Идемте?

Мы, будто заговорщики, переглянулись и закивали, дружно покидая кабинет.

Когда мы шли знакомой мне дорогой, я время от времени слышала хлопки крыльев. Герберт при этом ежился сильнее, опасливо поглядывая по сторонам. А уж когда я заметила, что по стенам заструился черный дым, то младший из моих братьев и вовсе принялся сквозь зубы ругаться.

Вскоре мы добрались до двери. К этому моменту мы уже остались только вчетвером – стражу я отпустила, не желая, чтобы нам мешали.

– Наверное, сюда, – сказала неуверенно, указывая на дыру, которая вроде бы подходила для ключа.

– Тоже так думаю, – пробормотал отец. – Давай.

Я тут же вставила ключ и с небольшим усилием повернула.

Послышался щелчок.

Часть 15

Меня сразу же оттеснили назад. Я и не сопротивлялась, хотя шею тянула, пытаясь рассмотреть, что находится внутри.

– Я однажды был в этом месте с Адалхардом, – признался отец.

В этот момент на стене сами собой зажглись факелы. Одного взгляда на них хватало, чтобы понять – огонь магический. Синий с зелеными искрами, жутковатый, но красивый.

– Лестница? – Олларт отодвинул отца, давая понять, что пойдет первым.

За дверью и в самом деле была каменная лестница, ведущая куда-то вниз. Ширина лестницы составляла чуть больше метра. Она слегка искривлялась, будто этот лестничный тоннель вниз вырубали по кругу. Получалось, что мы все время немного смещались влево.

По мере того как мы спускались все ниже, факелы перед нами вспыхивали один за другим, при этом затухая позади. Выглядело это жутковато.

– Что это? – Олларт остановился, рассматривая ниши в стенах. Они были вырублены прямо напротив друг друга.

Все тут же заинтересовались, кроме отца. Раз он уже тут был, значит, видел.

С одной стороны стояла каменная статуя сурового воина. Высокий, широкоплечий, с мощными руками мужчина был запечатлен опирающимся на громадный двухсторонний топор. Воитель был изображен в боевом облачении, то есть в шлеме и доспехах. В нише напротив стояла статуя изящной невысокой женщины, двумя руками держащей кубок. Вид у обоих был такой, что сразу становилось понятно: люди эти если и жили когда-то, то очень давно. Их одеяния явно не соответствовали нынешнему времени.

– Мощный, – Олларт любовно огладил взглядом топор, явно пытаясь понять: смог бы он поднять оригинал или нет.

– Кто это? – спросил Герберт, стараясь встать как можно дальше от статуй. Ему явно что-то в них не нравилось. – От них нечто такое исходит...

– Это усыпальные статуи, – поделился своим знанием отец.

– Что? – старший брат удивленно на него посмотрел.

– Об этом мало кто знает, но правителей Хальдора на самом деле хоронят именно так. Для них создаются вот такие саркофаги, куда помещают тела. Это королевская усыпальница.

Мы с братьями еще раз внимательно оглядели две статуи.

– Я так понимаю, – Олларт кивнул в сторону статуи мужчины, – это первый король Хальдора – Венгерн Могучий? А это его жена – Ладисия?

– Верно, – отец кивнул. – Вот только Венгерн не был первым королем.

– Как это? А кто тогда был первым? – спросил Олларт.

– Потом, – отмахнулся от брата Берхарт. Сразу стало понятно, что старший брат отлично знает настоящую историю. Олларт хотел воспротивиться, но под взглядом брата замолчал, сердито насупившись. – Если отец захочет, то расскажет вам.

Герберт с Оллартом тут же поглядели на отца, а тот в свою очередь кивнул, давая понять, что обязательно расскажет.

Дальше мы спускались, стараясь поменьше говорить. После того как все узнали, что это за место на самом деле, старались вести себя более почтительно.

Ниши встречались часто. Все мы хорошо знали историю, поэтому, после того как поняли, кого именно изображают статуи, с интересом рассматривали их. В книгах, конечно, иногда описывалась внешность,

но увидеть своими глазами, пусть даже изображение,— намного познавательнее.

В самом низу обнаружили пустые ниши, явно уже готовые под нынешнего короля с супругой, то есть для меня. От подобного мороз побежал по позвоночнику.

— Это место магией увеличивается, что ли? — поинтересовался Олларт, деловито осматривая пока еще пустую нишу.

— Адалхард говорил, что да. Усыпальница как-то связана с королевской магией. Все эти статуи и ниши она создает сама, когда приходит время, — сказал отец, кидая неодобрительный взгляд на пустые ниши. Видимо, ему тоже было несколько не по душе, что для его дочери уже и место готово. Никто из нас не был слишком суеверным, но всё-таки в этом виделся какой-то дурной знак.

— Я не понимаю, зачем он звал меня в это место, — тихо сказала я, осматриваясь.

Словно дожидаясь моего вопроса, стена, в которую упиралась лестница, слабо замерцала. Я тут же насторожилась, отступая на шаг назад. Отец с братьями тоже отскочили от подозрительной стены, наблюдая за происходящим.

По камню то и дело пробегали светящиеся синеватым искры, а минут через пять все они соединились между собой, образуя тем самым что-то вроде паутины. Спустя некоторое время послышался треск, а потом через «паутину» стал просачиваться черный туман.

Герберт, стоящий рядом, вздрогнул, а потом попятился, явно ощущая себя неважно. В синеватом свете его лицо выглядело так, будто еще немного — и он свалится без чувств.

Отец тоже заметил неважное состояние младшего из братьев.

— Поднимайся наверх и жди нас там, — бросил он резко.

Долго уговаривать Герберта не было нужды, он тут же развернулся и, перепрыгивая через ступеньку, помчался наверх.

Стена между тем как-то странно задрожала, а потом и вовсе осыпалась мелкой крошкой. Мы настороженно застыли, причем я только спустя некоторое время поняла, что держу руки так, чтобы удобнее было применить магию, если вдруг что.

С той стороны исходило свечение.

— Идем? — тихо спросила я, делая шаг в сторону открывшегося проема.

Меня тут же придержали за руку, не давая войти первой. Впрочем, я не особо-то и стремилась. Переползая кучу рассыпавшегося камня было весьма неудобно, но стоило нам только оказаться по ту сторону, как по бокам вспыхнули огни.

Это была громадная зала с высокими потолками. Магические светильники тут же зажглись, опоясывая весь зал. Но наше внимание привлекли вовсе не они.

Стена с другой стороны была вся увита каким-то слегка светящимся растением, которое цвело.

– Красиво, – прошептала, любуясь уже знакомыми цветами.

– Королевский цветок? – отец сделал шаг, явно желая рассмотреть поближе, но его придержал за плечо Олларт. – Что?

Вместо ответа брат кивнул в сторону пола. Я оторвала взгляд от мистически красивых цветов и посмотрела вниз.

Подойдя ближе, Берхарт присел, осматривая нарисованные чем-то красным линии, складывающиеся в круг. Это походило на магическую печать, давно потухшую и неактивную. О ее неактивности говорили и трещины в некоторых местах, благодаря которым рисунок кое-где сместился.

– Ты понимаешь, что это? – спросил отец.

– Явно что-то очень старое, – задумчиво ответил брат, даже не думая прикоснуться к линиям. – Судя по магическим знакам, это какая-то то ли жертвенная, то ли запечатывающая...

В этот момент я приблизилась к рисунку на полу, желая рассмотреть все получше. Почти сразу из щелей снова начал просачиваться черный дым. Берхарт немедленно отошел от печати. Вскоре рисунок начал наливаться светом. Это явно удивило старшего брата, который, судя по всему, был уверен, что печать нерабочая. Чем больше дыма просачивалось, тем сильнее наливался светом рисунок. Выглядело это зловеще.

Отец посмотрел на меня, а потом резко развернулся, явно намереваясь покинуть это место.

– Нет, – сказала я, давая понять, что никуда не уйду.

– Ты ведь все понимаешь, Амелия. Это опасно, – отец остановился, смотря на меня требовательно и взволнованно. – Мы не знаем, кто там.

Вместо ответа я подняла руку и показала рисунок на своем пальце.

– Там мой муж, отец, – возразила я, Впрочем не слишком уверенная

в своих словах. – Королевская магия, – я махнула рукой в сторону цветущего растения, – знала, что делает. Я и сама не могу поверить, – я ступала, от волнения покусывая щеку изнутри, – но все говорит в пользу того, что там тот, с кем магия связала меня.

– Амелия, – Берхарт с сомнением взглянул сначала на меня, а потом на пол. – Этой печати, судя по виду, очень много лет. Да и эта сила... Даже я ощущаю ее давление.

– Да знаю я, – прошептала, сама уже во всем сомневаясь. – Давайте просто достанем...

– Нет, – отец сложил руки на груди, давая взглядом понять, как он мною недоволен. – Мы не знаем, кто там.

– Постойте, – Олларт вскинул руки и помотал головой. – О чем, демоны вас задери, вы все тут говорите? Вы хотите сказать, что там, – он ткнул рукой в пол, – кто-то упрятан?

Отец мрачно на него посмотрел, а потом медленно кивнул.

– Не завидую я ему, – Олларт нахмурился. – За что хоть замуровали?

– Я понял! – воскликнул Берхарт, который все это время всматривался в рисунок, явно пытаясь расшифровать печать. – Это печать Вечной жертвы. Надо же, действительно очень старое колдовство. Сейчас уже никто подобного не повторит. Да и слишком жестоко это. Хотя кто знает, какие безумцы бывают.

– Что за Вечная жертва? – насторожился отец.

– Ты же знаешь, отец, что для некоторого колдовства иногда необходимы жертвы. А еще они нужны в ритуальной магии. Обычно можно обойтись птицей или животным, но редкие безумцы идут дальше, используя людей. Есть некая область... – Берхарт замаялся. Он явно не хотел демонстрировать, что знает о чем-то подобном, но под строгим взглядом отца всё-таки продолжил: – Это колдовство называют запретным. Знаний о нем почти не осталось. Мне удалось кое-что узнать. В общем, это ответвление ритуальной магии, в котором используются человеческие жертвоприношения. Причем очень важно, чтобы жертва страдала. Печать Вечной жертвы увеличивает срок жизни несчастного, не давая ему погибнуть от боли раньше времени. Самое интересное, что жертва как бы сама поддерживает печать своей магией. Получается такой замкнутый круг. То есть печать не дает умереть жертве, а та в свою очередь своей магией, которую вырабатывает, не

позволяет печати разрушиться. Отсюда и название – печать Вечной жертвы.

– Не может же такое продолжаться на самом деле вечно? – засомневался Олларт.

– Конечно нет, – Берхарт с энтузиазмом кивнул. – Всё зависит от личной силы человека, которого приносят в жертву.

Все замолчали, наблюдая, как наливается кроваво-красным светом рисунок на полу.

– Что будем делать? – спросил деловито Олларт. – Не знаю, как вам, но мне весьма жалко того бедолагу, которого там заперли.

– Мы можем об этом пожалеть, – вздохнув, сказал отец, явно сомневаясь в том, что нам вообще стоит что-то с этим делать.

– Не попробуем – не узнаем, – сумничал Олларт, обходя рисунок по кругу, явно примериваясь к нему. – Ломаем? – спросил он, поднимая на нас взгляд.

Мы с отцом переглянулись.

Стараясь не замечать тревоги в его глазах, я повернулась к братьями кивнула.

– Ломаем.

Часть 16

«Я ждал очень долго и верил, что мое терпение безгранично. Тьма – отличный учитель. Наверное, я даже благодарен ей. Вот только стоило мне понять, что освобождение близко, как терпение превратилось в тонкую нить, готовую в любой момент разорваться. Внезапно мне захотелось кричать, как в самом начале моего долгого заточения в этой крошечной тьме, уподобляясь безумцу. Боль навалилась с новой силой. Мир вокруг начал меняться, а тьма неохотно отступала. Скоро я буду свободен...»

– Подождите! – остановил нас Берхарт. – Печать не так просто сломать. Я не представляю, каких усилий ему стоило так ее расшатать, чтобы она выпускала часть его силы наружу.

Берхарт начал кружить вокруг, то и дело приседая и внимательно всматриваясь в рисунки. Потом он откуда-то из-за пазухи достал несколько листов и сломанное, погрызенное перо (явно не простое) и начал что-то записывать, бормоча себе под нос. Надо сказать, что старший брат всегда был склонен к науке. Он любил много читать, постоянно что-то искал, исследовал и проводил какие-то эксперименты.

– А вы уверены, что там человек? – резко спросил Берхарт через пару минут, поднимая на нас сосредоточенный взгляд.

Отец тут же нахмурился от этих слов. Видно было, что вся эта затея ему не по душе.

– Если не человек, то кто? – глухо спросил он. – Тварей из скрытого мира давно уже никто не видел. Да и сила эта... хоть и давящая, но вполне человеческая.

– Если там тот, о ком я думаю, то я не удивлен, что его друзья-товарищи решили запечатать его, – Берхарт говорил с явным восхищением. Догадываюсь, что нравилось ему вовсе не то, что кого-то заперли на долгий срок, а то, как все это было сделано. – Сила похожа на людскую, но ее количество заставляет сомневаться в ее человеческой природе. Я даже приблизительно не могу представить, на что он способен. Отец, я склоняюсь к мысли, что ломать печать – плохая идея.

– Берхарт, – отец посмотрел на меня, а потом устало вздохнул. – Если эту печать можно сломать, то мы сделаем это. Он человек, какой бы силой ни обладал. Амелия права: там наш король, и мы обязаны помочь ему, – голос отца, казалось, звенел от напряжения. Отец сомневался, хотя и пытался убедить себя и остальных. Он боялся, но всё равно доверился моим ощущениям и словам. – Нас связывает клятва, – уже тише добавил он, задумчивым взглядом рассматривая рисунок на полу.

– Как скажешь, отец, – Берхарт пожал плечами. – Так, слушаем меня внимательно. Вот возьмите, – он раздал нам по листу, на каждом из которых было записано длинное заклинание. – Встаем, куда я скажу. Амелия – север. Отец – юг. Олларт – запад. Я встану здесь.

– Почему именно так? – поинтересовался Олларт, впрочем вставая туда, куда ему показал Берхарт.

Старший брат на этот вопрос только махнул рукой, пробурчав что-то о том, что долго объяснять и мы все равно толком ничего не поймем.

– При чтении заклинания нужно постепенно выпускать силу. Олларт, говорю специально для тебя, – Берхарт хмуро посмотрел на брата. – Постепенно, – медленно повторил он. – Я надеюсь, ты знаешь, что означает это слово, и не станешь вбухивать силу одним ударом.

Я думала, Олларт возмутится и вспыхнет, но тот неожиданно смутился, опуская голову и прячась за завесой волос.

– Ты теперь мне всю жизнь будешь припоминать? – пробурчал

Олларт, мельком глянув на отца. Он словно боялся, что тот сейчас заинтересуется и начнет задавать вопросы.

– Конечно, – Берхарт усмехнулся. – Разве я могу забыть подобное? Но хватит болтовни. Итак. На счет три начинаем читать заклинание. Не забываем о силе. Вливать постепенно.

Все тут же встали на указанные Берхартом места и сосредоточились. Я впервые участвовала в чем-то подобном, поэтому жутко волновалась. Да и неизвестность тоже нервировала, заставляя пальцы холодеть.

Всё ли верно я поняла? Действительно ли там тот, кто мне нужен? Пока все сводилось к чему-то невозможному и невероятному, но я упорно пыталась затолкать поглубже все свои предположения, решив, что вскоре мы все узнаем.

– Один, – начал Берхарт, внимательно осматривая каждого из нас, словно пытаясь понять, все ли с нами нормально. Почти сразу после того, как звук от голоса брата затих, черный туман стал просачиваться сквозь щели сильнее. Печать сразу же отреагировала, наливаясь огнем. – Два, – все невольно вздрогнули, настолько странно прозвучал голос Берхарта. Казалось, мы попали в какую-то большую бочку. Уши отчего-то заложило. Печать почти вся была укрыта черным дымом, сквозь который зловеще светили кровавые письмена. Сглотнула. Все вокруг будто дрожало, подобно раскаленному на солнце воздуху в жаркий летний день. – Три, – почти прошептал брат, но мое тело прошила дрожь. В груди все зазвенело, и только тогда я поняла, что неосознанно накапливала силу, которая теперь рвалась наружу.

– Abrenoo De La Escon Casdi Ono...

Звук взвился вверх, вместе с нашей сплетенной в единое силой. Печать запылала сильнее, сопротивляясь. Черный туман замер, стелясь по полу, а потом толчком взвился, будто стремясь слиться с нашей силой. Я чувствовала, как магия медленным потоком выливается из меня.

– Kasada A Lanioto Atii Moho...

Я увидела, как со всех сторон к печати потянулись серебристые нити. Хотелось обернуться, чтобы узнать, кто нам помогает. Но тело онемело. Я помнила, что подобное всегда случается, когда заклинание читает группа колдунов. Собранная в единое целое сила просто не даст замолчать и остановиться, так как незаконченное заклинание грозит

большими неприятностями. Мы все должны закончить то, что начали, иначе не до конца вплетённая в заклинание магия попросту высвободится, и кто знает, что за этим последует. Скорее всего, будет большой взрыв. Еще вполне может случиться, что незаконченное заклинание выпьет нас до доньшка, оставив пустые оболочки.

Заклинание пошло по второму кругу, и я услышала треск. Черный туман повалил сильнее. Стало понятно, что это был за треск только что. Камень под ногами пошел трещинами. Печать налилась красным настолько сильно, что казалось, от нее исходит жар.

А потом треск усилился, чтобы через несколько мгновений превратиться в грохот. Если бы мое тело не было сковано заклинанием, то я бы отшатнулась от черного столба силы, взвившейся вверх. Он гудел, будто это была не магия, а миллионы черных насекомых, по какой-то причине собравшихся в одном месте.

Стало трудно дышать от усилившегося давления. Глаза слезились и горели. Ужасно хотелось пить.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось.

Черный столб словно втянулся назад, открывая нам вид на громадную статую.

В следующее мгновение я поняла, что заклинание больше не удерживает меня. Выдохнув, сделала шаг назад, едва устояв на дрожащих ногах.

– Вот же демоны тебя задери, – выругался Олларт, опираясь на колени и явно пытаясь отдышаться.

Берхарт с отцом тоже выглядели неважно. Я прислушалась к себе. Да, устала, но не смертельно. Хотелось есть, пить и спать, но в принципе всё было лучше, чем мне показалось в первое мгновение.

Осмотрев пол, с удивлением поняла, что исчезла только печать, сам же пол на месте. При этом там, где еще недавно горел рисунок, откуда-то взялась статуя.

Я чувствовала, как сжимается в страхе сердце. Статуя была вся утыкана металлическими кольями. Она походила на ствол дерева, у которого срубили все ветви, оставив торчать во все стороны острые обрубки.

Обойдя статую по кругу, я прижала руку ко рту, словно боялась того, что может вырваться из него.

– Ох ты ж, приятель, – ошарашенно выдал Олларт, вставая рядом

со мной. – Кто же это тебя так нашпиговал? Эй, умник, что там дальше?

Берхарт выглядел растерянным. Он смотрел на статую таким взглядом, будто не верил в ее существование.

– Полагаю, что мы должны вытащить эти колья, а потом вскрыть статую, – сказал отдышавшийся отец, явно уже пришедший в себя. – Берхарт, ты знаешь, зачем могли понадобиться... эти штуки?

– Отец, – Берхарт отмер, смотря на нас каким-то диким взглядом. – Ты уверен, что нам стоит продолжать?

– О чем ты? – отец нахмурился, переводя тяжелый взгляд со статуи на сына.

– Эти «штуки» называются Копьями Энатона. В те времена, когда люди верили в разных богов, существовал такой бог, как Энатон. Бог зла, обмана и гнева. По легенде, его оружием были копья. Многорукий и многоликий бог Энатон умело обращался со своим оружием, поражая любого врага независимо от его силы. Так было до тех пор, пока его не сразил другой бог – Анадэс. Он был богом войны. В той же легенде говорится, что Анадэс запер поверженного Энатона и запечатал его силу с помощью его же оружия – копий.

Берхарт договорил и замолчал, явно давая нам время на обдумывание. Уверена, что легенда звучит более длинно, но Берхарт не стал отвлекать нас лишними деталями, рассказав лишь самое главное. Нужно будет попросить у него книгу и самой почитать.

– А ты уверен, что это те же копья? – со скепсисом спросил Олларт. – По мне, так они больше походят на колья, чем на копья. Не самое удобное оружие.

– По внешнему виду похожи на описание. Да и зачем бы еще кому-то понадобилось делать нечто подобное? – Берхарт явно рассердился. Он не очень любил, когда кто-то начинал сомневаться в его знаниях. – Смотрите сами. Печать Вечной жертвы, Копья Энатона – все говорит о том, что силу человека внутри этой статуи пытались сдержать или запечатать, называйте, как вам хочется. Отец, может быть, у них всё-таки была... уважительная причина, чтобы пойти на... все это, – Берхарт кивнул в сторону статуи, явно сомневаясь в правильности нашего изначального решения.

Пока они разговаривали, я в это время рассматривала статую. Я почти сразу заметила отличие от тех скульптур, которые мы видели, когда спускались сюда. Становилось понятно, что эту делали люди.

– Его сила говорит нам, что он жив, – начала я тихо, делая шаг вперед. – Понимаете? Он живой. Я боюсь представить, сколько ему пришлось ждать. И я больше не намерена терять время.

Сказав это, я схватилась за одно из копий, тут же зашипев от боли. Казалось, они были раскалены. Моя сила взвилась, устремляясь к ладони. Только благодаря ей я смогла вытащить копье. С некоторым усилием, но всё-таки мне это удалось. Отбросив его в сторону, я мельком глянула на покрасневшую ладонь и, стиснув зубы, схватилась за второе.

Возможно, позже я пожалею о том, что делаю, но этой мой выбор.

И я буду за него бороться.

Часть 17

Спустя мгновение меня мягко отстранили от статуи.

– Проклятье! – прорычал Олларт, отбрасывая только что выдернутое им копье. – Что это за ерунда? – спросил он, поглядев сначала на свою ладонь, а потом на старшего брата.

– Я ведь...

– Я не про это, – Олларт примерился к еще одному копью и резко ухватился за него, зашипев. – Скотство!

Второе выдернутое оружие он отбросил так далеко, что оно долетело до стены и вонзилось в нее. В камень! Да, брат кинул очень сильно, но этого бы совершенно точно не хватило, чтобы вогнать обычное копье в камень.

Олларт даже замер, открыв рот, когда увидел такое.

– Понятия не имею, из чего они сделаны. Явно металл. Вероятно, причина в каком-то заклинании, наложенном на уже готовое оружие, – Берхарт деловито и аккуратно положил вытащенное копье рядом с собой, стараясь не показывать, что ему больно.

– А можно к ним какую-нибудь ручку приделать? – Олларт поглядывал в сторону оружия, которое еще недавно считал не самым удобным, с большим интересом. Его явно впечатлило, что простое с виду копье может пробить камень.

Ответить старший брат не успел, так как отец в этот момент вытащил последнее древко. Они как-то все дружно тут же отошли на шаг и напряглись.

Я же наблюдала, как из дыр буквально сочится тьма. Она походила на густую черную кровь. Казалось, что ранена сама статуя, оказавшаяся

живой.

Послышался тихий треск.

– Отойдем еще, – быстро проговорил отец, хватая меня за руку и отходя к стене. Братья последовали за нами, не отрывая взгляда от статуи, которая начала трескаться.

В следующий момент отец довольно больно дернул меня, толкая к стене и закрывая собой. Послышался оглушительный грохот. Испуганно вздрогнув, я вцепилась в отца, вжимаясь в стену сильнее.

– Всё в порядке? – спросила, когда все затихло.

Вскинув голову, я всмотрелась в лицо отца, боясь увидеть на нем гримасу боли, но ничего подобного не было.

– Цел, – подтвердил мои мысли отец, отступая на шаг и разворачиваясь.

Я тут же прикипела взглядом к тому, что происходило в центре помещения. Статуя просто разлетелась множеством мелких камней. Если бы это был обычный взрыв, то и отец, и братья точно бы пострадали, но камни, вместо того чтобы долететь до стен, застыли в воздухе. Стоило мне сделать несколько шагов вперед, как все обломки рухнули вниз.

Я мельком глянула на них, обращая все свое внимание на фигуру, находящуюся в том месте, где еще недавно стояла статуя.

Наверное, это был человек, но сказать точно я не могла, так как он был весь буквально укутан плотным черным туманом.

– Постой, – отец попытался задержать меня, но я лишь повела плечом и сделала еще пару шагов.

Сила внутри меня зазвенела. Я глубоко вздохнула, пытаюсь усмирить тот ураган, который поднимался во мне. Казалось, что все мое существо стремится быть ближе к этой чернильной тьме. Я почти физически ощущала потребность подойти ближе, протянуть руку, оказаться в объятиях. Это было настолько волнующе и необычно, что я не смогла противиться своим вспыхнувшим желаниям.

Стоило мне приблизиться к фигуре на расстояние вытянутой руки, как туман резко замер, а потом сполз с лица, закрывая при этом все остальное тело. Позабыв, что нужно хоть иногда дышать, я замерла.

Он был очень высоким. Как минимум на голову выше меня. Кожа выглядела серой и болезненной. Линия четко очерченных губ слегка ломалась, будто этот человек пытался сдержать крик. Крылья тонкого

хищного носа трепетали, и создавалось впечатление, что мужчина старательно пытается разобраться в ворохе запахов. Из-за сдвинутых бровей казалось, что он чем-то очень сильно недоволен. Острые высокие скулы даже не намекали, а буквально кричали, что в ближайшее время человеку потребуется усиленное питание. Но самым притягательным и устрашающим были глаза. Они мерцали тьмой, ужасающей и угрожающей. В тот момент я как нельзя остро поняла, что эти глаза больше никогда не отпустят меня. Взгляд пронизывал, жалил, но отчего-то мне это нравилось. По спине прокатился холод, зато внутри тела все вспыхнуло непонятной и незнакомой жадой.

Он смотрел на меня. Так пристально, будто не мог оторвать от меня взгляда. Мне казалось, что я могу смотреть на него в ответ целую вечность.

Он не был красивым, но в этот момент я поняла, что иного мужчины мне не нужно. Мне хотелось прижаться к этим губам, ощутить, как они вздрогнут, открываясь мне навстречу. Хотелось провести пальцами между бровей, пытаюсь разгладить складку между ними. Хотелось ощутить вкус и тепло кожи. Хотелось быть как можно ближе. Я желала, чтобы эти глаза смотрели только на меня. Именно так, неотрывно, будто нет в мире никого больше, кроме меня.

Я сама не поняла, как оказалась столь близко, что могла дотронуться до него. Подняв руку, я на мгновение замерла, а потом все-таки прикоснулась к его щеке, проводя по ней кончиками пальцев. На короткий миг он прикрыл глаза, слегка склонив голову, будто желал, чтобы моя рука была ближе. Я едва не задохнулась от нахлынувших на меня чувств, прикасаясь к нему уже ладонью. Его кожа была прохладной, словно он несколько минут стоял на морозе. И при этом гладкой, приятной на ощупь.

– Здравствуй, – прошептала я, неосознанно привставая на цыпочки.

Вместо ответа он наклонился, замирая, а потом все-таки резко подался вперед и прикоснулся к моим губам своими – прохладными, неподвижными и твердыми. Наверное, происходящее должно было напугать меня, но вместо этого я ощутила, как мир качнулся, уходя из-под ног. Голова закружилась. Все тело вспыхнуло, загудело, становясь каким-то чужим и тяжелым.

Когда я немного пришла в себя, то поняла, что мы так и стоим, просто прикоснувшись друг к другу губами. Это был довольно

странный, неподвижный поцелуй.

Словно прочитав мои мысли, он приоткрыл губы и шевельнул ими. Я тут же последовала его примеру, приоткрывая свои чуть сильнее. Поцелуй стал глубже и чувственнее. Мне хотелось хоть за что-то схватиться, так как мне казалось, еще немного – и я просто рухну ему под ноги.

В тот же момент я ощутила на своей спине руку. Меня притянули ближе, и я задохнулась от чувств, оказавшись в его объятиях.

Зажмурившись, я набралась смелости и осторожно провела кончиком языка по его нижней губе. Он замер, а потом, будто прилежный ученик, повторил за мной, а после разорвал поцелуй, впрочем по-прежнему не отрывая от меня взгляда.

В следующее мгновение он тяжело, с присвистом вздохнул, прикрыл глаза и в буквальном смысле слова рухнул на меня. Я вскрикнула, пытаясь подхватить его, но худое тело неожиданно оказалось очень тяжелым.

– Все нормально, нормально, я держу его, – донесся до меня голос Олларта.

И в самом деле, почти сразу вес чужого тела исчез. Я вдохнула и выдохнула, прогоняя мгновенно взвившуюся панику.

– Что с ним? – спросила встревоженно, замечая, что туман больше не укрывал мужчину, оставив его обнаженным.

Окинув тело быстрым взглядом, я задрожала и закрыла ладонью рот, чтобы сдержать рыдания. Мой муж был ужасно худым. Казалось, еще немного – и ребра просто прорвут кожу. Кроме этого во многих местах виднелись раны от копий. И в этих дырах виднелась клубящаяся тьма. Выглядело все это ужасно.

– Что дальше? – в голосе Олларта слышалась легкая паника.

Он крепко держал моего мужа поперек живота, явно не зная, что нужно делать с потерявшим сознание человеком.

– Нам надо наверх, – Берхарт торопливо скинул с плеч длинный камзол и накинул его на... наверное, будет правильно, если назвать его королем.

Мне не нужны были доказательства, я и так знала, что это именно тот, с кем связала меня магия. Но я всё-таки посмотрела на его руку, с восторгом замечая на его пальце точно такой же рисунок, как и у меня.

– Наверх так наверх, – немного успокоившись, Олларт пожал

плечами и подхватил короля на руки, тут же нахмуриваясь. – Откуда такая тяжесть? – прокряхтел он, устремляясь к лестнице. – Худой же как палка!

Несмотря на то, что Олларт всю дорогу ворчал, кряхтел и ругался, короля из рук он не выпустил. Мы буквально взлетели наверх.

– Куда? – отдуваясь, спросил Олларт.

К нам сразу же подскочил ждавший нас Герберт. Посмотрев на ношу Олларта, он тут же засыпал старшего брата вопросами.

– Ко мне, – сказала резко, тревожно всматриваясь в лицо короля.

– Я найду лекаря, – сказал отец и торопливо обогнал нас, вскоре скрываясь в одном из коридоров.

Если мы и встречали кого-то из слуг, то я этого не видела. Все мое внимание было целиком и полностью отдано мужу. Наверное, мне не стоило волноваться, учитывая, сколько он лет провел в заточении, но я ничего не могла с собой поделать. Мне вдруг показалось, что, возможно, на этом свете его удерживала печать и сейчас он вполне может умереть, полностью истощив свои силы. От подобного на меня накатывал самый натуральный ужас. Перед глазами все расплывалось и дрожало, но я лишь стискивала пальцы и старалась отогнать панические видения. В тот момент я совершенно не задумывалась, отчего так сильно переживаю за человека, которого увидела впервые в жизни.

– На кровать, – сказала, увлекая Олларта в свою комнату.

Подскочив к кровати, откинула в сторону одеяло.

– Уместно ли? – засомневался стоящий рядом Берхарт, наблюдая, как Олларт осторожно укладывает свою ношу. – Я думаю...

– У него кости из камня, что ли? – перебил его Олларт. – Не бухти... фуф... умник. Если он ее муж, то ему еще и не такое уместно, – он хохотнул, явно стараясь скрыть то ли неловкость, то ли нервозность.

– Церемонии еще не...

– Берхарт, не нуди, – Олларт повернулся к нему и нахмурился. – Не до твоих нотаций сейчас. Кроме того, он сейчас явно ничего не может сделать. Да и мы ведь тут, не так ли? Так что успокойся уже.

В этот момент в комнату вошел отец, следом за которым семенил невысокий полный мужчина.

– Вот, – остановившись около кровати, отец указал рукой на моего мужа.

– Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? – забормотал лекарь, торопливо

приблизившись. – Так-так. Тяжелый случай.

Выпрямившись, он оглядел нас строгим взглядом небольших, но колючих глаз и нахмурился.

– Что это вы тут все делаете? Выйдите немедленно. Больному нужен воздух.

Братья подхватили меня под руки и, не слушая возражений, вывели в гостиную. С лекарем остался отец.

Братья что-то говорили, но я толком не обращала внимания, прислушиваясь к тихим словам за дверью.

Он живой. Выживет. Я это знаю.

Но пальцы на руках все равно холодели.

Часть 18

– И еще вот это подпишите, ваше величество, – улыбнувшись, один из советников положил передо мной бумагу, легким движением руки пододвигая в мою сторону чернильницу с пером.

Я все это время наблюдала за ним, поэтому отлично видела, что за приветливой и подобострастной улыбкой скрывается что-то совершенно иное. Для того чтобы понять это, достаточно было взглянуть в глаза советника. Взгляд, несмотря на улыбку, оставался холодным и цепким.

– Что это? – спросила, поднимая бумагу и вчитываясь в строчки, написанные мелким, убористым почерком.

– Вам не стоит беспокоиться, ваше величество, ничего важного, но ваша подпись всё-таки требуется, – быстро отозвался тот. Я глянула на него поверх бумаги. На лице советника тут же словно по команде вновь нарисовалась улыбка.

Качнула головой, снова погружаясь в чтение.

– Ничего важного, – хмыкнула я, опуская бумагу на стол. – Я так понимаю, это смета на какое-то строительство.

Улыбка советника чуть дрогнула.

– И судя по запрошенной сумме, строить собрались второй Вальгард. Эта бумага даже составлена неправильно. Вы же понимаете, о чем я? – нахмурившись, я вздохнула.

Сегодня утром, после долгой и бессонной ночи, наполненной переживаниями о муже и страхом, что лекарь ничего не сможет сделать, лишь чем-нибудь навредит, меня отыскивали несколько советников. Несмотря на мои заверения, что вот именно в этот момент ничего делать не собираюсь, им удалось уговорить меня посмотреть и

подписать кое-какие бумаги. Они споро увели меня в сторону моего кабинета и принялись дружно кружить, что-то одновременно говоря и подсовывая какие-то бумажки.

Поначалу я хотела поддаться и поставить подпись везде, где они просили, лишь бы снова оказаться в своих комнатах поближе к мужу, но потом передумала. Еще с детства наставники приучили меня не подписывать ничего, заранее не прочитав. Именно поэтому я попыталась вникнуть в то, что мне подсовывали. Советники гомонили, словно стараясь отвлечь меня, поэтому пришлось выгнать всех, оставив только одного.

Для начала.

И вот, первая же бумага, которую я должна была подписать, оказалась с «сюрпризом». На самом деле эту бумажку даже сметой сложно было назвать. Скорее просто записка с распоряжением казначею выдать требуемую сумму человеку, указанному в бумаге. Куда якобы пойдут деньги, тоже было написано, но так расплывчато, что сразу и не поймешь. Впрочем, даже со второго прочтения я так и не поняла, на строительство чего я должна была выделить невероятно большую сумму.

Советник замер. Весь его вид говорил, что он не готов к подобному разговору.

– Послушайте, – я устало вздохнула. Наполненная тревогами и ожиданием ночь давала о себе знать. Впрочем, спать я все равно пока не хотела, а вот оказаться сейчас в немного другом месте – очень даже да. – Я не понимаю, по какой причине вы решили, что я подпишу нечто подобное, – подхватив бумагу, я помахала ею, – но вы ошиблись, считая, будто я настолько глупа.

– Что вы, ваше величество, да я никогда бы...

– Замолчите, – перебила я его, потирая висок. – Я всё понимаю, поэтому на первый раз закрою на это глаза. В следующий раз вас ждут кандалы и тяжелый физический труд где-нибудь на рудниках севера. Надеюсь, это понятно?

Советник вспыхнул, но всё-таки покорно опустил глаза и кивнул.

– Да, ваше величество, – выдавил он вроде как пристыжено и немного зло.

Если бы я не смотрела на него в этот момент, то совершенно точно не заметила бы улыбки, которая была настолько мимолетной, что я

вполне могла бы подумать, что мне померещилось.

– Идите, – приказала, откидываясь на спинку стула. – И позовите следующего. Пусть войдет минут через десять.

Советник поклонился и вышел.

Я же прикрыла глаза и задумалась. Итак, что это только что было? Как-то я сомневалась, что меня решили вот так нагло и просто обмануть. Сумма, указанная в бумаге, была настолько большой, что обычной семье ее хватило бы, чтобы жить безбедно несколько сотен лет.

Если вспомнить, как вел себя советник, то на первый взгляд кажется, будто тот вполне способен совершить нечто подобное. Вроде как обычный вор, посчитавший, что ему вполне удастся подсунуть недавно коронованной девчонке бумажку и на законных основаниях унести из казны довольно крупную сумму золотых монет. Все так и кричало об этом. И его поведение, и слова, и телодвижения. Вот только во все это не вписывался взгляд.

Как по мне, так все больше походило на проверку. Подпишу или не подпишу? И эта его последняя улыбка и довольное выражение лица... Да, можно было бы подумать, что он рад, что все сошло с рук и его не посадили под замок, вот только что-то подсказывает мне, что настоящий вор радовался бы немного не так. Советник же, как мне кажется, был доволен именно моими словами и действиями.

В дверь постучались, обрывая мои размышления. Снова вздохнув, я выпрямилась в кресле и разрешила войти.

– Доброе утро, ваше величество, – поздоровался со мной высокий крепкий мужчина лет сорока, походивший на воина. – Я бы хотел обсудить с вами время для переподписания всех договоров с соседними странами. Время истекает.

Он говорил четко и выверенно. Держался прямо, без ужимок, улыбок и подбострания. Но в то же время он не выказывал пренебрежительности, смотрел лишь с легким любопытством во взгляде.

– Как ваше имя? – спросила, сразу же понимая, что передо мной именно военный советник.

– Леодмар Бортвик, – представившись, мужчина слегка поклонился. – Ваше величество.

– Бортвик? Геральд, – я стала рассматривать военного советника с

большим любопытством.

О семье Бортвик знали все в Хальдоре. Они были одними из самых приближенных к короне геральдов. Уже на протяжении многих веков, со времен правления королевы Нимийи, именно Бортвики становились военными советниками. Многие историки сходятся во мнении, что именно благодаря действиям геральда Ордмера Бортвика после смерти королевы Нимийи Хальдору удалось отбиться от всех воинственных соседей, которые решили, что король Этерн не способен править и принимать верные решения.

– Все верно, ваше величество, – отчеканил тот. – Что по поводу переговоров?

Я прикусила щеку изнутри. Честно говоря, я немного сомневалась, что переподписывать договора с соседями стоит именно мне. Всё-таки у меня есть муж, и именно он должен делать нечто подобное, но он сейчас не в том состоянии. К сожалению, лекарь не смог пока дать четкого ответа, когда король придет в себя.

– Сколько у нас есть времени? – спросила, постукивая пальцем по столешнице. – И сядьте вы уже.

– Как прикажете, – быстро отозвался мужчина и одним четким движением опустил в кресло, мгновенно замирая. – Три страны, я уверен, могут согласиться подождать столько, сколько потребуется. Им сейчас не до военных действий. Но вот Каледоскония, как обычно, посматривает в нашу сторону весьма недобро. Они могут воспользоваться заминкой, чтобы на законных основаниях выдвинуть в нашем направлении войска.

Вздохнула. И почему срок столетних договоров о ненападении истекает именно тогда, когда корону возложили на мою голову? Будто подгадал кто-то, в самом деле.

– Это сами договора? – спросила, кивнув в сторону свитков, которые держал в руках Бортвик.

– Да, ваше величество, – ответил тот. Привстав, он положил свитки передо мной.

– Как по-вашему, в старых договорах есть что-то такое, что можно было бы изменить? И нужно ли? – спросила осторожно, пытаясь понять, стоит ли мне что-то менять в том, что веками работало нормально. С одной стороны, вроде бы не стоило. Но с другой стороны, время идет, все меняется.

Во взгляде Леодмара появилось легкое сомнение.

– Говорите, – попросила, сразу же поняв, что некие мысли в голове у геральда по поводу договоров всё-таки есть.

– Как скажете, ваше величество, – я постаралась не поморщиться. Все-таки эти постоянные «ваше величество» слегка надоедали и резали слух, но, к моему сожалению, подобного требовал этикет, и я не могла попросить обращаться ко мне проще. Подобное могло бы быть расценено совершенно неверно. – Меня волнует третий пункт о пограничных заставах.

Я внимательно слушала Бортвика, потом вчитывалась в договора, понимая, что геральд прав и некоторые пункты давно нужно пересмотреть и переработать. Я понимала, что на самом деле мне совершенно не интересно обсуждать, например, оборону или то, сколько нужно поставить на границе наблюдательных крепостей, чтобы соседняя страна не решила, что мы хотим нарушить мирный договор о ненападении. Но деваться было некуда, поэтому я и вчитывалась в текст, стараясь понять и решить, что будет более выгодно для моего королевства и не воспримется в штыки соседями.

Бортвик же, как мне показалось, мог говорить обо всем этом нескончаемо долго. И при этом выражение его лица совершенно не менялось. Мне надо отдать ему должное – Леодмар был терпеливым и невероятно спокойным человеком, которого, как мне кажется, ничто не могло вывести из себя.

Закончили мы только ближе к вечеру – обсуждение договоров затянулось. Остальных советников я решила принять на следующий день, сама же поторопилась к мужу. Я понимала, что раз отец или братья не приходили и ничего не передавали со слугами, значит, все нормально, но мне хотелось убедиться самой.

Мои покои явно перестали быть таковыми, так как в гостиной я обнаружила братьев, спокойно беседующих о чем-то с лекарем.

Когда я вошла, мужчина подскочил и принялся кланяться. Отмахнувшись от него, я вошла в свою бывшую спальню, тут же замечая отца, сидящего в кресле рядом с кроватью.

– Как он, отец? – спросила, подходя ближе и всматриваясь в бледное, неподвижное лицо мужа.

– Амелия? Как ты, дорогая? – вместо ответа спросил меня отец, вставая. – Выглядишь усталой. Тебе нужно поспать.

Я кинула на отца скептический взгляд.

– Думаю, тебе нужно последовать своему совету. Как он? – снова спросила, присаживаясь на кровать с другой стороны и совершенно неосознанно прикасаясь к неподвижной руке мужа, лежащей поверх одеяла.

– Состояние стабильное, – отец вздохнул и сел обратно в кресло. – Он истощен настолько, что любой другой человек на его месте давно бы умер. Его раны закрываются, но медленно. По словам лекаря, человек, достигнувший подобного состояния, просто не может быть живым.

Несмотря на страшные слова отца, я улыбнулась, погладив прохладную руку. И нет, я не радовалась страданиям мужа или его ужасному состоянию. Просто внутри меня вспыхнуло какое-то странное болезненное восхищение, смешанное с гордостью. Я просто не могла поверить, что магия связала меня с таким сильным человеком. Это было... немыслимо и очень волнительно.

– Как прошел твой день? – спросил после некоторого молчания отец.

Я вздохнула, а потом принялась рассказывать, при этом я смотрела на мужа, словно говорила все это именно ему. Вот опять – стоит мне его увидеть, как я не могу оторвать от него взгляд.

Это какая-то магия, в самом деле.

Улыбнувшись, я сплела наши пальцы и чуть сжала их. Даже если и магия, то... я совсем не против.

Часть 19

«Наверное, мне нужно было радоваться. Какой-то позабытой частью сознания я помнил, что такое радость и почему я должен испытывать нечто подобное. Вот только даже долгожданная свобода, которой я когда-то неистово грезил, не вызвала во мне ничего, кроме равнодушия. Именно в тот момент я понял: если бы не было ее, то я и вообще предпочел бы закончить свой путь. Но она была, и ее магия напоминала глоток свежего воздуха. Морозного, чистого и невероятно вкусного воздуха».

Наверное, отец заметил, что я не обращаю на него внимания, поэтому тихо вышел, оставляя нас с мужем наедине. В любой другой раз я тут же забеспокоилась бы, ведь подобное недопустимо. Этикет никуда не делся. Но сейчас, вот именно в этот момент, мне был совершенно безразличен этикет, как и то, что обо мне подумают или

скажут. Я не помнила ни о репутации, ни о правилах приличия. Для меня всего этого просто не существовало.

В свое время я, наверное как и любая другая девушка, интересовалась, что должен ощущать влюбленный человек. В нашем мире не всегда люди создают семьи исключительно по любви. А уж в высшем обществе подобное и вовсе столь редкое явление, что его, можно сказать, вообще не существует.

Я никогда не была влюблена, хотя и представляла, на что это должно быть похоже. Когда я размышляла о своем будущем муже, то иногда робко мечтала, что между нами вспыхнет взаимное чувство. Я представляла себе разные варианты того, как мы могли бы встретиться. Например, случайное столкновение в саду. Я бы споткнулась, он подхватил, тут же с тревогой спрашивая: все ли со мной в порядке, не ушиблась ли я? А потом я бы подняла глаза и пропала.

Таких сценок я придумала в свое время много. Мне достаточно было чем-нибудь впечатлиться днем, чтобы ночью, ложась спать, начать создавать свою историю. В моих тайных девичьих мечтах муж всегда выглядел образцом мужественности и красоты. Я буквально видела его лучистые глаза, блики солнца на светлых волосах и ослепительную улыбку. Ничего общего с моим настоящим мужем. Мой придуманный образ был скорее похож на Гордона.

Странно было осознавать, что, несмотря на все прошлые мечты, при взгляде на мужа у меня в душе все переворачивается. Я буквально любовалась его острыми скулами, длинными, по плечи, черными волосами и четко очерченными, даже на вид жесткими губами. Его хищный облик заставлял меня трепетать, чувствуя странное предвкушение и нетерпение.

Сомневаюсь, что это любовь. Странно, как по мне, любить человека, от которого не услышала еще ни одного слова. Я совершенно его не знаю, так что, думаю, логично будет предположить, что мои ощущения – это сила магических уз, соединивших меня и его. Это узлы заставляют меня испытывать все эти чувства. Они не мои, навязанные.

Я понимала это, но совершенно не собиралась противиться. Иногда я пугалась, представляя, что мой муж окажется жестоким человеком, чудовищем, от которого я не смогу скрыться. Несложно было понять, кто он. И пусть в самом начале я неистово сопротивлялась догадкам отца (что ворон – это сила первого короля), то сейчас была с ним

полностью согласна. Ну а кого еще могли запереть столь сильной печатью, вдобавок применив для запечатывания силы древние артефакты? Хотя вполне возможно, что этот мужчина ничего общего с первым королем не имеет и является совершенно другим человеком. Всё-таки с возникновения Хальдора прошло много лет, кто знает, когда и кто мог спрятать неугодного по каким-то причинам колдуна в скрытой комнате королевской спальни, замуровав потом вход.

Но так как о других подобных случаях я ничего не знала, то решила, что буду пока придерживаться версии, что мой муж – все-таки именно первый король.

В любом случае, это не простой колдун, так как если бы это было так, то я не стала бы королевой. Кем бы ни был этот человек, он явно имеет прямое отношение к королевской династии.

Вздохнув, я встала и расшнуровала корсет, стаскивая с себя верхнее платье. Перед этим сняла корону и положила ее на небольшую тумбочку.

Остановившись возле кровати, глянула на себя и смутилась. Я сошла с ума! Мало того, что осталась с этим мужчиной наедине (пусть он вроде и без сознания), разделась, так еще и собираюсь забраться к нему в постель.

Помявшись с минуту, я все-таки накинула на плечи длинный халат и осторожно легла рядом с мужем, снова переплетая наши пальцы. От этого внутри разлилось умиротворение, от которого хотелось улыбаться и даже счастливо смеяться. Это походило на легкое опьянение.

– Я хотела бы знать твое имя, – прошептала, осторожно прикасаясь к плотно сомкнутым губам.

Вместо ответа его губы слегка приоткрылись. От этого у меня сбилось дыхание. Я замерла, пытаясь задавить в себе желание поцеловать его.

– Сумасшествие, – прошептала, резко вставая с кровати. Обойдя ее, я села в кресло, в котором еще совсем недавно сидел мой отец, и сложила руки на коленях, словно пытаюсь удержать их тем самым в узде.

Чтобы хоть немного отвлечь себя от слегка пугающих меня порывов и желаний, я начала размышлять над всей этой историей. Я имею в виду, над историей тринадцатого геральда, преданного своими же друзьями.

Итак. Жили-были тринадцать друзей. Одно это уже как-то странно звучит. Неужели кто-то способен дружить такой большой компанией? Я понимаю, два или три друга, но их было тринадцать! Как-то сомневаюсь, что такая толпа способна существовать долгое время тихо и мирно, без ругани и ссор. Со временем в любом случае что-то в каждом из них менялось. Я уверена, были разные обиды, неправильно истолкованные слова и прочие недопонимания, которые постепенно должны были перерасти либо в равнодушие, либо в отчужденность.

Впрочем, вполне возможно, что им как-то удавалось сглаживать острые углы и на самом деле дружить.

Хотя как по мне, так там скорее было выгодное взаимодействие, которое позволяло им эффективно противостоять существам из скрытого мира и жить благодаря этому в свое удовольствие, не опасаясь быть съеденным.

И вот эти друзья основывают постепенно Хальдор, а потом надевают на голову самого сильного из них корону, отдавая ему в руки власть. Вероятно, изначально это задумывалось как некая формальность. Мол, ты для остальных король, но решения мы будем принимать все вместе.

Раз они согласились на подобное, значит, их все устраивало. Но потом что-то пошло не так и двенадцать геральдов за спиной своего друга решаются на чудовищное предательство. То, что они сделали, даже хуже убийства. Они просто обрекли его на вечные страдания.

Что могло подтолкнуть их к такому шагу?

Если вспомнить все написанное моим предком, то складывалось впечатление, будто на этот шаг они пошли вроде как нехотя, только из-за большой нужды.

Боялись, что сила короля станет настолько огромной, что они не смогут с ним справиться, если вдруг понадобится? Но откуда появились такие мысли? Неужели сам первый король сотворил нечто столь ужасное, что это насторожило его друзей и заставило их предпринять подобные действия?

Не знаю.

А еще меня беспокоят те ритуалы, которые были ими придуманы. Ритуалы, сдерживающие тварей из скрытого мира. Проводят ли их до сих пор? Или же этого больше не требуется и над нами не висит угроза

нового прорыва? Хотелось бы верить.

Поежившись, потеряла плечи. В комнате стало как-то совсем прохладно. Привстав, стащила с кровати лежавшее в ногах покрывало и укуталась в него.

Думаю, что ответы мы сможем получить только от самого первого короля, когда он придет в себя.

Представила себе его пробуждение. От мыслей о его пристальном темном взгляде задышала чуть глубже.

Это неправильно!

Он без сознания, неизвестно, когда придет в себя, а я возбуждаюсь, вспоминая его тяжелый, пронизывающий и придавливающий к земле взгляд. Из-за подобного я ощущаю себя скверно.

– Совсем помешалась, – прошептала, тяжело вздыхая и подавляя в себе желание встать с кресла и лечь рядом, прижавшись к мужу так близко, как это только возможно. И еще лучше, если я при этом буду обнаженной.

Тряхнула головой, замирая. Это все не просто так. А что, если магия специально подталкивает меня к чему-то подобному? Зачем?

Резко поднялась, выбираясь из покрывала, и двинулась в сторону выхода. Остановившись у двери, завязала халат плотнее и только после этого вышла в гостиную. Братья вместе с отцом все еще находились здесь. Неожиданно, но это меня успокоило и подбодрило.

Отец с Берхартом о чем-то разговаривали. Герберт тихо сидел рядом, внимательно слушая их и не вмешиваясь. Олларт, широко расставив ноги и открыв рот, спал на кресле, слегка похрапывая.

– Амелия? Что-то случилось? – тут же спросил отец, первым заметив меня, так как сидел лицом к двери в спальню.

Я мотнула головой и, быстро приблизившись к ним, села в кресло, которого здесь совершенно точно раньше не было.

Помолчав пару секунд, я быстро рассказала об идее, пришедшей мне в голову. При этом я слегка смущалась, когда говорила о своем состоянии и несвойственных желаниях.

– Такое возможно, – выдал задумчиво Берхарт. – Нужно поэкспериментировать.

Старший брат тут же загорелся идеей проверить правильность моих предположений. Герберт сидел тихо, переводя взгляд с одного на другого, иногда косясь на меня таким взглядом, будто сомневался, что я

в своем уме. Отец же сидел и постукивал пальцем по подлокотнику. Этот жест выдавал его задумчивость и легкую нервозность.

– Я думаю, что ты можешь попробовать, – сказал он после долгого молчания. – Но прошу тебя, Амелия, будь осторожна.

Когда я уже встала и направилась обратно в спальню, до меня донеслись тихие слова отца.

– Об этом никто не должен узнать.

Что ответили братья, я уже не услышала, так как вошла в спальню. Боясь передумать, я скинула халат и аккуратно нырнула под одеяло, прижимаясь к мужу и обнимая его. Почти сразу меня охватило такое сильное облегчение, что я едва не застонала, вовремя прикусив язык.

И не было на свете иного места, где я хотела бы сейчас находиться.

Наверное, это должно было пугать, но я не боялась. Я наслаждалась этими мгновениями, опасаясь лишь того, что, когда муж очнется, все изменится.

Часть 20

Проснувшись я от страшного грохота. От испуга попыталась вскочить, но запуталась в одеяле и едва не упала на пол. Пришла в себя только стоя около кровати.

Оглянувшись, чтобы определить, куда бежать и что делать, я не заметила никаких разрушений. Вдохнув и выдохнув, чтобы хоть немного успокоиться, торопливо принялась расправлять закрученную вокруг меня длинную юбку нижнего платья. Подозреваю, что спросонья я запуталась именно в ней, а не в одеяле. Почему я вообще нижнее платье не сняла?

Замерев на мгновение, я резко обернулась, сразу же все вспоминая. На кровати тихо и спокойно спал муж. На мой взгляд, он выглядел заметно лучше, чем вчера. Хотя, возможно, дело в освещении. Для удобства мы подняли балдахин, так что свет из окна заливал сейчас всю комнату.

В гостиной снова послышался шум и какие-то крики.

Оторвав взгляд от мужа, торопливо принялась приводить себя в порядок. Выходить из комнаты я в любом случае не собиралась. Не стоит посторонним видеть, что я ночевала в одной спальне с мужчиной, с которым не связана церемонией.

Поморщилась. Вот глупость какая. Нас и так уже связала магия, к чему какие-то там церемонии? По сути, это просто формальность.

Впрочем, мне стоит быть более благодарной этой формальности, ведь именно по этой причине я могла отказывать в интимной близости Гордону.

Надев платье, я кое-как зашнуровала корсет (не идеально, но сойдет) и поправила прическу. Внимательно осмотрев себя в зеркало, пришла к выводу, что мой слегка потрепанный вид можно списать на бессонную ночь около постели больного супруга. Главное, сделать лицо более хмурым и усталым.

Оглядев комнату, поправила одеяло, аккуратно расправив все складки, чтобы никто даже не подумал, что я могла спать на кровати вместе с мужем.

Поразмыслив немного, все-таки надела на голову корону и села в кресло, прикрыв ноги сложенным в несколько раз покрывалом.

Всё. Образ уставшей жены, которая всю ночь просидела возле постели тяжело заболевшего супруга, готов. Нет, я не думала, что отец кого-то сюда пустит, но на всякий случай...

Как оказалось, я не зря старалась.

Я только успела притвориться, что задремала, как дверь открылась и в комнату кто-то торопливо вошел.

Сделать вид, что это меня разбудило, не составило труда. Я слегка вздрогнула, а потом будто бы встрепелась, резко открывая глаза и надеясь, что они выглядят достаточно сонно.

Стоило мне только увидеть вошедшего, как сразу же захотелось закрыть глаза и прикинуться спящей. Желательно каким-нибудь магическим сном, который не может потревожить ничто.

К сожалению, то, что я уже проснулась, заметили.

– Вы соображаете, что делаете?! – голос Гордона звучал глухо и угрожающе.

Он буквально полыхал от бешенства. Все его лицо было перекошено от злобы. Казалось, еще мгновение – и он кинется на меня, начиная рвать руками и зубами. Его буквально трясло.

Комнату тут же заполнил тяжелый тошнотворный запах, исходящий наутро от людей, накануне перебравших с вином. Да и судя по внешнему виду, Гордон явно вчера не отварами баловался.

Заметив, что я никак не отреагировала на его слова, он в мгновение подлетел ко мне, схватил за руку и выдернул из кресла, замахиваясь.

Магия внутри меня взметнулась.

Не позволю!

Но в следующий момент мужчину от меня буквально оторвали, заставив меня покачнуться и вскрикнуть. Всё-таки он в этот момент еще не отпустил меня.

Вскинув голову и прижав к груди руку, я наблюдала за уже знакомой картиной. Гордона снова обвивали черные ленты, тянущиеся, казалось, со всех сторон.

Ко мне тут же подошел отец. Он несколько секунд смотрел мне в глаза, безмолвно спрашивая: в порядке ли я? После перевел взгляд на руку и нахмурился.

– Он привел стражников, – сказал отец, аккуратно перехватывая мою ладонь и внимательно рассматривая ее на предмет повреждений. – Они задержали нас. Прости.

– Ничего страшного, – хрипло ответила я, переводя взгляд на мужа. Это однозначно магия. Даже в такой ситуации я смотрю на него, будто боюсь, что с ним в любой момент может что-то случиться.

Правда, увиденное меня поразило и заставило замереть.

Король был полностью укрыт черным, непроницаемым дымом. Тот клубился и тянулся чернильными лентами к Гордону, опоясывая его и сжимая.

Мельком глянув на своего обидчика, я тут же кинулась к кровати.

– Прости его, – зашептала, немного нервно прикасаясь в том месте, где должно было быть лицо. – Он глупец и сам не знает, что творит.

Нервно оглянувшись на Гордона, я увидела, как его пытаются опустить на пол. Только это было бесполезно. Он мог лишь трястись, как в припадке, и закатывать от удушения глаза – одна из лент сдавливала горло. Судя по всему, эту силу не видел никто, кроме меня.

– Не надо, – попросила испуганно, находя руку мужа и переплетая с ним пальцы.

Не скажу, что мне было совсем уж жаль Гордона. Он на самом деле глупец, если не понял ничего с первого раза, но и смерти ему я не желала. Даже не так. Я не хотела, чтобы причиной его смерти был мой муж.

Да, некоторые поступки можно искупить только своей смертью. Но я не хочу, чтобы мой муж оказался безумцем, который будет за любой проступок лишать жизни всех неугодных. Это путь безумия и тирании, кровавый и бессмысленный.

Словно ощутив мое состояние, ленты дрогнули, а потом и вовсе выпустили свою «добычу». Приблизившись, они аккуратно обвили вокруг моей руки и тела, осторожно сдавливая, будто даря успокаивающие объятия.

Выдохнув, я прикрыла глаза и на мгновение уткнулась лбом в грудь мужа, пытаясь унять дрожь во всем теле.

Это его магия! И, судя по всему, его сознание все равно способно отслеживать все, что происходит вокруг него. Не представляю, как такое возможно. А еще ей безразлично, день сейчас или ночь. Почему-то раньше мне казалось, что его сила появляется только по ночам. Сейчас я поняла, что эти мысли – полнейшая ерунда. Магия не зависит от времени суток. Она просто есть в любое время. И она у него окрашена в густой черный цвет.

– Полагаю, нам нужно поговорить, – сказал отец, обращаясь ко всем сразу. К Гордону, который по-прежнему пытался отдышаться. К нескольким советникам, непонятно как оказавшимся здесь. Они заглядывали в комнату, стараясь обойти моих братьев, стоящих у входа и всеми силами пытающихся показать, что никто не в силах их сдвинуть.

– Вы... – Гордон вскинул голову и с ненавистью посмотрел на моего отца.

– Идемте, – отец хотел помочь Гордону подняться, но тот отдернул руку и, покачиваясь, встал сам, задрав подбородок.

Глянув в мою сторону, он явно едва сдержал срывающиеся с языка слова. Медленно обведя взглядом всех собравшихся, он остановил взгляд на лице моего мужа. В следующее мгновение он посмотрел чуть ниже. Если бы я в этот момент не наблюдала за ним, то не заметила бы, как он побледнел.

Я и сама посмотрела на мужа, пытаясь понять, что именно настолько впечатлило Гордона. Ничего необычного вроде бы не было (даже сила уже исчезла, втянувшись в тело), но вскоре я поняла, в чем дело. Знак уз. Палец мужа обвивал такой же рисунок, как и у меня.

Вскинув на меня взгляд, Гордон спустя секунду вылетел из комнаты, не слушая окриков.

– Я найду его, – отец подошел ко мне и успокаивающе погладил по плечу.

– Через два часа в моем кабинете, хорошо? Мне нужно привести

себя в порядок, – попросила я, вздыхая.

– Как скажете, ваше величество, – отозвался смешливо отец. – Не грусти, Амелия. Все хорошо. А Гордон... Мы что-нибудь придумаем.

Братья споро вытолкали из комнаты всех, кто не ушел вслед за Гордоном. Боюсь, в скором времени по замку поползут различные слухи. Злые языки не смогут сдержать удовольствия посмаковать очередной скандал.

Надо же, корона у меня всего ничего, а я уже дала повод о себе говорить. Причем пока ничего хорошего в сказанном обо мне не будет. Волнует ли меня это?

Мой взгляд снова прикипел к лицу мужа.

Не особо.

Улыбнулась. Присев на край кровати, осторожно прикоснулась к прохладной щеке лежащего неподвижно мужчины.

– Спасибо еще раз. Я ненадолго отлучусь. Не скучай, хорошо?

Немного подумав, я резко наклонилась и прикоснулась губами к его губам, замерев на секунду. Прикосновение было легким и почти невинным, но я едва сдержала бурю, поднимающуюся во мне.

Оторвавшись, я вскочила на ноги, внезапно сильно смутившись.

– Я скоро вернусь, – предупредила и торопливо вышла из комнаты.

В гостиной меня дожидалась служанка и напропалую флиртующий с ней Олларт.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала я, обращаясь к красной от смущения и удовольствия девушке, которая почти сидела на коленях моего брата.

Заметив меня, служанка сразу же вскочила, смутившись еще сильнее. Олларт же, судя по слегка скупающему взгляду, совершенно не расстроился из-за того, что их прервали.

– Конечно, ваше величество, – служанка присела, склоняя голову в поклоне. – Как прикажете.

Кивнув, я подошла к двери в гардеробную и открыла ее.

– Идем, – позвала, входя внутрь.

Несмотря на то что меня ждал довольно трудный разговор, я не ощущала себя слишком взволнованной или растерянной.

Вздохнула тяжело. С тех пор как я увидела своего мужа, все мои мысли крутятся вокруг него. Даже сейчас. Хочу быть рядом. Хочу прикоснуться. Смотреть. Целовать. Прислушиваться к его дыханию.

Надеюсь, когда он придет в себя, сила уз немного ослабнет. Иначе все мои мысли навеки будут принадлежать лишь ему одному.

Это даже немного пугает. Странно, но я все равно ощущаю себя... счастливой.

– Безумство, – пробормотала я, выбирая платье.

– Что-то не так, ваше величество? – пискнула испуганно служанка.

Я хмуро глянула на нее.

– Ничего. Тебе показалось.

Отвернувшись от девушки, продолжила подбирать себе платье. Нужно поторопиться. Чем быстрее начнется этот разговор, тем скорее закончится. И тогда я смогу вернуться обратно. К своему мужу.

Часть 21

Началось все, конечно же, с обвинений со стороны Гордона. Думаю, что более-менее в рамках приличия его держало присутствие моего отца, братьев и всех геральдов, собравшихся в кабинете как по команде. Не удивлюсь, если они чего-то подобного ожидали и готовились к этому моменту изначально. Я даже не удивилась, что они все тут. Наверное, действительно пришло время все обсудить, обменяться мнениями и хоть что-то решить. Думаю, что отец не только Гордона сюда привел, но и всех остальных.

С любопытством осмотрев геральдов, я почувствовала некоторую растерянность. Все смотрели на меня выжидающе, словно ждали какой-то команды.

Мельком глянув на отца, я в легкой панике заметила его кивок. И что это означает? Кто бы еще мне рассказал заранее, чего они все от меня ждут.

Вдохнув и выдохнув, я попыталась унять дрожь в заледеневших руках.

– Итак, – начала я, заметив, как собравшиеся слегка оживились, – мы собрались тут, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию.

Обведя взглядом геральдов, я едва удержала себя на месте. Хотелось вскочить и покинуть эту комнату. Надо же, еще совсем недавно я совершенно не беспокоилась, но под этими взглядами мне стало так неудобно и тревожно, что волнение и паника не заставили себя долго ждать.

Надеюсь, когда-нибудь я смогу воспринимать все происходящее с хладнокровием и отстраненным спокойствием, которым, несомненно,

должны обладать все правители.

– Если вдруг кто-нибудь еще не в курсе последних событий, – продолжила я, поняв, что никто говорить пока ничего не собирается, – то я поясню. Многие столетия назад наши предки по какой-то неизвестной нам причине пошли на предательство и запечатали силу своего короля и друга, наложив на него печать Вечной жертвы.

Я замолчала, отслеживая реакцию присутствующих. Большинство геральдов потемнели лицом и напряглись. Несколько непонимающе вертели головами, явно не зная, о чем идет речь.

– Берхарт, расскажи, пожалуйста, что такое печать Вечной жертвы. И про копьё Энатона не забудь.

Потерев руки, я попыталась хоть немного согреть пальцы, пока старший брат обстоятельно рассказывал обо всем, что знал сам. Говорил он вполне понятно, не слишком вдаваясь в ненужные подробности, но и не опуская важных деталей.

Вскоре в кабинете не осталось никого, кто не понимал, что именно натворили наши предки. Гордону происходящее не нравилось. Он постоянно порывался вскочить и что-то сказать, но тяжелые взгляды геральдов заставляли его терпеливо молчать. И нет, никто не вел себя по отношению к нему пренебрежительно или нагло.

Геральды оказались вполне здравомыслящими людьми и понимали, что теперь уже бывший король попал в непростую ситуацию. По сути, он не был в чем-то виноват. Он просто родился обычным человеком, и его не приняла магия. Из-за этого он, сын короля, казалось бы законный наследник, потерял трон.

В королевстве не может быть двух королей. Как бы Гордону ни хотелось обернуть всё в свою пользу, но шутить с магией очень опасно. Она явно дала понять, что не желает видеть его на троне.

Возможно, он знал обо всем с самого начала и поэтому вырос таким невыносимым человеком. Кто знает, каким бы он стал, если бы всегда был уверен, что корону Хальдора у него однажды вот так просто не отнимут.

– У меня нет сомнений в том, что человек, которого мы нашли, именно первый король Хальдора. К тому же, – я приподняла руку, показывая всем знак уз, – магия связала меня именно с ним.

Несколько геральдов с любопытством посмотрели на Гордона. Тот тут же вспыхнул, разозлился, а потом слегка нервным движением снял

перчатки, демонстрируя всем совершенно чистые руки. При этом он что-то шипел и кидал на меня ненавидящие взгляды. Я думала, с ним будет больше проблем и он не станет участвовать во всем этом.

– Как видите, Гордон не является моим мужем.

Судя по всему, геральды и так уже все поняли, поэтому не выразили никакого удивления.

– Почему ты думаешь, что это именно первый король? – зло спросил Гордон. – Может быть, это какой-нибудь опасный колдун, которого таким способом за что-то наказали? Ты не подумала об этом? Кто знает, кого ты со своим папашей вытащила? Думаешь, те, кто жил раньше, были глупее тебя? Если он что-то натворит, то ты, да-да, именно ты будешь во всем виновата.

Он рассмеялся, вскидывая голову и весело сверкая глазами.

– Я не думаю, что это просто какой-то колдун, – тихо сказал Леодмар Бортвик. – Вы ведь тоже это чувствуете? – спросил он, оглядывая остальных геральдов.

– Я полагаю, что наши предки дали какую-то магическую клятву на крови, – сказал отец.

– Исключено, – отмахнулся от этих слов невысокий полный геральд на вид лет семидесяти. На самом деле ему могло быть уже более ста пятидесяти. Кажется, это был Роймар Тадистри. – При всем моем к вам уважении, вы говорите глупость. Если бы наши уважаемые предки дали первому королю клятву на крови, то они не смогли бы сделать то, что они делали. Клятва им бы этого не дала.

– Но позвольте, – тут же вскинулся Берхарт, явно в чем-то несогласный с Роймаром. – Мы не знаем текста этой клятвы. Вполне возможно, что она исключала только убийство. Это бы объяснило то, почему первого короля не просто убили, а заточили. Вероятно, именно из-за клятвы.

Роймар фыркнул, сложив пухлые, покрытые глубокими морщинами руки на внушительном животе, и посмотрел на моего брата так снисходительно, что Берхарт едва не поперхнулся от возмущения.

– И снова вы городите несусветную чушь. Если клятва включала в себя только запрет на убийство, то что мешало уважаемым предкам просто, например, удерживать первого короля в неподвижности в то время, как кто-то совершенно посторонний, не имеющий к клятве никакого отношения, убивал бы его?

– Вполне возможно, что...

– Подождите, – я прервала брата. Судя по всему, они могут так пикироваться очень долго. – Скажите, отец, почему вы подумали о клятве? И что все должны ощущать?

– Все просто, ваше величество, – отец, следуя моему примеру, тоже перешел на официальный тон. – Я изначально, – тут он со значением на меня посмотрел, давая понять, что имеет в виду тот момент, когда в нашем доме впервые появился ворон, – ощущал что-то не совсем понятное. Нечто вроде постоянной тревоги и желания куда-то немедленно пойти и что-то сделать. Когда мы сломали печать, то это чувство, наконец, оставило меня. Правда, появилось что-то иное, но я пока не до конца понял, что это. Но я могу с уверенностью сказать одно – меня и человека, которого мы нашли, что-то связывает.

Некоторые из геральдов переглянулись.

– Геральд Маклэйн прав. Я тоже это чувствую, – тихо сказал Бортвик. – И не дело это отрицать, – он хмуро оглядел притихших мужчин.

– И что теперь с нами будет? – как-то совсем тихо спросил еще один геральд. Черноволосый, с немного вытянутым лицом и полными губами. Он смотрел на всех так, будто именно он был королем. Высокомерный взгляд на мгновение погас, и я заметила испуг, который, впрочем, геральд постарался как можно скорее скрыть от остальных. Диамаст Кримонт – это однозначно он.

– Геральд Кримонт, вы не могли бы изъясняться чуть более понятно? – попросил Тадистри, с неприязнью глядя на Диамаста. – Ваше косноязычие нам всем весьма хорошо знакомо. Но вы хотя бы перед ее величеством могли бы взять себя в руки и попытаться говорить связно и осмысленно.

Кримонт тут же гневно сверкнул глазами. Да уж, похоже, Роймар

Тадистри – тот еще противный старик, которому нравится выводить всех из себя.

– Когда первый король очнется, – процеживая каждое слово сквозь зубы, начал Кримонт, сверля взглядом ухмыляющегося и явно довольного собой Тадистри, – то всем нам мало не покажется. Кто знает, что стало с его разумом за такой долгий срок. Вы представляете, сколько лет он был заперт наедине с самим собой? А ведь он, несомненно, ненавидит тех, кто его предал. Но их давно уже нет, зато есть мы – их потомки. Как думаете, геральд Тадистри, вам понравится, если с вас начнут снимать кожу за то, что сотворил когда-то ваш «достопочтенный» предок? – последние слова Кримонт буквально выплюнул, скривившись. – Поэтому я и спрашиваю: что теперь будет со всеми нами?

На этот раз цепляться к словам расхотелось даже Тадистри. Кажется, только Гордону нравилось то, что геральды оказались в вероятной опасности. Он сидел и улыбался.

Несколько раз я поймала на себе задумчивые взгляды, которые мне совершенно не понравились.

Нахмурилась.

– Если кто-то забыл, – с нажимом сказала, смотря прямо на тех, чей взгляд мне не понравился, – то напоминаю, что королевская магия не допустит убийства короля. К тому же, вероятно, мой отец прав и над всеми нами висит данная давным-давно клятва. Не стоит усугублять то, что сделали наши предки.

– Но... – один из геральдов схватился за шейный платок и попытался его ослабить. – Что, если он на самом деле безумен, ваше величество?

– Я так не думаю, – я качнула головой, вспоминая, как сила первого короля являлась ко мне в виде ворона, а потом и вовсе... При мыслях о странных поцелуях я смутилась. – Он не безумен. Это я знаю точно. Но не могу гарантировать, что король не решит все-таки как-то наказать всех нас. Итак, мы пришли к выводу, что первый король вернулся. Пока он без сознания, но это ничего не значит. Когда он придет в себя, то обязательно заберет то, что у него отняли. А теперь нам нужно решить, что же делать с Гордоном. Боюсь, что мой муж будет весьма недоволен поведением... своего предшественника.

Сказав это, я выдохнула, ощущая, как от напряжения меня слегка

потряхивает. Всё-таки говорить подобным сугубо официальным и немного даже строгим тоном было весьма сложно.

– Предлагаю его убить, – сказал Олларт, весело сверкнув улыбкой.

– Ч... Чт-о-о?! – весьма красноречиво высказался Гордон.

Кажется, идея моего брата ему совершенно не понравилась.

Часть 22

Я с укором посмотрела на брата, но тот даже не попытался сделать вид, что раскаивается из-за своих слов.

– Не стоит так волноваться, Гордон, мой брат просто пошутил. Никто не собирается вас убивать, – поторопилась я успокоить красного от гнева и возмущения Гордона.

– Если не убить, значит, выслать, – добавил Олларт, с неким затаенным любопытством поглядывая на Гордона, будто желал узнать: рванет или нет.

– Выслать? – выдохнул Гордон, кидаясь в сторону Олларта. – Да как вы смеете?! Это мой дом! Он веками принадлежал моей семье! Это вас всех надо выслать! А еще лучше закрыть в подземельях и благополучно забыть! Нашлись мне короли с королевами! Магия, чтоб ей пусто было! Мой отец был королем, и его дед, и прадед, и еще с десяток прадедов, так по какому праву вы все, ублюдки проклятые, делаете вид, что я просто... Я король! Я!!! Слышите вы меня?!

Рвануло.

Я, как и все остальные, наблюдала за происходящим и в какой-то мере даже понимала Гордона. Он говорил правду. Если бы не решение магии... Но изменить его невозможно. Все договора скрепляются магически, король без магии просто не сможет этого сделать. По сути, он не сможет выполнять свои прямые обязанности.

Когда Гордон затих, едва не задохнувшись от своего крика, на несколько минут воцарилась звенящая тишина.

– Я думаю, – начала говорить, поняв, что никто другой ничего не скажет и никаких предложений вносить не станет. Все явно ждали решения от меня, – что стоит оставить Гордона в Вальгарде. По сути, он ведь далекий потомок первого короля.

– А если король очнется и убьет его... – Берхарт поглядел на Гордона, явно не зная, как его теперь называть, – его высочество? – выкрутился он.

– Не думаю, что подобное произойдет, – я пожала плечами,

чувствуя, как холодные мурашки бегут по спине. Да, я пыталась всех убедить, что мой муж не безумец, не кровожаден и вполне вменяем, но некие сомнения нет-нет да проскальзывали в голове. Всё-таки я ведь ничего о нем не знаю. Да, он послушал меня и не стал убивать Гордона. Да, вроде бы его сила вела себя вполне разумно, но кто знает, как он поведет себя, очнувшись. – В общем, оставим этот вопрос. Гордон остается в замке.

– А что мы скажем жителям? Как преподнесем им то, что король по какой-то неясной причине поменялся? – поинтересовался Кримонт.

– Повеление магии? – тут же выдвинул предложение Берхарт. – Это бы все объяснило. Магия настолько тонкая и непредсказуемая вещь, что никто не удивится подобному. Скажем, что первый король на самом деле какой-нибудь родственник королевской семьи и магия по неизвестной причине выбрала правителем именно его.

– И всё-таки это странно, – проворчал Кримонт. – Ведь его высочество тоже в свое время был коронован, и все знают, что именно он...

– Да, но он был коронован без благословения магии, – настаивал Берхарт. – Можно придумать что-нибудь про необходимость подобного шага. Сделать вид, что во всем этом есть некая тайна. Люди сами все придумают и без нас. Я уверен, что предположений будет столько, что мы с вами сможем выбрать любое на свой вкус.

Я устало вздохнула и потеряла висок. Хотелось вернуться в свою комнату и лечь рядом с мужем, прикоснуться к нему и подремать, чувствуя его присутствие.

Геральды принялись переговариваться, пытаясь придумать хотя бы немного достоверную историю, которая не была бы похожа на полнейший абсурд.

Я подождала минут десять, прислушиваясь к обсуждению. По мне, так все на самом деле звучало дико и глупо, но куда деваться.

В итоге мы условились, что будем придерживаться версии про некоего родственника, который странным образом изначально был выбран королем. Читай книги на Книгочей.нет. Поддержи сайт - подпишись на страничку в [VK](#). Кроме этого, та же самая магия связала с ним меня, дав тем самым понять, что желает видеть на троне рядом с королем и меня.

Все эти годы геральды разыскивали давно потерянного

родственника, чтобы возвести его на трон, как того и хочет магия. А чтобы люди не волновались, временно короновали Гордона. Все условились, что стоит напустить как можно больше тумана, не забывая при этом кидать неясные намеки и делать вид, что все в порядке.

После того как разговоры затихли, Гордон резко поднялся со своего места, окинул всех присутствующих презрительным взглядом, развернулся и вышел из кабинета, громко хлопнув дверью. Мне было его немного жаль. Впрочем, не уверена, что ему нужна именно корона. Всё-таки после того, как я сказала, что никуда его из Вальгарда никто не высылает, он как-то притих и, кажется, остался доволен этим. Вполне возможно, что ему нужна не сама власть, а возможность хорошо и беззаботно проводить время.

– С этим решили, – сказала я, окидывая всех взглядом. – Полагаю, на сегодня можно на этом остановиться. Если у кого-то есть ко мне какие-то вопросы, – стоило мне произнести это, как я увидела, что буквально все встрепенулись – у них явно было множество вопросов, – то выслушаю их в порядке очереди, – закончила, подмечая недовольство на лицах некоторых геральдов.

А ведь и в самом деле – желающих что-то со мной обсудить, пока король без сознания, совершенно точно будет много. Не могу же я целыми днями только и делать, что отвечать на вопросы желающих. Нужно, чтобы кто-нибудь составлял список, предварительно выяснял, в чем проблема, ведь некоторые вещи я буду должна узнавать сразу, а с решением других вполне можно и подождать.

Мне нужен помощник.

Оглядев всех, я остановила взгляд на старшем брате.

– Берхарт, ты ведь не собираешься пока домой?

– Пока нет, – ответил он, вопросительно смотря на меня.

Кивнув, я решила чуть позже поинтересоваться у него, не желает ли он со своей семьей перебраться в Вальгард и стать моим помощником. Советники – это хорошо, но умный помощник мне точно пригодится. И вообще, не думаю, что я в ближайшее время отпущу от себя отца с Оллартом. А вот Герберта нужно отправить обратно в имение. Он слишком чувствителен к магии, и ему не по себе в замке.

Кстати, давно мать не видела. Впрочем, это даже хорошо. Проблем и так полно, не хотелось бы выслушивать еще и от нее гадости. Захочет – пусть остается. Не захочет – может уезжать вместе с Гербертом.

После этого геральды потихоньку разошлись. В кабинете остались только отец с моими братьями.

– Устала? – спросил отец, заметно расслабляясь, когда за последним геральдом закрылась дверь.

– Есть немного, – слабо улыбнулась. – Вам не кажется, что наша идея – совершенная глупость?

В ответ отец просто пожал плечами.

– А что еще нам нужно было придумать? Гордона изначально не нужно было короновать. Не все люди понимают, что коронация без благословения магии – полная ерунда. На тот момент другой кандидатуры не было. Гордон и те немногие, кто на его стороне, молчали о моем письме, так как отлично понимали: раз магия кого-то выбрала в спутницы королю, значит, не все так просто.

– Кстати, о них. Я бы не хотела, чтобы такие люди были рядом.

– Понимаю, – отец кивнул. – Я знаю их имена, так что ты можешь отстранить их от власти.

– Пап, – я проникновенно глянула на отца, улыбаясь. – Ты у меня самый лучший, ты знаешь?

Отец на это раскатисто рассмеялся, явно довольный моими словами.

– Конечно знаю, моя дорогая.

Я подавила в себе желание немедленно подняться и обнять отца. Всё-таки я была папиной дочкой.

– Берхарт, – начала я, переводя взгляд на старшего брата, который, пока мы с отцом разговаривали, что-то тихо втолковывал Олларту. На лице Олларта была написана такая мука, что мне сразу же стало жалко его. Всё-таки Берхарт иной раз бывает невыносим в своей занудности.

– Да? – Берхарт замолчал и повернулся в мою сторону.

– Как ты смотришь на то, чтобы стать моим помощником? – спросила, боясь, что брат не захочет во все это ввязываться. – Ты мог бы переехать сюда и жить со своей семьей в Вальгарде. Мне нужна помощь.

– Хорошо, – спустя несколько секунд молчания сказал Берхарт, снова повернувшись в сторону Олларта, явно желая закончить свою прежнюю мысль и чего-то добиться от брата.

Олларт глянул на меня такими глазами, что мое сердце не выдержало.

– Берхарт, нам нужно все обсудить. Оставь Олларта в покое, потом ему все расскажешь, – сказала чуть громче, пытаясь отвлечь старшего брата.

Всё-таки так странно. Раньше, до того как я поехала в столицу, мы с братьями никогда не были особо дружны. Если только в детстве. Но потом, когда мать стала выказывать полное неудовольствие мною, то и братья как-то отделились, явно идя на поводу у родительницы. А уж позже, когда у них появились свои семьи, они и вовсе стали редкими гостями в нашем поместье.

Берхарт замолчал на полуслове, вздохнул и отвернулся от брата, правда перед этим кинув ему весьма красноречивый взгляд, давая понять, что он еще не закончил и чуть позже обязательно продолжит. Что такого он ему там втолковывал? Даже интересно стало.

– Я так понял, что должен исполнять роль твоего секретаря? – деловито поинтересовался Берхарт. В его руках как по мановению магии появилась какая-то книга и перо. – Если кто-либо пожелает аудиенции, я буду обязан поинтересоваться сутью вопроса и назначить время. Обо всех важных вещах сразу докладывать тебе. Что-то еще?

Брат поднял глаза от книги и вопросительно посмотрел на меня. Всё-таки не зря я подумала именно о нем. Берхарт дотошен иногда до зубного скрежета, аккуратен, умен и как наследник семьи геральдов Маклэйн многое знает. А еще ему нравится изучать древние предания, историю и магию.

– Да, – я кивнула, задумываясь о том, что хотела бы сделать с советниками. Мне нужна была информация, кто и за что отвечает. Краткие характеристики и прочее, прочее.

Из кабинета мы выбрались поздно вечером. Ужинали там же, разговаривая и планируя. Помощь отца и братьев была неоценима. Мне повезло, что они не оставили меня, а решили помочь.

Первым делом я сразу же проверила состояние мужа. Он выглядел уже заметно лучше. Спросила у лекаря, как проходит лечение, на что тот ответил, что больной стремительно идет на поправку. Еще немного – и он, возможно, придет в себя. Эта новость обрадовала меня и взволновала без меры.

Ночевать повторно в одной постели с мужем я не решилась, подумав, что стоит немного придержать свои желания. Близкие, конечно же, поймут, но зачем лишний раз будоражить умы людей.

Именно поэтому я попросила приготовить мне соседние комнаты. Здесь я особо не присматривалась, слишком устав за день.

После ванны я натянула на себя длинную ночную рубашку и, едва не спотыкаясь от усталости, поплелась к кровати. Зевнув, потянулась к воде, желая попить перед сном, но в тоже мгновение кувшин окружил слабо мерцающий барьер.

Моргнув пару раз, сделала шаг назад. Магия не походила на магию моего мужа. Барьер мерцал жемчужным светом. И было в этом что-то знакомое. Где-то я уже видела такой же свет. Только вот где?

Накинув халат, я торопливо выскочила из комнаты. Стражники встрепнулись и вопросительно посмотрели на меня.

– Позовите начальника стражи, – приказала, толкая дверь в комнаты, еще недавно бывшие моими. Отец говорил, что сегодня ночью он побудет именно здесь. – Никого в комнату не пускать.

Отец сидел в кресле и при свете свечи читал какую-то книгу. Услышав звук открывающейся двери, он тут же поднял голову.

– Амелия? Что-то случилось? – спросил он, откладывая книгу и вставая.

– Идем, я покажу тебе кое-что, – позвала я, увлекая его за собой. – Может быть, ты вспомнишь.

Отец кивнул и поторопился вслед за мной.

Часть 23

Стоило мне показать, как магия вокруг кувшина реагирует на меня, как отец потемнел лицом и сжал губы, которые превратились в тонкую полоску. Сейчас, глядя на него, я и представить не могла, что еще совсем недавно думала об отце как о мягком и всепрощающем человеке.

– Ты же это видишь, я права? – запоздало спросила.

Вместо ответа отец медленно кивнул.

– Вы звали, ваше величество? – в комнату стремительной походкой вошел мужчина. Главный стражник?

– Посмотрите, – я отошла чуть в сторону, махнув рукой на кувшин. Мужчина немедленно посмотрел туда, куда я показывала. Ему хватило мгновения, чтобы понять, в чем дело. – Найдите того или ту, кто это сделал.

– Как прикажете, ваше величество, – тут же отозвался стражник, склоняя голову.

– Идем, – позвал меня отец. – Я, кажется, знаю, что это такое.

Несмотря на поздний час, в коридоре собралась толпа людей. Вспомнив, что на мне лишь одна рубашка и халат, решила, прежде чем куда-то идти, одеться. Выбрав платье, попросила отца подождать, а сама принялась торопливо его натягивать. Я когда-нибудь выплусь в этом замке?

Шнуровать платье в одиночку было неудобно. Меня спасла служанка, явно явившаяся по распоряжению отца. В четыре руки мы быстро привели меня в относительный порядок. Всё-таки не стоит забывать, кто я теперь.

– Готова? – отец дожидался меня, сидя в кресле в моих старых комнатах. Когда я кивнула, он тут же поднялся и двинулся к выходу.

Судя по направлению, мы снова шли в сторону королевской усыпальницы. Но что нам там делать? Хотя...

Догадка заставила меня остановиться от неожиданности.

– Ты ведь не думаешь?.. – с сомнением протянула я, догоняя отца.

– Почему нет? – спросил он, глянув на меня сверху вниз. – Ты и сама должна была понять, что произошло. Кто-то пытался тебя отравить. Другой причины, почему проявилась королевская магия, я не вижу. А раньше, когда Гордон имел глупость быть с тобой грубым, было не так? – поинтересовался он.

– Нет, – я качнула головой. – Раньше магия имела черный цвет. Здесь же, ты сам видел, барьер был жемчужной окраски. Именно это и заинтересовало меня. Точно! Я вспомнила, где это видела. Те цветы... И почему мы даже не вспомнили о них?

– Вероятно, по той простой причине, что они сами не захотели? – отец хмыкнул и отпер ключом дверь. – Не успел выложить, – сказал он, заметив мой вопросительный взгляд.

Стоило двери открыться, как факелы на стенах тут же вспыхнули. В этот раз мы спускались вниз уже более уверенно, не рассматривая каждый раз величественные статуи королей прошлого. Да и с нами не было Берхарда, так что никто нас не задерживал.

Внизу по-прежнему валялось множество камней. Войдя в зал, мы замерли, глядя на противоположную стену, увитую сияющими жемчужным светом цветами. Если присмотреться, то казалось, вокруг каждого цветка мерцает уже знакомый тонкий барьер. Это походило на лунное гало.

– В прошлый раз мы почти не обратили на это внимания, –

благоговейно прошептала я, не понимая, как можно не залюбоваться такой красотой.

Подойдя ближе, я протянула руку и бережно погладила тонкий хрупкий лепесток. Видимый «барьер» спокойно пропустил меня. Стоило моим пальцам коснуться цветка, как во все стороны разлетелись сверкающие капельки, похожие на маленькие водяные брызги.

– Это и есть королевская магия? – спросила, подумав, что надо было всё-таки взять с собой старшего брата. Он обо всем этом, несомненно, знает куда больше.

– Верно, – отец как-то неожиданно оказался рядом. Я и не заметила, когда он подошел. – Вернее, она просто приняла такой вид. Когда я нашел цветок, то пытался отыскать хоть что-нибудь о королевской магии. Узнал я не так много, как мне хотелось бы. Считается, что она пребывала с королевской семьей всегда, то есть с самого начала. Она защищает, оберегает, дает свое благословение или забирает его. Когда рождается наследник, то в течение какого-то времени магия ищет ту, кто подойдет ему больше всего. Если находит, то у избранницы появляется один из этих неувядающих цветов.

– А если не находит?

– Значит, король сам выбирает себе жену. К сожалению, тянуть с женитьбой короли не могут, поэтому срок ожидания ограничен. По истечении определенного времени король выбирает себе жену самостоятельно.

– А если после заключения брака магия находит ту самую?

– После того как король заключает брак, магия перестает искать.

– Значит, первый король никогда не был женат?

– Не был, – отец улыбнулся, его взгляд смягчился, а лицо невероятным образом стало выглядеть красивым и одухотворенным.

– И всё-таки, что такое королевская магия?

– Я находил одну старую книгу, автор которой был уверен, что магия представляет собой нечто вроде рек, пронизывающих весь наш мир. Подземных рек, – уточнил он, увидев, что я смотрю на него непонимающе. – Считается, что иногда эти реки проходят довольно близко к поверхности. В тех местах магия очень сильна. А иногда они и вовсе выходят наружу.

– И королевская магия – это вышедшая наружу подземная река магии? – спросила, скептически оглядев увитую цветами стену.

– Я и сам не совсем понял, как это возможно, – отец пожал плечами. – Но согласись, бывают места, где магия во много раз сильнее и концентрированнее.

Я кивнула, давая понять, что вполне согласна с его словами.

– Это понятно, но почему она, – я замялась, пытаюсь оформить свои мысли в слова, – уделяет такое внимание королевской семье? – я всё-таки нашла, как более точно задать вопрос.

– Заклинание.

Мы с отцом как по команде дружно обернулись, видя, как в нашу сторону размашистым шагом идет Берхарт вместе с зевающим и недовольным Оллартом.

– Я как увидел барьер вокруг кувшина, сразу понял, где вас искать, – пояснил старший брат, вставая рядом.

– Барьер? – я заинтересованно вскинулась. – А разве...

– Магия охраняет не только короля с королевой, но и их ближайших родственников. Менее рьяно, но отравить никого из нас она не даст.

– И Гордона? – Олларт хмуро покосился на цветы, будто был совершенно недоволен таким поворотом событий.

– Вполне возможно, – Берхарт пожал плечами. – Хотя он лишен магии, так что не исключено, что до сих пор на него просто никто не покушался.

– Что ты там говорил о заклинании? – попыталась я сменить тему разговора, так как снова вспоминать Гордона не хотелось, да и говорить о нем тоже.

– Подожди, – пробормотал Берхарт, принимаясь ходить вдоль стены. Он во что-то всматривался, а потом и вообще принялся ползать по полу рядом, что-то беспрестанно бормоча себе под нос.

– Иногда он напоминает мне сумасшедшего, – хмыкнул Олларт. Сложив руки на груди, он насмешливо наблюдал за братом. Его явно забавлял вид Берхарта.

Минут через пятнадцать старший брат все-таки встал, отряхнулся и повернулся к нам. На его лице при этом сияла удовлетворенная улыбка.

– Ну что там? – спросила нетерпеливо, перебивая Олларта, который явно хотел высказаться по поводу этой довольной улыбки.

Берхарт осмотрел нас, словно что-то решая, а потом тяжело вздохнул.

– Ладно, расскажу как можно проще. Здесь и в самом деле замешано заклинание. Его создал самый настоящий гений! Я разобрал только некоторые символы, из которых оно состоит. В этом месте мощный магический источник. Именно от него питается заклинание. По сути, королевская магия – это и есть заклинание. В него просто изначально заложены различные ситуации, при которых магия должна активироваться. Именно поэтому магия никак не отреагировала на запечатывание короля, потому что, по сути, ему не угрожала смерть. Но она реагировала на его страдания от полученных ран. Видите, – он присел и указал на трещины в камне, которых почти не было видно. – Вокруг Печати обычно воздвигают барьер, он не подпускает к жертве не только людей, но и постороннюю магию. Проникнуть через барьер магия не могла, поэтому просочилась внутрь таким вот способом. Вполне возможно, что король жив только потому, что его страдания все это время облегчала именно эта магия. Она всё время имела доступ к нему, поэтому не переставала искать подходящую пару. И нашла...

– Спустя многие столетия, – пробормотала я, не зная даже, что и думать по поводу всего этого.

– К тому же выходит, что она всегда считала его королем? – Берхарт поднялся и отряхнул руки. – Только не ясно, почему в таком случае позволяла короновать других, – пробормотал брат и снова повернулся к стене, принимаясь всматриваться в одну точку. – Мне кажется, что здесь что-то есть, но я никак не могу разобрать.

Мы все тут же приблизились, пытаюсь разглядеть, что там так заинтересовало Берхарта.

– Ты про то, что один из камней на стене немного отличается от остальных? – спросила, чуть отодвигая стебли с листьями и цветами.

– Ты хорошо это видишь? – Берхарт цепко глянул на меня. Я кивнула. – Тогда попробуй прикоснуться.

– Не опасно? – встревожился отец.

Берхарт не успел ничего ответить, так как я дотронулась до почему-то теплого камня кончиками пальцев. Спустя мгновение камень засиял чуть сильнее, а потом медленно исчез, открывая вид на небольшой тайник.

Часть 24

– Подожди, – Берхарт перехватил мою руку за запястье, не дав полезть в открывшийся тайник. – Кто знает, что там такое, –

пробормотал он.

Кивнув, я опустила руку и отошла чуть в сторону, давая брату больше пространства. Берхарт между тем пристально всматривался в тайник, а потом поднес к нему ладонь, но погружать не стал. Я наблюдала, как кончики его пальцев слегка светятся. Он шевелил ими, словно что-то перебирал. Выглядело немного странно, но застораживающе и как-то... чувственно, что ли.

Переведя взгляд на сосредоточенное лицо Берхарта, заметила, что взгляд у него затуманенный. Он будто смотрел на что-то только ему видимое. И его губы быстро шевелились. Казалось, он с большой скоростью читает какое-то заклинание. Не удивлюсь, если это так и есть.

Спустя некоторое время взгляд брата прояснился. Он замолчал и опустил руку, выдыхая.

– Гений. Это сотворил настоящий гений, – чуть возбужденно и восторженно прошептал брат.

– Что там? Ты узнал? – спросила, покосившись на тайник.

– А? – Берхарт посмотрел на меня слегка расфокусированным взглядом и нахмурился. – Амелия? – он на секунду задумался, словно что-то вспоминая, а потом кивнул. Олларт прав – иногда Берхарт выглядит, будто слегка помешался. – Можешь посмотреть, что там. Охранные заклинания тебя пропустят.

Сказав это, Берхарт отошел чуть назад. Я же бесстрашно сунула руку в тайник. Пальцы тут же наткнулись на что-то твердое. Казалось, оно само прыгнуло ко мне в руки. По ощущениям это был довольно толстый фолиант.

Как оказалось, это на самом деле была книга. Ее обложка была украшена двумя круглыми камнями зеленого цвета. Один сверху, другой снизу. Посредине была изображена заключенная в цветочный круг стая летящих птиц. Вороны? Вполне возможно.

– Книга?

Я подняла голову, упираясь взглядом в лицо Берхарта. Он горящими от любопытства глазами смотрел на книгу, и я видела, что еще немного – и он начнет пританцовывать от нетерпения.

Кивнув, я на всякий случай еще раз проверила тайник, но внутри ничего больше не оказалось. Поэтому все мое внимание тут же было отдано находке.

– И как ее открыть? – пробормотала, почти сразу замечая, как зеленые камни начали слегка светиться.

– Не опасно? – спросил отец, стоящий рядом и явно готовый в любой момент выдернуть книгу из моих рук и откинуть подальше.

– Вряд ли, – Берхарт отрицательно качнул головой. – Там все охранные заклинания были настроены на короля или королеву.

Пока брат что-то еще объяснял, я любовалась золотистыми искрами, вспыхивающими внутри круглых камней.

Спустя некоторое время послышался тихий, едва уловимый щелчок, и я ощутила, что в книге что-то изменилось.

Подняв голову, поняла, что все молчат и смотрят на меня с ожиданием. Они явно тоже слышали этот звук.

– Открывай уже, – поторопил меня Олларт. – Так и будем стоять тут до вечера? Я спать хочу и есть. И вообще...

Что там «вообще», он не договорил, так как в этот момент я последовала его совету и осторожно открыла книгу. Неосознанно ждала каких-нибудь магических эффектов, но ничего подобного не было.

На желтоватой бумаге на первом листе красовался герб Хальдора. Мы все переглянулись, только сейчас понимая, что все лежало на поверхности. На гербе Хальдора был изображен ворон с распростертыми крыльями. В одной лапе он держал меч, во второй – нечто вроде свитка, а над его головой можно было увидеть корону. Посередине красовался щит, увитый цветами.

– Никто даже менять не стал, – тихо сказал Берхарт, задумчиво потирая подбородок. – Я читал о королевском гербе. Везде сказано, что ворон на нем символизирует долголетие и мудрость правителей. Меч олицетворяет силу. Свиток – многие знания. Щит с цветами – королевство под защитой... – Берхарт поглядел на стену и закончил с явным удивлением в голосе, – магии. Ну, с короной все понятно.

– Переворачивай, – поторопил Олларт, которого явно не впечатлил рассказ брата. Все это мы и сами прекрасно знали.

Я не стала его томить и аккуратно, будто боялась, что лист рассыплется у меня в руке, перевернула страницу.

На самом верху красным горело чье-то имя. Над первой буквой, выведенной со всевозможными украшательствами, сияла маленькая корона.

– Эскалион Хальд, – прочла я и замерла.

Мы как-то синхронно вскинули головы и переглянулись, проникаясь важностью момента.

– Не самое простое имя, – пробормотал Олларт. – А Хальд так вообще... – он приподнял руку и покрутил кистью, словно пытаясь найти подходящее определение.

– Хальдор, – выдохнул Берхарт. – Я столько лет искал значение этого слова, а все оказалось так просто!

– Да уж, – хмыкнул отец. – Наши предки не слишком сильно старались с названием для созданного ими королевства.

– Но тогда выходит... – начала я, резко замолчав, пытаясь обдумать пришедшую в голову мысль. – Выходит, династия Эклин-Маэр не имеет никакого отношения к первому королю.

Мы немного помолчали, явно пытаясь понять: что же такое мы только что узнали?

Размышляя, я опустила глаза на книгу и принялась вчитываться в список под горящим красным именем моего мужа. Эскалион... надо же. Колкое, но в то же время мягкое имя приятно перекатывалось на языке. Оно напоминало одновременно и кусачие искры от горящего в ночи костра, и текучесть воды в горном ручье, и шипение ядовитой змеи.

Сейчас не дают таких имен. Нынешние имена больше похожи на рычание хищников. Короткие рыки напоминают звуки падающих булыжников – резкие, рубленые, грубые.

– Подождите, – я буквально впилась глазами в строчку. – Алари Эклин-Маэр. Предок Гордона был...

– Одним из двенадцати геральдов, – Берхарт немного подвинул Олларта и вчитался в написанное. – Все верно. Здесь тринадцать фамилий. Хальд – первый король. Остальные двенадцать – просто геральды. Но тут нет фамилии Тадистри. Что это означает?

Никто из нас не знал ответа, мы могли только предполагать.

– Вероятно, им по какой-то причине нужно было именно тринадцать человек. После заточения короля их стало двенадцать, и они приблизили к себе Тадистри, самолично назначив его геральдом, – выдвинула я единственное объяснение, которое могла придумать.

– Тоже так думаю, – согласился со мной Берхарт. – Тринадцать – магическое число. Возможно, это нужно было из-за каких-либо обрядов, которые они проводили в то время. К тому же, насколько я помню, им на самом деле нужно было проводить ритуалы, чтобы не давать тварям

из скрытого мира проникать в наш мир.

– Может быть, именно поэтому Тадистри был против того, чтобы геральды прошлого давали клятву первому королю? Его предок не клялся ни в чем Хальду, поэтому Роймар ничего и не ощущает, относясь к этому столь легкомысленно и с явным недоверием, – сделал предположение отец.

– Думаю, что ты прав, отец, – сказал Берхарт после того, как с минуту обдумывал услышанное. – Наша фамилия тут тоже есть. Переверни, – попросил он меня.

Я осторожно перелистнула страницу. Все мы молчаливо вчитывались в несколько архаичные и витиеватые буквы.

– Это... – Берхарт запнулся, поднимая на нас взгляд.

– Изначальные законы Хальдора, – закончил за него более спокойный отец.

– Я думаю, что нам стоит вернуться в комнаты, – закрыв ценнейшую книгу, сказала я. Берхарт был весьма недоволен моим решением. Ему явно не терпелось прочесть все, что было написано в книге. – Надо, наконец, отдохнуть. И узнать, что там с отравлением. Книга теперь никуда не денется. Успеешь ты все прочитать, – добавила я чуть насмешливо, посмотрев на старшего брата.

– Полностью поддерживаю, – Олларт потянулся и широко зевнул, даже не думая скрывать зевок.

Его книга впечатлила меньше всех. Такие вещи не были ему интересны. Вот если бы в тайнике обнаружилась какая-нибудь булава или же меч Эскалиона, вот тогда он бы тут отплясывал, забыв и про сон, и про еду.

Поднимались в молчании. Все явно были под большим впечатлением. Ну, кроме Олларта.

Я же на все лады повторяла имя мужа, ощущая, что мне вот прямо сейчас, срочно нужно увидеть его.

Я не стала останавливаться перед покоем, в которых до этого собиралась ночевать. Сейчас в коридоре царил тишина.

– А кто остался с королем? – испуганно спросила, вспомнив о том, что и оба брата, и отец рядом со мной.

– Герберт, – отмахнулся Олларт. – Вон, видишь, тут еще пара стражников и лекарь. Спасибо, ребята, – простодушно поблагодарил ближайшего воина Олларт, похлопав его по плечу.

– Позовите главного стражника, – попросила я одного из мужчин, стоящих рядом с дверью в покои. Тот понятливо кивнул и быстрым шагом ушел выполнять приказ.

В гостиной обнаружили Герберт с лекарем. Брат выглядел неважно. Он был слишком бледен и постоянно слегка кривился, словно его донимала тошнота.

– Отец! – вскрикнул он, когда увидел нас. При этом он вскочил на ноги, но потом, вспомнив о приличиях, слегка смутился. – Прошу прощения.

– Что-то случилось? – отец тут же подошел к Герберту и внимательно его оглядел. – Тебе нездоровится?

– Да, – Герберт резко кивнул и поджал губы. – Я пришел попросить вас отпустить меня домой, отец, – он перевел взгляд на меня. – Ваше величество.

Я еще не привыкла к тому, что даже близкие теперь вроде как должны обращаться ко мне в подобном ключе.

– Но что случилось? – отец перевел взгляд на лекаря, но тот приподнял руки и покачал головой, давая понять, что сам не в курсе.

Подойдя ко мне, мужчина кашлянул, покосившись на закрытую дверь в спальню.

– Что-то не так? – спросила, тут же встревожившись.

– Нет-нет, ваше величество, – заверил меня лекарь. – Все в порядке. Его... величество стремительно идет на поправку. На самом деле я удивлен той скорости, с которой его тело восстанавливается. Думаю, что в ближайшие дни он должен прийти в себя.

– Хорошо, спасибо, – я облегченно выдохнула. – Вы можете идти, – отпустила я его. Мужчина тут же со всеми попрощался, раскланялся и торопливо ушел.

– ...этот замок, он так давит на меня, отец, – уловила я слова Герберта. – У меня постоянно болит голова.

– Что ж, – отец вздохнул, тяжело усаживаясь в кресло. – Если все так, как ты говоришь, то я не вижу причин тебя мучить. Можешь отправляться домой сразу, как захочешь, сынок.

Подумав немного, я положила книгу на стол, а сама юркнула в спальню.

Оказавшись в комнате, я вздохнула, унимая прокатившуюся по телу дрожь.

– Здравствуй, Эскалион, – прошептала я, наслаждаясь тем, как звучит имя мужа в полной тишине.

На мгновение мне показалось, что тьма вокруг как-то странно дрогнула, но в следующий момент это ощущение пропало. Странно, но я даже слегка расстроилась.

Подойдя к кровати, присела на край и облегченно вздохнула. Хотелось остаться здесь навечно.

Часть 25

«Во сне я видел прошлое. Оно тянуло ко мне свои скрюченные пальцы, разевало безмолвно рот, смотря пустыми глазницами. И чудилась мне в этих черных тоннелях то ли тоска, то ли тихая злость. Мне казалось, что вокруг меня водят хоровод мертвецы. Тела, лишенные плоти и крови, могли лишь стучать выбеленными временем костями. Тьма же обиженно смотрела издалека, позволяя всему этому приблизиться. Словно пыталась сказать: «Видишь, со мной было лучше». Вот только это не так. Я согласен на соседство всех мертвецов мира, лишь бы мне дали шанс вырваться из этой оглушающей и сводящей с ума темноты».

– Меня зовут Уберт Хельмут, – представился главный стражник, когда я попросила его назвать свое имя.

– Что вы узнали? – поинтересовалась, постаравшись взять себя в руки. И пусть наступил новый день, но я отчего-то совсем не отдохнула.

С утра, потирая болевшие ребра, клятвенно пообещала себе, что больше никогда не стану засыпать одетой.

Когда главный стражник пришел ночью, отец не стал меня будить (хотя и стоило). Впрочем, ночью у Хельмута все равно толком ничего не было по поводу попытки отравления, зато сейчас, утром, он явно мог что-то сказать.

– Мы узнали, что яд вам в кувшин подсыпала дочь геральда Эбнера Годарда. Она с утра под надуманным предлогом пыталась покинуть Вальгард, – тихо сказал Уберт, ощущая себя заметно скованно.

– Что-то не так? – спросила, понимая, что ему, наверное, не по себе. Всё-таки дочь геральда – это не обычная служанка, которую можно за покушение просто бросить в темницу, а потом и вообще запереть там навечно, особо не беспокоясь о ее судьбе.

– Вам, ваше величество, самой бы с ней поговорить, – при этих

словах у Уберта было странное выражение лица. То ли просящее, то ли на что-то намекающее.

– А что геральд? – поинтересовалась, подумав, что для начала надо поесть и выпить чего-нибудь бодрящего, иначе я свалюсь в середине дня и не сдвинусь с места.

– Он еще не знает, ваше величество, – как-то чересчур радостно отозвался стражник.

Я глянула на него, пытаюсь понять, чем вызваны подобные чувства.

– Он вам не нравится. Почему? – спросила, замечая, как в гостиную вошла служанка.

Она несла накрытый крышкой поднос. Я встrepенулась. Живот тут же слегка скрутило от голода. Скорее всего, это ушедший не так давно отец распорядился принести завтрак сюда.

– Простите, ваше величество, – смешался стражник. – Ничего подобного. Мы все безмерно уважаем геральда Годарда.

Не хочет говорить? Впрочем, я его понимаю. Мы тут не одни, и иногда можно сильно пострадать из-за слишком длинного языка.

– Хорошо. Приведите девушку минут через тридцать, – приказала, поворачиваясь к брату. – Присоединишься ко мне? – спросила у Берхарта, который увлеченно читал найденную нами книгу.

Подняв на меня слегка задумчивый взгляд, он отрицательно качнул головой и снова погрузился в чтение. Я пожала плечами и отдала все свое внимание завтраку.

И зачем же меня хотела отравить дочь геральда? Я думала, ни для кого не является секретом, что покушаться на королевскую семью в пределах Вальгарда – бессмысленная трата времени. Она настолько глупа? Или в этом есть что-то другое? Может, хотели проверить?

И что мне теперь со всем этим делать? Оставить ее поступок безнаказанным я точно не могу, даже если вред мне и не был причинен. Но она опять же дочь геральда, слишком строго не накажешь. Ладно, послушаю, что она мне скажет, потом станет ясно.

В назначенный срок Уберт привел девушку. Та выглядела слегка испуганной, но старалась скрыть свой страх за выражением высокомерия на лице. К тому же она постоянно морщила нос, будто испытывала брезгливость. И все это весьма портило черты миловидного лица.

Заметив меня, девушка на мгновение застыла, а потом всё-таки присела, изображая реверанс.

– Ваше величество, – глухо сказала она чуть дрожащим голосом. – Милорд.

Не успела я что-либо сказать, как в комнату вихрем ворвался мужчина.

– Дебора! Это правда? – воскликнул он, подлетев к буквально побелевшей девушке, хватая ее за руку и требовательно заглядывая в глаза. – Почему? – спросил он резко, а потом на его лице появилось такое ошеломляющее понимание и растерянность, что я невольно отвела глаза. – Я ведь предупреждал тебя, – змеем прошипел геральд.

– И что?! – взвизгнула Дебора, вырывая свою руку и враждебно смотря на отца. – Я люблю его! Ты это понимаешь?!

Она заметалась по гостиной, как по мне, так слишком трагично и наигранно заламывая руки и покусывая алые пухлые губы, тем самым привлекая к ним внимание.

– Дура! – воскликнул геральд, гневно глядя на дочь. – Ты ему не нужна. Таких влюбленных идиотов, как ты, у него десятки.

– Не смей! – вскрикнула Дебора, встряхивая накрученными кудрями темно-каштанового цвета и вскидывая острый подбородок. – Он тоже любит меня. Он сам мне говорил. И она сказала, что я должна бороться за свою любовь. Сказала, что без борьбы ничего не дается. И я верю ей. Слышишь?!

Скандал явно набирал обороты. Мы с братом даже немного растерялись, переводя взгляд с геральда на его дочь. Они вели себя так, будто нас тут не было.

– Кто она? – слегка успокоившись, спросил геральд, а потом его взгляд зацепился за меня. Немного смутившись, он поклонился. – Прошу прощения, ваше величество, за эту безобразную сцену. Я...

– Леди Адалинда! – совершенно бесцеремонно прервала отца Дебора. Что это? Невоспитанность? Наглость? Или же она просто настолько взвинчена, что ничего вокруг не замечает?

Что она сказала?

– Простите, леди Дебора, вы только что назвали имя моей матери. Что вы хотели этим сказать? – спросила я вкрадчиво. Пусть между мной и матерью нет любви и понимания, но оболгать ее я не позволю. Как и

трепать ее имя. – Вы ведь про леди Маклэйн говорили, я правильно поняла?

Дебора замерла, непонимающе глядя на меня. Моргнув, она осмотрелась, будто только сейчас осознав, где находится. По ее лицу на мгновение скользнул ужас, но она очень быстро взяла себя в руки.

– Все верно, – начала она, распрямляя плечи и давая понять, что ей совершенно не стыдно за то, что недавно тут происходило. – Леди Адалинда Маклэйн. Потрясающая женщина. Мы с ней сдружились за эти дни. Много говорили. Она посоветовала мне не сдаваться.

– И это она надоумила вас подсыпать яд в кувшин? – спросила прямо, с тоской вспоминая мать. Неужели она меня настолько ненавидит?

– Нет, конечно, – фыркнула Дебора, но спустя секунду поправила себя. – Точнее, да, это леди Адалинда попросила меня добавить яд. Я тут совершенно ни причем, – это прозвучало совершенно неубедительно, особенно если учитывать постоянно бросаемые на меня взгляды. Казалось, Дебора желает узнать: поверили ли мы или нет.

Геральд на это только возмущенно вскинулся. Я же едва смогла удержать улыбку. Значит, мама ничего такого не планировала, просто дочь геральда все неправильно поняла и решила действовать весьма решительно.

– Может, вы присядете? – спросила, кивая в сторону кресел.

В гостиную вошел отец. Выглядел он озабоченным и явно расстроенным. Заметив геральда и Дебору, он нахмурился еще сильнее. Что-то еще случилось?

Я вопросительно глянула на отца, но он лишь отрицательно качнул головой, сложил руки на груди и остался стоять около стены. Он явно давал понять, что сейчас говорить не собирается.

– Кого же вы так любите, что были готовы отравить меня? – спросила, немного расслабляясь. Все хорошо. Отец с братом рядом. Муж вскоре очнется. И мама не так уж меня и ненавидит.

– Как кого? Мужа вашего, – всхлипнула Дебора и поспешно приложила платок к глазам. Геральд на это судорожно вздохнул, бросая яростные взгляды на дочь.

В груди что-то екнуло. Мужа? Она ведь его даже не видела! Или?..

– Гордон, он ведь такой, – Дебора душераздирающе заплакала. При этом получалось у нее это так красиво, что мне стало завидно. –

Замечательный. А то, что немного груб, так это не страшно. Так даже... – она запнулась и украдкой глянула в сторону своего отца.

– Гордон не имеет ко мне никакого отношения. Он не мой муж, – сказала и вздохнула. Надеюсь, эта новость как можно скорее облетит замок.

Странно все это. Я слышала, что Гордон не слишком ласков со своими фаворитками. Или же Деборе именно это в нем и нравится? Ей приятна боль и унижение? Впрочем, это совершенно не мое дело. А может, их поженить? А что? Гордону все равно нужна будет жена в скором времени. А Дебора его любит. Ну, или думает, что любит.

Надо будет потом обсудить с геральдом эту идею.

Поведав об отсутствии у меня брачных уз с Гордоном, я попросила отца с дочерью покинуть нас. Конечно, предварительно сообщив геральду, что позже хочу с ним поговорить без его дочери.

Когда в гостиной остались только мы втроем.

– Что случилось, отец? – спросила, наливая себе в чашку душистого отвара. Мне кажется или в последние дни постоянно что-то происходит и я слишком часто задаю этот вопрос?

– Адалинда покинула замок, – отец явно был зол и недоволен.

– Что? – чайник в моей руке дрогнул, и я его едва удержала. – Но почему? А как же?.. Она хочет, чтобы ты последовал за ней?

Ну да, конечно. Как я могла подумать, что мать относится ко мне хотя бы терпимо. Она ведь должна понимать, что сейчас мне как никогда нужна поддержка и помощь отца. Без постоянного вливания жизненных сил отец может продержаться месяц, но потом ему срочно нужно будет последовать за матерью.

– Отец, ты...

Я не успела договорить, так как тело в одно мгновение отказалось мне подчиняться. Я не увидела, но почувствовала, как мимо меня прокатилась волна чужой силы, заставив все волоски на коже встать дыбом. Грудь сдавило, отчего дыхание резко стало прерывистым и поверхностным.

Вскочив, я повернулась и снова замерла. Мне показалось, что время остановилось. Воздух вокруг сгустился, низко загудел. Весь мир как-то смазался. Я видела только одно – дверь в спальню была открыта.

На пороге стоял Эскалион.

Часть 26

Эскалион

Это было похоже на то, будто я пытался вырваться из вязкого, утягивающего на дно болота. Мне казалось, что меня хватают за ноги призрачные руки, тянут, словно умоляя не оставлять их. Возможно, кто-то бы испугался, но меня подобное лишь злило. Я порывался что-то сделать и никак не мог понять, что именно не так. Мне хотелось остановиться, оглянуться и... Что «и»? Я никак не мог вспомнить.

Когда я открыл глаза, то сразу не понял, что происходит. Глаза резал свет, но я даже не помышлял о том, чтобы закрыть их, спасаясь от боли. Разве это боль?

Все вокруг меня расплывалось, не желая приобретать четкость. Впрочем, даже то, что я мог видеть, уже меня интересовало. Глубоко внутри шевельнулся интерес. Позабывтое, необычное чувство, которое я не испытывал... давно?

Вдохнув, я повернул голову навстречу свету и замер. Я не ощущал никакой тревоги или желания немедленно действовать. Здесь, в этом загадочном месте, пахло очень приятно. Я неожиданно осознал, что хочу дышать этим воздухом вечность.

Прикрыв глаза, я вдохнул запах глубже. Где-то в глубине сознания нарисовался образ чего-то морозного. Мороз? Снег и холод. Видел ли я когда-нибудь снег?

Я медленно осознавал, что мое нынешнее положение кардинально отличается от того, к чему я привык. Раньше кругом была лишь шепчущая о всяких глупостях тьма.

Воспоминания приходили медленно. Даже слишком, как по мне.

Сначала я вспомнил имя. Свое имя. В самые трудные времена, когда терпеть и ждать не оставалось сил, оно спасало меня. Я шептал его, словно пытаюсь вколотить в разум намертво. Это был бессмысленный набор звуков. Иногда я просто переставал понимать, что они означают, но всё равно продолжал произносить. И тогда мое имя стало чем-то вроде заклинания.

Приподняв руку, я приблизил ее к глазам и посмотрел на ладонь. Мыслей в голове не было. Мне вдруг показалось, что за годы, проведенные в темноте, я их все передумал, и сейчас этих навязчивых, надоедливых нитей просто не осталось.

Мотнув головой, я медленно откинул с себя одеяло. Вокруг тела клубился черный туман. Я замер, наблюдая за происходящим. Не сразу,

но вспомнил, что так проявляется моя сила. Было в этом что-то тревожное. Что-то, о чем мне не хотелось вспоминать, и в то же время что-то, заставляющее ярость в глубине сознания разгораться.

Убрать туман было просто. Мгновение, и он втянулся в мое тело.

Это я? Что я такое? Человек. Эскалион.

Медленно встав, я замер, напряженно вслушиваясь в состояние оболочки, в которой был заперт долгие годы. Сколько раз мне хотелось вырваться, но вместилище крепко держало меня, будто могло мыслить самостоятельно и понимало, что без меня оно всего лишь мертвая плоть.

Оболочка была слаба. Стоило мне встать, как тело задрожало. Меня буквально прошило желание немедленно лечь обратно. В самом деле? Возможно, когда-то я и учитывал желания вместилища, но это время давно закончилось. Ему безразличны мои чаяния, так почему я должен выполнять то, что оно от меня требует?

Сделав шаг, покачнулся. Боль, прокатившаяся по всему телу, заставила лишь сжать зубы. Наступит день, когда я смогу покинуть мое вместилище. Клянусь, после этого я не оставлю от него ни пылинки.

Пару раз вздохнул и ощутил, как боль и слабость отступают. Опустив глаза, увидел, что уже знакомый туман укутывает меня, закрывая от всего мира бледное, тощее и крайне неприглядное тело.

Идти стало намного легче .

Дойдя до стены, которая была закрыта тканью, я остановился. Мгновение подумал, а потом медленно отодвинул штору и замер, забыв о дыхании. Проклятое тело вскоре, будто в отместку за недавнее пренебрежение его пожеланиями, напомнило о себе – в груди запекло и закололо.

Судорожно вдохнул пахнувший морозом воздух, не отрывая слезящихся глаз от пасмурного, затянутого серыми тяжелыми тучами неба. Это было поистине невероятное зрелище. Наверное, я мог стоять так годами, наблюдая, как ветер (как же мне хотелось ощутить его, немедленно!) гоняет тяжелые тучи.

Почувствовав дрожь нетерпения, я приложил руку к прозрачной преграде. Мгновение – и черный дым снес ее. В лицо пахнуло прохладой, сыростью, мокрой землей, сгнившей травой, дождем и еще тысячами других запахов. Я замер, понимая, что именно об этом мечтал долгие годы.

Чистый, пахнувший миром воздух прикоснулся к лицу, трепал

волосы, ластился к телу, обволакивая прохладным удовольствием.

Нахмурился, осознавая, что без тела всего этого ощутить я бы не смог. Что ж, значит, придется учиться взаимодействовать заново, раз без него невозможно чувствовать окружающий мир в полной мере.

Оглядевшись, попытался понять, где я нахожусь. Узнавание присутствовало, но я не был уверен в том, что помню верно. В конце концов, за долгие годы многое стерлось из моей головы. Правда, я пытался этому всеми силами воспрепятствовать. Особенно поначалу, когда заставлял себя вспоминать любые мелочи, которые хранила моя память. Я проживал свою жизнь раз за разом, стараясь обдумать каждое сказанное мною и другими людьми слово. Каждый миг был прожит мною повторно, были сделаны выводы. Впрочем, прошло столько времени, что некоторые вещи стерлись из памяти, а многое настолько глубоко скрылось во мне, спасаясь от забвения, что вытащить на поверхность все это будет сложно.

Я стоял в тишине, укутанный лишь звуком ветра и непонятным гулом, природу которого даже не пытался сейчас понять, поэтому звук чужих голосов, доносящихся откуда-то из-за стены, заставил меня затаить дыхание. Я даже прикрыл глаза, пытаюсь понять, чудятся ли они мне, или же я слышу их на самом деле.

Я не мог разобрать отдельные слова, но сомнений не оставалось: там, за стеной, разговаривают люди. В горле возник горячий комок. Сглотнул, нехотя отвернувшись от окна. Правда, я не сразу сдвинулся с места, вслушиваясь в звуки.

Непонятно почему, но один из голосов отличался от остальных. От его звучания у меня внутри возникало желание немедленно увидеть его обладателя. Почему-то это казалось важным.

Не заметил, как пересек комнату. Около двери я замер, на короткий миг прикинув к ней всем телом. Снова этот голос!

Рывком распахнул дверь, с какой-то дикой жадой ощущая, что хочу немедленно увидеть. Жажда эта была почти физической, от нее все тело мелко подрагивало, будто в нетерпении. Проклятая плоть...

В следующее мгновение я ощутил, как моя сила устремилась куда-то вперед.

А потом я увидел.

Весь мир сузился, исчез, испарился, превратившись в блеклый туман. Единственное, что было важным, – это глаза. Ее глаза. В тот миг

они стали центром для меня. Моим якорем и причиной.

Я понял, ради чего терпел столько лет одиночества и темноты, отчего не мог сдаться. Осознал, что не дало мне сойти с ума. Она – моя надежда. Она – мой далекий свет, на который я шел все это время.

А потом меня с головой накрыл запах мороза – свежего, трескучего, кусающего кожу, обжигающего грудь. Я вспомнил, как узнал о ней, как прикасался силой, как звал ее, как целовал губы, как смотрел уже в эти глаза, обещающие избавление.

Если кто-то спросил бы меня, я всё равно не смог бы сказать, в какой именно момент она оказалась в моих объятиях. Я просто ощутил, как мои руки сжимают ее, притягивают к телу. И ощущение это было столь великолепным, что я мог бы простоять так вечно.

Ее губы манили, обещали и жаждали. Я не стал отказываться и поцеловал ее. Она оказалась нежной, мягкой, восхитительно податливой. А еще, несмотря на жгучий холод ее силы, горячей.

Оторвавшись от губ, я принялся рассматривать ее. Она слегка покраснела, опуская глаза, отчего я мгновенно ощутил сосущую пустоту. Мне немедленно захотелось вернуть ее взгляд.

Я не успел ничего сделать, а она уже снова посмотрела на меня. Мимолетное ощущение потери исчезло. Я облегченно и тихо вздохнул.

Она что-то говорила, но смысл слов не достигал моего сознания, хотя, нужно признаться, звучание ее голоса ласкало так же приятно, как и ее губы пару секунд назад.

– Что? – спросил я, поняв, что голос мой не громче шепота, да и к тому же хрипит. Я удивился, что вообще могу говорить. Как-то не был в этом уверен.

– Вы не одеты, ваше величество, – разобрал я, наконец, слова, звучавшие одновременно и знакомо, и незнакомо. По неизвестной мне причине она искажала их, отчего я не сразу мог понять, что означает то или иное слово.

– Это важно? – спросил, не совсем понимая до конца, что она хочет мне сказать.

Не одет? Что это? Зачем? А, вспомнил. Одежда. Люди ведь должны облачать свои тела в ткань и кожу, пряча наготу от посторонних. Зачем? Слабые людские вместилища не переносят непогоды, замерзают, намокают, отчего заболевают и умирают. А еще вроде так положено. Не помню точно почему.

Она кивнула, но в ее глазах мелькнуло что-то, заставившее меня усомниться в искренности ее желания, чтобы я оделся. Верно, люди любят лгать. Иногда даже самим себе. Но мне не столь важны ее слова, главное, чтобы она смотрела, и тогда я узнаю правдивый ответ.

– Ваше величество, – слышался рядом мужской голос.

Мне совершенно не хотелось никого больше видеть, но я всё-таки нехотя поднял голову. Рядом стоял мужчина.

– Кто ты? – хрипло спросил я, сжимая ее чуть сильнее.

– Прошу простить меня, ваше величество, – мужчина поклонился. Он явно был взволнован. – Мое имя Вилберт Маклэйн. Я...

Что-то черное, вязкое, горящее яростью, вскинулось во мне. Я не дослушал его. Моя сила взметнулась, окутала его коконом и пришила к стене.

Она вскрикнула и забилась в моих руках. Я перевел на нее взгляд.

– Что?

– Он мой отец! – вскрикнула она, а ее глаза наполнились прозрачной влагой. Я видел ее страх. – Прошу, – выдохнула она умоляюще.

По телу прокатилась дрожь. Я не хотел ее пугать и делать больно. Мне хотелось видеть в этих глазах совсем другие эмоции.

– Отец, – медленно повторил я. Усилием воли я медленно отпустил мужчину, наблюдая, как тот повалился на пол. К нему тут же подскочил молодой человек, помогая подняться. – А это...

– Мой брат, ваше величество, – торопливо сказала она, прижимаясь ко мне. Я посмотрел на нее, потеряв интерес к остальным людям. – Я все вам расскажу, обещаю. Только не трогайте их. Они ни в чем не виноваты.

– Хорошо, – пообещал я, подумав, что меня мало волнует весь остальной мир. Мне хотелось лишь того, чтобы она перестала плакать. – Идем.

Нас окутала моя сила, укрывая от всего мира черной завесой, а в следующий миг мы очутились в комнате, из которой я недавно вышел.

Послышался резкий звук. За нами закрылась дверь.

Мы, наконец, одни.

Часть 27

Я ощущала себя очень странно. Казалось, что во всем мире меня волнует только человек напротив. Я едва не задыхалась, когда он на

мгновение отводил взгляд. Прикосновения его обжигали, но от них кружилась голова и все внутри сладко сжималось.

Мне хотелось расплакаться от навалившегося счастья. Губы горели, а тело вскоре едва не скрутило от накатившего огромной волной желания.

Невольно я застонала, замечая, как лицо мужа дрогнуло, приобретая еще более хищные черты. Посмотрев на мои губы, он, недолго думая, поцеловал меня, отчего я задрожала, будто меня била самая настоящая лихорадка.

Вжимаясь в него, я все больше теряла голову, совершенно не понимая, что происходит. Все в мире казалось таким неважным и незначительным по сравнению с обнимающим и целующим меня человеком.

Его рука попыталась зарыться в мои волосы, но произошла какая-то заминка. Я толком не понимала, что он делает. Послышался тихий стук. Затем я ощутила, как сильные пальцы проникают в мою прическу, сжимают локоны и тянут, заставляя откинуть голову.

Я подчинилась с радостью, чувствуя: если бы меня не держали, я давно бы упала на пол, не в силах стоять на ногах самостоятельно.

Моей шеи коснулись губы, и меня тут же выгнуло от накатившего наслаждения. Вцепившись в его плечи сильнее, тяжело задышала, стараясь хотя бы немного подавить дрожь во всем теле.

Вдруг как-то внезапно одежда на мне стала очень неудобной. Дышать из-за корсета становилось все труднее. В какой-то момент мне и вообще показалось, что меня сейчас передавит пополам.

Едва не упав от темноты в глазах, я слегка отстранилась. Еще немного – и я задохнусь.

– Подождите, – прохрипела я, чувствуя, как объятия становятся сильнее, а губы настойчивее. – Дышать...

Он чуть отстранился, перестав терзать своими губами мою шею, ключицы и уши.

От его взгляда и выражения лица все волоски на теле поднялись дыбом. Смесь страха и дикого возбуждения заставляла меня пылать.

– Как твое имя? – спросил он.

– Амелия, – выдохнула я, дрожа всем телом.

– Амелия, – повторил тихо он и, приподняв руку, ладонью провел по моей щеке, проследив за своим движением так внимательно, словно

в чем-то убеждался. – Красивая. Моя, – так же тихо выдохнул он, а потом буквально приказал: – Повернись.

Захотелось немедленно подчиниться. Его голос был хриплым, тягучим и густым. Он мягко обволакивал и придавливал к земле своей бархатной тяжестью.

Не смея послушаться, я сделала шаг назад и повернулась. Казалось бы, лишившись объятий, я должна немного успокоиться, но этого не случилось. Его пронизывающий взгляд я ощущала так четко, словно видела его.

Он положил руки мне на плечи, и я слегка вздрогнула от неожиданности, а потом, когда он повел ими вниз по спине, выгнулась, прикусывая губу, чтобы не застонать в голос. Я и не знала, что мое тело настолько чувствительное.

Платье исчезло как-то слишком быстро. Мгновение – и я смогла вдохнуть полной грудью, не опасаясь за свои ребра. Накатило такое облегчение, что я невольно всхлипнула, сдерживая слезы. Просто так внезапно. Все так странно и незнакомо. И вообще...

Пока я переживала бурю и пыталась совладать со своими эмоциями, муж подошел ко мне вплотную. Обняв, он скользнул ладонью по животу, а потом и вообще положил руку мне на грудь, мягко и осторожно сжимая ее. Сам же в этот момент поцеловал место между шеей и плечом.

Сразу забыв обо всем, что терзало меня секунду назад, я откинула голову, поясницей ощущая мгновенно взволновавшую меня твердость.

Корсет ведь снят, так почему же я по-прежнему едва могу дышать?

Как мы дошли до кровати – я не помню. Просто в один момент я вроде бы стояла, пытаюсь удержать себя на ногах, а в следующий – уже лежала лицом вниз, выгибаясь и подставляясь под ласки.

Он дотрагивался до меня и целовал так, будто исследовал мое тело. Я же задыхалась, когда он осторожно раздвинул мне ноги и скользнул между ними ладонью. Внизу живота тут же полыхнуло и скрутило в тугой комок, а между ног все жарко запульсировало. Когда он прикоснулся, меня буквально подбросило на кровати. Я заметалась, сама не понимая, чего хочу: то ли чтобы он перестал, то ли чтобы продолжал так вечно.

Я настолько углубилась в свои ощущения и чувства, что пришла в себя только поняв, что лежу на спине. Он же нависал надо мной, жадно

всматриваясь в мое лицо, будто пытался что-то в нем увидеть и понять.

Черные глаза затягивали. Они походили на темные пропасти. И я с удивлением осознала, что готова позволить им утянуть меня куда угодно, лишь бы этот человек всегда был рядом.

Его тонкие губы чуть дрогнули. Улыбка?

– Ты ведь понимаешь, почему нас так тянет друг к другу? – хрипло спросил он.

Я пару раз моргнула, отчетливо понимая, что лежу с разведенными в стороны ногами, а он в этот самый момент медленно толкается, имитируя проникновение. Лицо полыхнуло от накатившего смущения. Стало так стыдно из-за своего странного поведения.

– Я... я... – чуть задышавшись, попыталась я что-то сказать. Он чуть нахмурился, замирая, а потом наклонился и осторожно поцеловал.

Через минуту, когда я снова позабыла обо всем на свете, он разорвал поцелуй. Перед тем как немного отстраниться, он провел губами по моей скуле и прикусил мочку уха, проведя по нему языком.

– Это узы, – шепнул он, целуя место за ухом, прикосновения к которому сводили меня с ума. От этой ласки меня выгибало. – Они подталкивают нас друг к другу. Они хотят, чтобы мы закрепили их. Поэтому мы оба не можем думать более ни о чем. Потерпи, скоро станет легче.

С этими словами я ощутила, как он подхватил меня за бедра и толкнулся. Внизу тут же все полыхнуло болью. Я вскрикнула, цепляясь за его плечи и пытаюсь отодвинуться, но он не дал, крепко удерживая меня на месте. Следующий толчок принес вместе с болью странное и ни на что не похожее чувство наполненности.

Я часто задышала, ощущая, как из глаз всё-таки хлынули слезы. Откинувшись на подушку, расплакалась, выплескивая вместе со слезами все эмоции, копившиеся во мне, кажется, еще с того момента, как я узнала о воле магии. Меня колотило, поэтому я сразу и не поняла, что он делает.

Он ничего не говорил, просто собирал языком слезы с моих щек, мягко целовал губы и осторожно гладил рукой по шее и волосам.

В этот момент в душе поднялась какая-то щемящая нежность. Я замерла, впитывая в себя волшебство момента, и смотрела на него. Его облик чуть расплывался из-за слез, но черные глаза не отпускали.

– Простите, – просипела я, совершенно не эротично шмыгнув

носом, отчего снова ощутила накатившее смущение.

– Все хорошо, – сказал он, полыхнув глазами. – Успокоилась?

Я кивнула, стараясь задвинуть подальше все свои мысли и чувства. Потом с ними разберусь. Я вдруг подумала, что совершенно не хочу, чтобы у моего мужа в воспоминаниях о нашем первом разе остались лишь мои слезы.

Чуть улыбнувшись, я опустила взгляд на его губы. Дважды просить мужа не нужно было – он тут же склонился и накрыл мои губы своими. А потом он качнулся, входя в меня до упора.

Дальнейшее я помню лишь урывками. Весь мир превратился в глаза напротив. Легкая боль вскоре прошла, и на ее место пришло странное и восхитительное чувство, от которого все внутри полыхало и содрогалось.

Я смотрела на Эскалиона и не могла отвести взгляд. Его голос, выражение лица, черные, цепкие глаза, сильные руки – все это вместе сводило меня с ума.

На короткий миг мир померк, словно распылился на крупинки. Мне показалось, что сознание угасло, но в следующее мгновение я поняла, что это не так. Тело полыхало. Его выгибало от обжигающих, сладких волн.

Когда мир вернулся на положенное ему место, я поняла, что муж просто лежит на мне сверху и хрипло дышит. Я боялась пошевелиться, так как не хотела разрушить момент. Через пару минут он все-таки приподнялся и тут же впился в меня взглядом.

– Ты в порядке? – спросил он, отстраняясь и ложась рядом со мной.

Я сразу же ощутила пустоту. Повернув голову, поколебалась мгновение, а потом решила. Развернувшись, я подкатилась к нему под бок и прижалась, укладывая голову ему на руку. Муж тут же приподнял ее, а потом прижал меня к себе.

– Да, все хорошо, – призналась я с выдохом, чувствуя, как он поглаживает мне спину. – А вы как? Вы ведь только пришли в себя. Разве вам не...

Я замолчала, не зная, в какие именно слова облечь свои мысли. Но, кажется, ему вовсе не требовались слова, он и так понял меня.

– С моим телом все в порядке, – Эскалион глубоко вдохнул. – Магия поддерживала его.

Он замолчал. Я же не знала, что нужно говорить. Я не знала его и не понимала, как мне себя с ним вести. Неожиданно поняла, что прежний дурман, заставляющий почти постоянно думать о нем, слегка развеялся. Сейчас я осознавала, что меня на самом деле подталкивали узы, но раньше не обращала внимания на свое слегка странное, немного даже помешанное поведение, считая его нормой. Впрочем, я по-прежнему все еще хотела своего мужа и желала знать о нем все, что только можно.

Пригревшись, я и сама не заметила, как заснула. Проснулась оттого, что меня легко, почти невесомо целовали.

– Что?.. – прошептала, понимая, что вокруг царит темнота.

– Нужно закрепить результат, – его голос был хриплым. Через мгновение он оказался поверх меня в полной готовности. – Поговорим завтра.

Я кивнула, даже не подумав о том, что никакого закрепления результата, по идее, не требуется. Я ничего не имела против действий Эскалиона, поэтому с охотой отозвалась на поцелуй, подставляя свое тело под чуть торопливые жадные ласки.

Утром я проснулась, уткнувшись носом во вздымающуюся грудь мужа. Вдохнув будоражащий и возбуждающий запах моего мужчины, я улыбнулась и принялась выпутываться из объятий. Мое тело требовало к себе внимания.

Сев на кровати, я с тихим стоном едва не упала обратно. Казалось, в теле болят все мышцы, о которых я раньше ничего не знала. Но даже это приносило тихое удовлетворение и радость.

– Проснулась?

В груди сладко екнуло.

– Доброе утро, – сказала я, повернувшись.

Он смотрел все так же внимательно и цепко, словно пытался одним взглядом пробраться в душу и вызнать все секреты.

– Доброе, – ответил он, и уголки его губ чуть дрогнули.

Улыбается. Кажется, я счастлива.

Часть 28

Геральды, тревожно переглядываясь, заходили в комнату, стараясь производить как можно меньше шума. Они удивленно осматривали зал, но все свои мысли оставляли при себе.

Как оказалось, этот зал, куда вела спрятанная в глубокой нише

дверь, давно уже никем не использовался. Со временем о нем вообще забыли. Прежде чем проводить здесь собрания, служанкам пришлось постараться, чтобы очистить его.

Сначала я не поняла, какая разница, где именно проводить обсуждения. Зал выглядел вполне обычно и даже скучновато. Из мебели в нем был лишь длинный крепкий стол со стульями. А еще около одной из стен стоял шкаф, сейчас совершенно пустой. Вот только стоило нам всем войти внутрь, а Эскалиону закрыть дверь, как на стенах, полу и потолке на мгновение вспыхнула вязь какого-то заклинания. Берхарт совершенно точно был бы в восторге. Он бы здесь все облазил.

– Теперь нас никто не подслушает, – пояснил Эскалион, хмуро обводя взглядом притихших геральдов. – Садитесь, – приказал он, а сам подошел к стулу, который больше походил на небольшой трон, и замер около него. Рядом с этим стулом служанки поставили почти такой же, явно для меня. – Амелия? – позвал муж, смотря на меня вопросительно.

Мимолетно улыбнувшись, я подошла и села на миниатюрный трон, чувствуя, как немного волнуюсь.

Геральды замялись, а потом принялись торопливо рассаживаться. Было видно, как им всем не по себе. Спокойными выглядели лишь мой отец и геральд Бортвик. Леодмар лишь смотрел цепким, внимательным взглядом и выглядел так, словно просчитывал что-то в уме. Казалось, что в нем нет ни капли нервозности или волнения.

Наверное, нужно отметить, что с момента нашей первой встречи с мужем (когда мы были оба в сознании) прошло уже несколько дней. За это время мне пришлось столько говорить, что иногда я просто замолкала, давая возможность высказаться братьям или отцу.

Олларт с удовольствием рассказывал о том, когда и какие войны случались за эти долгие столетия. Он с упоением описывал всевозможные тактики, которые были в ходу в то или иное время. Приносил оружие, а иногда даже показывал новые приемы обращения с всевозможными мечами, топорами, копьями и прочим колющим и режущим оружием.

Берхарт тоже не обошел вниманием историю. Но он не стал затрагивать войны, вместо этого рассказывая о том, какие страны исчезли, какие возникли, какие объединились. Он говорил о королях прошлого, об их указах, решениях, о том, что творилось с королевством все эти годы. Когда речь зашла о магии и новых заклинаниях и

ритуалах, то мы потеряли этих двоих на пару суток.

Эскалион был благодарным слушателем. Мне казалось, он запоминает все сказанное с первого раза. Возможно, если бы муж не задавал наводящих вопросов, то рассказ Берхарта был бы значительно короче, но он всегда уточнял детали, чем приводил моего старшего брата в восторг. Берхарт делился своими мыслями, показывал свои наработки, над которыми они с Эскалионом порой зависали надолго.

Отец же, когда настала его очередь, обстоятельно и неторопливо информировал короля о состоянии экономики королевства. Понятно, что ни отец, ни пока даже я многого еще не знали, но как оказалось, к некоторым знаниям доступ у отца имелся. Кроме этого, отец рассказал, какие деньги сейчас в ходу, что и сколько стоит, где и что королевство закупает или же, наоборот, кому и что продает. Он с увлечением рассказывал о стадах тех или иных животных. Не забыл упомянуть о гектарах нетронутого леса, о реке, по которой ходят корабли, о горах, стоящих без дела.

Все это время я находилась с Эскалионом, внимательно выслушивая своих братьев и отца. Как оказалось, я многое не знала, поэтому мне и самой было весьма интересно. Ну, кроме оружия и войн, конечно. Но я понимала, что подобные знания все равно лишними никогда не будут. Тем более Олларт часто говорил о причинах возникновения войн. Особенно он любил рассказывать о скрытых факторах, практически никому неизвестных. Я была удивлена познаниями брата. Мне он всегда казался, скажем так, любителем помахать мечом, но никак не практически ученым, который настолько глубоко исследует интересующую его тему.

Мне казалось, что запомнить столь многое за несколько дней невозможно, все-таки каждый из нас учил все это годами. Конечно, многое пересказывалось Эскалиону в упрощенном, коротком варианте, без многочисленных, порой даже ненужных, подробностей, но я все равно была удивлена, когда поняла, что муж все помнит.

Он спокойно задавал вопросы, иногда делал очевидные, но незамеченные нами выводы, чем удивлял и, что уж скрывать, восхищал. Причем не только меня.

Берхарт с Оллартом были в восторге от короля.

Берхарт по той простой причине, что после разговора с ним король дал разрешение на формирование группы ученых, которые будут

углубленно исследовать существующие и разрабатывать новые заклинания.

Олларту же было обещано отдать для тренировки несколько сотен воинов, которых тот должен будет научить всему, что знает и умеет сам. Конечно, Эскалион сразу предупредил, что все это будет возможно чуть позже, когда он во всем разберется. Но это уточнение не могло поколебать хорошего настроения братьев.

Отец, поняв, что Эскалион вполне разумен, а не сошедший с ума монстр, буквально излучал благодушие, как-то мгновенно превратившись в уже знакомого мне мягкого и улыбчивого мужчину.

Я же чувствовала облегчение. Как оказалось, меня жутко пугала перспектива заниматься делами королевства самой. Я только во время всех этих разговоров осознала, сколько всего должна была знать и учитывать. А еще ведь нужно было как-то общаться с людьми, отдавать им приказы, просчитывать множество вариантов, выбирая наилучший. И постоянно бояться сделать ошибку, которая может стоить королевству очень дорого.

Конечно, я готова была всеми силами помогать мужу, чтобы облегчить его ношу, но все-таки ощущала себя счастливой, что впереди меня теперь будет стоять он.

Вероятно, кто-то бы готов был убивать за право властвовать, но только не я. Всё-таки во мне много было от отца, а от природной мягкости не так просто избавиться. Да, я могу взять себя в руки в трудный момент, но мне более комфортно, когда не нужно строить из себя ту, кем я не являюсь.

Именно поэтому сейчас, сидя рядом с Эскалионом, чувствуя его присутствие, я пусть и ощущала себя чуть взволнованной, но уже не было той удушающей паники, от которой холодели пальцы.

Эскалион обвел тяжелым взглядом собравшихся геральдов. Муж до сих пор говорил очень мало. Впрочем, когда на тебя смотрят таким взглядом, то и слов не надо.

Я с любопытством рассматривала геральдов, немного им сочувствуя. Они ведь и в самом деле не виноваты в том, что приключилось с Эскалионом в прошлом. Кстати, он пока так и не рассказал, из-за чего с ним поступили столь жестоко.

Бросив на мужа любопытный взгляд, кое-как смогла отвести глаза. Пусть сила уз после подтверждения и ослабла, но мрачная харизма

Эскалиона была такой мощной, что невольно замирало сердце. Кроме того, его темная сила завораживала и немного даже пугала, но отчего-то это мне с каждым днем все больше и больше нравилось.

Отведя взгляд, посмотрела на благодушного отца, который выглядел так, будто только что совершил самую удачную сделку в своей жизни и теперь готов пожинать плоды. Я коротко улыбнулась ему. Мою улыбку заметили и другие.

Я видела, как на меня устремились недоуменные взгляды. Спустя секунду несколько геральдов заметно расслабились, словно поняли, что им ничего не угрожает.

Эскалион рядом тихо хмыкнул, привлекая к себе все внимание собравшихся.

– Вас по-прежнему двенадцать, – слова Эскалиона прозвучали подобно грохоту булыжников. Некоторые особо впечатлительные геральды вздрогнули и побелели. – Вот только я не ощущаю тебя. Кто ты?

Я повернулась, пытаюсь понять, о ком говорит муж. Впрочем, этого можно было и не делать. Роймар Тадистри буквально подскочил со своего стула. Поклонившись, он представился, явно не находя себе места от происходящего.

– Тадистри? – Эскалион говорил медленно, будто пытался прочувствовать каждую букву. – Да. Знал я одного Тадистри. Скверный у него был характер. Почему ты здесь?

– Ну как же, ваше величество, – Роймар растерянно огляделся, словно ища поддержки. Вот только характер у старого геральда и в самом деле был скверный, поэтому мало кто с ним вообще стремился разговаривать. – Я ведь один из геральдов.

– Да? – удивление Эскалиона было насквозь фальшивым, ведь я уже рассказала ему о том, что геральды прошлого добавили в свою компанию еще один род. – Что ж, я слышал, будто Эклин-Маэр выродились. Садись.

Тадистри буквально рухнул на стул, явно пытаюсь понять, что означали слова Эскалиона.

– От расправы над вами и вашими семьями меня сдерживает только знание, что вы не те, на кого я бы с радостью обрушил свой гнев и ненависть. Ваши предки давали мне клятву. И вы тоже дадите. Только иную. Я не желаю доверять потомкам предателей. Если кто-то не хочет

давать клятву, то я позволю ему в самое ближайшее время покинуть Хальдор. Решайте.

На этих словах Эскалион встал и еще раз обвел геральдов тяжелым взглядом.

– Я жду вашего решения до завтра. А сейчас все могут быть свободны.

Эскалион шел неторопливо. Если внимательно присматриваться к нему, то казалось, словно он выверяет каждый шаг. Снова накатила горечь от мысли, сколько же лет мужу пришлось пробыть взаперти, и при этом он не сошел с ума. Хотя иногда что-то такое страшное проскальзывало в его взгляде, отчего мурашки по спине бежали.

– Ваше величество, – позвала я мужа. Он притормозил, вопросительно глядя на меня сверху вниз. – Вы когда-нибудь поведаете мне о причинах?

– Причинах? – спросил он и остановился. Я огляделась. В коридоре никого не было. – Амелия, когда мы наедине, зови меня по имени, я ведь просил. Мне нравится, как ты его произносишь.

Его голос на последних словах утих почти до шепота, от которого мгновенно стало трудно дышать.

– Верно, – собрав в кулак убегающие куда-то не туда мысли, все-таки сказала я. – О причинах. Почему геральды так поступили с вами... Эскалион? – спросила я, буквально выдохнув его имя.

Взгляд короля потемнел. Резко приблизившись, он вовлек меня в безумный поцелуй. Казалось, он пытается меня поглотить. Это сводило с ума и лишало воли. Я могла лишь цепляться пальцами за его плечи и прижиматься, боясь, что в любой момент ноги откажут мне служить и я рухну прямо перед ним.

Разорвав поцелуй, он жадно посмотрел на меня, а потом прикрыл глаза и глубоко вздохнул, словно успокаиваясь.

– Причины. Я могу рассказать тебе о них. Идем, моя Амелия.

Он отошел на пару шагов и протянул руку. Я отчего-то заволновалась. Мне показалось, что этот жест значит намного больше, чем можно было себе представить. Казалось, Эскалион предлагал мне показать какой-то иной мир. Мир, о котором я прежде ничего не знала.

Взволнованно вдохнув и выдохнув, я схватилась за его руку. И не знаю, чего в этом было больше: любопытства, несвойственной мне храбрости или доверия. Наверное, все вместе.

Часть 29

В гостиной мы застали Берхарта, который по-прежнему не выпускал из рук первый свод законов. Как я поняла, его интересовало то, как он изменился за эти столетия.

– Вы уже закончили? – спросил он, не поднимая головы от своих записей, которыми был усеян не только небольшой стол, но и ближайшее кресло и даже пол кое-где. – Быстро вы. Я думал, полдня там просидите.

Эскалион ничего не сказал, просто повел меня в сторону спальни. Берхарт на короткий миг поднял голову, хмыкнул и сразу же уткнулся обратно в бумаги.

– Да, я хотел чуть позже поговорить с вами по поводу отца, – сказал он, когда дверь в комнату за нами почти закрылась.

Я кивнула, тут же понимая, что он не видит этого движения.

– Хорошо! – крикнула чуть громче, отчего-то смутившись этого. – Почему мы тут, Эскалион?

– Ты же хотела узнать причину, – ответил он, подводя меня к креслу и усаживая в него.

– Но, – я не стала противиться и села, устраиваясь так, чтобы было и удобно, и прилично, – почему здесь?

В отличие от меня, Эскалион развалился на кровати, сквозь зубы выдыхая – ему явно все еще было трудно долго находиться на ногах. Подпихнув под спину подушки, он глянул на меня.

– Можешь, хочешь ко мне? – спросил он, подвигаясь.

– Нет, нет, – я мотнула головой, подумав о том, что о разговоре можно будет забыть, если я присоединюсь к мужу.

Поерзав, я вздохнула. На самом деле, принять предложение хотелось, как и того, что последует за этим. Но также хотелось всё-таки услышать историю Эскалиона. Второе я считала более важным, чем желания тела, поэтому, как бы меня ни тянуло присоединиться к мужу, осталась на месте.

На мой ответ Эскалион только коротко кивнул, не став настаивать.

– Почему именно тут? Потому что я не хочу рассказывать о том, что случилось, кому-нибудь еще кроме тебя, – он задумчиво потер правую бровь.

– То есть никто не должен знать? – уточнила я на всякий случай.

– Верно, – Эскалион коротко кивнул, опуская руку на живот.

Я тут же насторожилась. Кивнув, я выжидающе посмотрела на него, с трепетом осознавая, что сейчас смогу услышать историю, о которой, возможно, никто и никогда более не узнает. Это... воодушевляло и заставляло чувствовать себя кем-то исключительным.

– Нас на самом деле было тринадцать. – Обычно, когда рассказчик погружается в воспоминания, его взгляд начинает чуть туманиться, но Эскалион смотрел все так же пронзительно, словно желал отследить каждую эмоцию, которая промелькнет у меня на лице. – Я присоединился к группе колдунов самым последним. Не стану вдаваться в подробности, но идея создать укрепленное поселение, в котором нам не нужно будет бояться тварей из скрытого мира, возникла не сразу. Ты ведь знаешь, кто такие твари? А про скрытый мир?

Я хотела кивнуть, но засомневалась.

– Я читала об этом древние трактаты. Но, – я на мгновение отвела взгляд, – те времена были так давно, что большинство книг переписаны. Современные авторы считают, что все написанное в старинных текстах – лишь фантазия древних летописцев. Ну, знаете, что не было никаких тварей. Что это были всего лишь опасные хищники, которые водились в те времена. Да, они были злобными, многочисленными, но всего лишь обычными животными, которых со временем истребили. Всякие описания вроде дыма и расколотой реальности предпочитают относить к преувеличению. Вроде как звери те были настолько свирепы, что от страха люди начинали придумывать всякие страшилки и небылицы.

– И ты тоже так считаешь? – заинтересованно спросил Эскалион, после того как выслушал мои немного сбивчивые объяснения.

– Я так не считаю, – я чуть улыбнулась. – Отец верит лишь тем книгам, которые хранятся в нашей семье. В них написано, что твари скрытого мира – некие сущности, которые попадали в наш мир из иного, скрытого от всякого человека мира. Сущности опасные, агрессивные, способные проникнуть куда угодно. Простые люди ничего не могли поделать с этими сущностями, а вот колдуны с помощью магии могли бороться с ними. Кроме этого, колдуны могли оградить свое жилье защитными заклинаниями, которые не пропускали тварей. Сущности появлялись из неких «разломов». Выглядели эти разломы как черная, зависшая в воздухе молния.

– Все верно, – Эскалион задумчиво покивал. – Летописцы геральдов хорошо справились со своими обязанностями, достоверно все

записав. Твари на самом деле появлялись из подобных разломов. Существа эти действительно были кровожадными, хитрыми и постоянно голодными. Их не могло остановить ничто, кроме магии.

– А что насчет ритуалов закрытия? Это ведь вы с... остальными придумали? – спросила, в нетерпении замерев.

Эскалион усмехнулся.

– На самом деле не мы, – глаза Эскалиона как-то хитро сверкнули. Я же разочарованно вздохнула. Врут, значит, книги. – Никто из нас не был силен в создании ритуалов и заклинаний, кроме одного человека.

Эскалион многозначительно замолчал, явно пытаюсь понять, насколько хватит моего терпения.

– И как его звали? – не стала я слишком долго себя мучить и спросила практически сразу, подождав всего пару секунд.

– Венсан Маклэйн.

Я замерла, а потом судорожно вздохнула.

– Так вот в кого пошел Берхарт, – сказала, слегка нервно засмеявшись.

– Он даже внешне похож на Венсана. Правда, тот был более неряшлив. Казалось, его мало волнует собственный внешний вид. Я удивлен, что он всё-таки женился и обзавелся детьми. В то время его мало волновало что-либо кроме магии. Когда он сражался с тварями, то делал это с таким видом, будто ненавидел их за то, что они оторвали его от очередного важного опыта, – Эскалион тонко улыбнулся, а я заметила тихую горечь, проскользнувшую в его глазах. – Думаю, что Печать придумал именно он. Хотя кто знает, где они нашли знания о ней.

Я сглотнула, почувствовав, как похолодели кончики пальцев. Все веселье мгновенно улетучилось.

– Странно, что нигде не значится его имя, – стараясь увести тему немного в другое русло, произнесла я задумчиво.

– Венсан был гениален, но он весьма небрежно относился к тому, что создал. Придумав очередное заклинание, он просто переключался на другое. Дальнейшая судьба какого-нибудь сложного и полезного ритуала его мало волновала. Да и мы тогда особо не стремились все записать. Когда мы обучали очередного колдуна, то не упоминали, кто именно создал те или иные заклинания.

– Но ведь должны были остаться бумаги какие-нибудь? – я

подалась чуть вперед, мельком подумав, что мы, вообще-то, хотели поговорить немного не об этом. – Берхарт душу отдаст за них.

– Возможно, и остались, – Эскалион задумчиво посмотрел по сторонам. – Здесь, в Вальгарде, в подземельях у него были комнаты. Если что-то и осталось, то только там. Но мы несколько отклонились от темы.

– Да, – я выдохнула, подавляя желание немедленно пойти на поиски. – Мы хотели поговорить о причинах.

Эскалион молчал минут пять, словно забыв о моем присутствии. Когда я уже хотела напомнить о себе, он заговорил.

– Одно я могу сказать точно: геральды добились того, что хотели. Незадолго до моего заточения Венсан начал вести разговоры об одном ритуале, который позволил бы навсегда закрыть тварям доступ в наш мир. Мы все несколько скептически относились к подобным заявлениям. Сейчас, вспоминая, я начинаю понимать, что геральды в последние месяцы вели себя очень странно. Венсана я и вовсе почти не видел. Говорили, он занят очередным открытием, – Эскалион хмыкнул. – Правду говорили.

– Не понимаю, – сказала я, стараясь задавить в себе чувство, что это я каким-то образом виновата в длительном заточении Эскалиона. – Причем тут вы и ритуал, позволяющий навсегда отрезать скрытый мир от нашего?

– О тварях ведь забыли? – Эскалион посмотрел на меня вопросительно. – Никто не видел их, как я подозреваю, с тех самых времен. Забыли до такой степени, что стали считать практически сказками. Значит, геральды добились своего. Венсан и в самом деле гений.

Я вскочила на ноги и заходила по комнате, размышляя о том, что услышала. Пометавшись с минуту, снова села в кресло и попыталась успокоиться.

– Вы уверены, что все дело именно в Печати? Может быть, ритуал был проведен после вашего заточения и никак к вам не относился? – спросила, пытаясь разобраться во всем.

– Уверен, – верхняя губа Эскалиона дрогнула, будто он хотел оскалиться, как дикий зверь. – Когда мое тело пробивали копьями, я плохо соображал (кажется, меня опоили чем-то), но всё-таки помню, как Венсан причитал что-то о том, что это ради блага всех людей, я обязан

понять, простить и гордиться тем, что честь спасти многие невинные жертвы предоставлена мне.

Я ощутила, как моя сила выходит из-под контроля. В комнате резко похолодало. Зажмурившись, я закусил губу и вжалась в спинку кресла.

– Простите, – выдохнула я, чувствуя, как стало жечь глаза. Судорожно втянув носом воздух, постаралась сдержать слезы. – Я...

– Перестань, – лица коснулись чуть прохладные пальцы. – Ты ни в чем не виновата.

Открыв глаза, я увидела, что Эскалион стоит рядом со мной, внимательно всматриваясь в мое лицо.

– Боюсь, как бы я ни относился к твоему предку, в одном он был прав.

– Но это несправедливо! – возразила я. – Почему ради других должны были страдать вы?!

– Тише, – Эскалион наклонился и, замерев на мгновение, все-таки прикоснулся к моим губам легким, почти невесомым, поцелуем. После этого он снова выпрямился и сел на кровать. – Я хочу, чтобы ты увидела всю картину целиком, – он приподнял руку, которую тут же обнял уже знакомый мне черный туман. – Как думаешь, что это? – спросил он и посмотрел так, что я проглотила готовые сорваться с языка слова о том, что это всего лишь его сила.

– Магия, – нашла я с ответом. – Ваша магия, – добавила, чуть подумав.

Ничего другого в голову как-то не приходило. В самом деле, что еще это могло быть?

Часть 30

– В какой-то мере ты права. Это действительно магия. Возможно, часть ее даже моя, но не вся, – Эскалион хмыкнул, рассматривая клубившийся туман. – Вернее, после того, как эта магия попала ко мне, она стала моей.

Я пару раз моргнула, непонимающе смотря в чуть прищуренные глаза мужа.

– До того... как попала к вам? – спросила неуверенно, покосившись на его руку.

Черный туман тут же взметнулся, обволакивая мужа и укрывая его, как слегка прозрачный плащ. Он лег на плечи и опал, словно желая

убедить меня, что это просто обычный кусок ткани, но я-то видела, как трепетали чуть рваные края.

– В местах, где наш мир соприкасается со скрытым, появляются разломы, из которых сюда приходят твари, – Эскалион повел плечами, и магия моментально истаяла, втягиваясь в тело. – Но сюда проникают не только твари, но и чужая магия.

Я вжалась в кресло. Дыхание стало поверхностным, а руки снова похолодели. Мне казалось, что даже мысли мои замерзли и остановились.

– Это...

– Да, – сила Эскалиона снова взметнулась, заполняя собой всю комнату. – Это магия скрытого мира.

– Но почему она у вас? – едва не задохнувшись от накатившего напряжения, спросила я, а потом расслабилась. И чего я так распереживалась? Подумаешь, магия скрытого мира. И что из этого? Хотя, я уверена, не все так просто.

– Сложно объяснить, но я попробую, – Эскалион повозился, устраиваясь удобнее, даже не думая скрывать свою силу. – Когда миры соприкасаются, то возникают разломы. Они действительно похожи на зависшие в воздухе черные молнии. Чем крупнее разлом, тем больше такая молния. Разломы возникают по одной простой причине – при столкновении грани миров чуть истончаются и как бы трескаются, что ли. Но без помощи через эти разломы в наш мир не смогли бы попадать твари, – Эскалион замолчал, словно задумавшись о чем-то.

– Помощи? – я чуть подалась вперед, чувствуя, как расслабляюсь по мере рассказа. Встав, я налила воды и протянула мужу. Отчего-то мне казалось, что с непривычки ему сложно так много говорить.

– Спасибо, – Эскалион чуть улыбнулся, принял кружку и торопливо сделал пару глотков. – Без помощи магии твари не смогли бы попасть к нам.

– Но, – я растерянно оглянулась, словно пытаюсь найти ответ в окружающих меня предметах. – Магии? Но зачем? Как такое возможно? Эскалион хмыкнул.

– Когда-то давно случился большой прорыв. Я не могу сказать, по какой причине это произошло, это было давно, и память о тех днях давно недоступна разумным существам. Вместе с тварями в наш мир проникло большое количество магии скрытого мира. Она равномерно

«растеклась» по миру, но не исчезла. Когда происходит очередное столкновение миров и возникает трещина на грани, то эта магия скапливается около нее и, скажем так, расшатывает грани разлома, пытаясь просочиться обратно в свой мир. С той стороны этого ожидают твари и помогают. Совместными усилиями они расширяют разлом, и твари спокойно проникают сюда. Не стоит забывать, что вместе с собой эти сущности снова несут и магию скрытого мира.

– Понятно, – кивнула, постукивая кончиком указательного пальца по подлокотнику кресла, а потом сцепила пальцы в замок, стараясь унять нервозность. – Но какое отношение все это имеет к вам и вашей магии?

– Все просто. Магии нашего мира, конечно, происходящее не нравится. Она пытается хоть как-то контролировать чужеродную энергию. Очень редко в мире рождается человек, способный собирать чужую магию и подчинять ее себе.

– И вы...

– Такой человек, да, – Эскалион кивнул, давая понять, что его не стоит перебивать. – Мне сложно отделить свою настоящую магию от силы, которая даже сейчас стекается в мое тело. Я даже не прилагаю усилий, чтобы как-то ее подчинить. Она просто постоянно увеличивается, становится моей, и я могу ею управлять так, словно это моя собственная сила. Поверь, больших усилий для того, чтобы удерживать эту силу, мне не требуется. Не больше чем тебе.

– Это удивительно, – выдохнула я, опуская взгляд на руки. В голове проносились сотни вопросов. Правда, больше всего меня волновал сейчас один-единственный. Его я и задала: – Но почему тогда вас заточили?

– Потому что полностью подчинить себе силу невозможно. Вы ведь когда колдуете, ощущаете, что часть вашей силы как бы рассеивается в пространстве?

– Конечно, – я подняла взгляд на мужа и принялась вспоминать все, что знаю об этом. – Это называется неизбежной потерей. При любом колдовстве, будь это простое заклинание или же ритуал, часть магии обязательно останется невостребованной. Это знают все. Те, кто хорошо себя контролирует, могут уменьшить неизбежную потерю до минимума. Больше всего потерь у тех колдунов, кто не тренирует контроль, или же у тех, кто... – я запнулась, наконец осознавая, к чему

привел нас разговор, – слишком могуществен.

Уголки губ Эскалиона чуть приподнялись, но улыбка эта отчего-то совсем не показалась мне веселой.

– Чем сильнее колдун, тем выше его потери. Конечно, количество утраченного будет зависеть также и от контроля колдуна. Но, поверь, при таких объемах магии, – он качнул головой, словно указывая на клубящийся вокруг туман, – каким бы искусным ни был колдун, потери будут достаточными.

– Для чего?

– Я могу притянуть к себе всю чужеродную магию, но при колдовстве часть ее все равно будет на некоторое время освобождена от моей власти. И ее будет достаточно, чтобы в случае столкновения миров расшатать разрыв. Конечно, я мог бы попробовать обойтись без магии вовсе...

– Колдун не может не колдовать, – перебила я его, неизвестно отчего рассердившись. – Магия – часть нас. Это тоже самое, что не смотреть или не ощущать запахи. Такое возможно, только если ограничить зрение или обоняние специально. Например, повязать повязку на глаза или зажать нос.

– Вот мои друзья и ограничили, – Эскалион тихо хмыкнул. – Они меня просто запечатали, лишив возможности колдовать, но при этом давая чужеродной магии по-прежнему вливаться в мою. Первое время я еще ощущал вливание, но потом поток заметно уменьшился. Магия скрытого мира практически стала полностью моей, твари потеряли поддержку и не могли больше расшатывать разломы с той стороны. Подозреваю, что был проведен еще какой-нибудь ритуал по укреплению грани. Понимаешь? Я одним своим существованием угрожаю спокойствию этого мира. Не думаю, что столкновения прекратились. Вскоре потерь от моего колдовства станет достаточно, чтобы магии удалось расширить очередной разлом, и тогда твари вновь хлынут к нам.

– Но... – я задохнулась от накатившего на меня отчаяния и ужаса. – Но ведь вы ни в чем не виноваты! Это несправедливо! Вы не должны думать о себе так, – я вскочила и заметалась по комнате, совершенно не обращая внимания, как черный туман клубится вокруг меня, ластится, словно желает обнять и удержать на месте. – Они просто пошли по самому простому пути! По легкому! Не захотели придумать что-то еще!

Мы должны рассказать Берхарту. Он обязательно что-нибудь придумает. Он создаст ритуал. Он...

Я замолчала и остановилась, ощутив, что на мои плечи опустились руки Эскалиона. Он на мгновение сжал пальцы, а потом обошел меня и обнял.

– Не стоит так нервничать, – прошептал он, зарываясь носом в мои волосы. – Ты хотела узнать причины, я тебе о них рассказал. У меня было время, чтобы все обдумать.

– Я не позволю вам... – начала я, едва сдерживая слезы. Сердце испуганно сжалось.

– Я и не собираюсь, – перебил он, а потом чуть отступил, приподнял мой подбородок и поцеловал. Через пару минут он разорвал поцелуй, напоследок погладив мою нижнюю губу большим пальцем. – Мне кажется, что магия не подарила бы мне тебя, если бы не существовало выхода. Думаю, что он где-то уже есть, и нам просто нужно его найти.

Я облегченно выдохнула и прильнула к мужу, закрывая глаза.

Пусть у геральдов прошлого и была вроде бы уважительная причина, но я все равно ненавидела их за этот поступок. Да, я понимала, что этим они спасли много людей, но такая цена слишком высока.

Мне хотелось бы узнать: было ли им просто принять такое решение? Что они испытывали при этом? Это ведь так ужасно. Если бы мне пришлось сотворить что-то подобное с кем-нибудь из своих близких людей, я, скорее всего, просто умерла бы от угрызений совести и тоски.

Делает ли этот выбор геральдов сильными, или же, наоборот, они поступили так из-за своей слабости, не могу сказать. Каждый решает сам за себя.

Могу лишь сказать, что испытываю огромное облегчение, когда думаю, что мне самой не придется принимать такого решения. Я никогда бы не смогла спать спокойно. Это свело бы меня с ума.

– Думаю, мы должны рассказать Берхарту, – снова сказала я спустя несколько минут тишины. – Я уверена, что он найдет выход. А еще поискать комнаты нашего предка. Может быть, там будут какие-нибудь подсказки или материалы.

Эскалион задумался на мгновение, а потом кивнул.

– Да, думаю, именно твоему брату суждено найти выход.

Возможно, именно по этой причине меня смогли освободить только сейчас. Королевское заклинание поддерживало мое сознание, не давая сойти с ума, но и не давало силы, чтобы я смог вырваться.

Я закусила губу, сдерживая закипавшие на глазах слезы.

– Мы сейчас расскажем? – спросила, не сумев сдержать дрожь в голосе.

Эскалион глянул на меня. В следующее мгновение я уже лежала на кровати, всматриваясь в черные, вспыхнувшие желанием глаза.

– Думаю, мы займемся этим чуть позже, – низким голосом сказал он, накрывая мои губы своими.

Я хотела возмутиться, а потом подумала, что это отличный способ, чтобы успокоиться. Да, просто замечательный способ. А все остальное может немного и подождать.

Часть 31

Утром я проснулась в постели одна. Потрогав пустое место на кровати рядом с собой, потянулась, а потом перекатилась, уткнувшись носом в подушку мужа. Пахло им.

Зажмурившись, обняла подушку и укуталась в одеяло. Вставать совершенно не хотелось. Приоткрыв один глаз, поняла, что уже довольно светло.

Перевернувшись на спину, раскинула руки в стороны и вздохнула. Накатили воспоминания о вчерашней ночи. Смутилась, чувствуя, как начинает полыхать лицо. Закрыв его ладонями, тихо рассмеялась.

Утреннее счастье длилось недолго. Стоило мне только вспомнить разговор, как сонливость и благодушное настроение тут же испарились.

Резко сев на кровати, выбралась из нее и принялась приводить себя в порядок. Надевать вчерашнее платье не хотелось, но, чтобы сменить его, надо было выйти в гостиную, а из нее в гардеробную.

И где Эскалион?

Расчесав волосы, собрала их в простую косу, подумав, что для начала надо помыться, потом одеться, и только затем соорудить на голове что-нибудь более интересное.

В гостиной обнаружился Берхарт. Я хмуро оглядела его, пытаясь понять: уходил ли он отсюда или как сидел вчера, так и сидит? Во что он вчера был одет? Совершенно не помню. Вид уставший, но сонным вроде не выглядит.

– Доброе утро, – поздоровался он, поднимая на меня взгляд от

каких-то бумаг. Глаза были слегка покрасневшими, под ними темные синяки, но в принципе выглядел он не так уж и плохо.

– Доброе, – ответила я и только сейчас заметила деревянную ванну и ведра с водой недалеко от двери.

– Недавно принесли. Я не стал тебя будить и слугам не позволил, – пояснил он, заметив мой взгляд. Встав с кресла, он сноровисто перетаскал все это в спальню, вновь вернувшись к своим записям.

Прежде чем идти купаться, я выбрала себе платье на сегодняшний день, утащив его с собой, чтобы не бегать туда-сюда перед носом брата, и только после этого уединилась в спальне.

После купания мое упавшее настроение вновь поднялось. Приведя себя в порядок, почувствовала, что очень голодна.

В гостиной меня уже ждал завтрак. Стоило мне сесть за стол, как в дверь тихо постучались. Это были слуги, забравшие из спальни ванну с водой и пустые ведра.

– Ты не знаешь, куда ушел Эскалион? – спросила, когда закончила с едой и принялась за горячий и ароматный отвар из душистых трав.

Берхарт еще с минуту что-то быстро писал, а потом отложил перо, отодвинул бумаги и откинулся спинку кресла, потирая двумя пальцами переносицу.

– Тебе надо больше отдыхать, – мягко посоветовала я, наблюдая, как брат, оставив в покое переносицу, трет явно уставшие глаза. Не удивлюсь, если он на самом деле поспал всего пару часов.

– Успею еще, – отмахнулся Берхарт, а потом подхватил вторую кружку с отваром и принялся греть руки об ее бока. – Его величество ушел с нашим отцом. Мне не сказали, по каким делам, но, думаю, их у него теперь будет достаточно.

– А Олларт где? – спросила, подумав, что не видела второго брата вчера.

– Ариадна с Бенедиктой приехали, – Берхарт весело сверкнул глазами.

Я улыбнулась.

– Если приехала твоя жена, тогда почему ты все еще тут? – поинтересовалась, вспоминая Ариадну – жену Берхарта.

Ариадна теперь уже Маклэйн была стройной сероглазой блондинкой невысокого роста. Дочь старого друга отца. Семья ее была не богатой, но достаточно старой и уважаемой в Хальдоре. Деньги

Берхарта мало волновали, а вот Ариадна понравилась ему с первого взгляда, поэтому он не имел ничего против выбора отца.

Как оказалось, они очень подходили друг другу. Если Берхарт вечно был чем-то увлечен, то Ариадна всегда и во всем поддерживала его. Она часами могла сидеть вместе с ним молча, выслушивая все его теории и задумки. Ариадна великолепно справлялась с ролью жены сумасшедшего ученого. Она следила за тем, что ест брат, во что одевается, когда ложится спать и когда встает. Кроме этого железной рукой занималась их домом, понимая, что Берхарту чаще всего просто некогда.

Полагаю, что с приездом Ариадны свободная и «разнузданная» жизнь брата, когда он спит пару часов в сутки и почти ничего не ест, погрузившись в свои исследования, закончилась.

Бенедикта Маклэйн – жена Олларта – была дочерью одного из крупнейших скотоводов Хальдора. Ее семья по богатству могла спокойно посоперничать с любым из геральдов.

Все в этой семье обладали пышными телами, румяными щеками и отменным здоровьем. Отец Бенедикты мог голыми руками остановить разъяренного быка. Когда отец с Оллартом приехали свататься к Бенедикте, брату пришлось бороться со всеми мужчинами в семье. А их там кроме самого отца еще и семеро братьев, трое дядей и весьма деятельный дед. То есть Адевиски желали посмотреть, насколько силен будущий муж единственной дочери. Они не хотели отдавать свою принцессу за какого-нибудь хилака.

Бенедикта, как и все Адевиски, была девушкой пышного, но в то же время стройного телосложения. Смешливая, постоянно с хорошим настроением и окутывающим ее запахом домашней выпечки, Бенедикта олицетворяла собой мифическую богиню плодородия.

Олларт обожал свою жену, носил на руках и любил все, что она ему готовила. А готовила Бенедикта так, что невозможно было оторваться. Он ласково называл ее – моя Бени. А она его – Олли. Меня всегда это забавляло. Ну какой, в самом деле, Олларт Олли?

– Потому что не могу оставить тебя одну, – ответил Берхарт, фыркнув.

– Лучше признайся, что опасаясь показываться ей на глаза в таком уставшем виде, – поддела я его, прищурившись.

Берхарт смерил меня возмущенным взглядом, но потом слегка

вдохнул и кивнул.

– Боюсь, что она меня запрет в спальне и силой напоит усыпляющим зельем, – проворчал он, потирая шею. – А я сейчас никак не могу позволить себе отдыхать. Столько всего надо сделать. Еще и мама... – Берхарт передернул плечами и нахмурился.

– А что с ней не так? – взволнованно спросила я. Пусть мать меня и не любила, но зла я ей не желала.

– Все с ней так, – Берхарт прикрыл глаза, а потом и вовсе зевнул. – Отец не может оставаться в замке надолго. Я давно хотел поговорить с ним об одном ритуале.

– Что за ритуал? – заинтересовалась я.

Берхарт тут же встрепенулся, открывая глаза и подаваясь вперед.

– Ты ведь знаешь, что скрепленные магией узы – нерушимы?

Я кивнула.

– Все это знают. И я не считаю это правильным. Да, из-за воздействия уз поначалу кажется, что влюблен, но часто бывает так, что вскоре такой связанный начинает понимать, что его связали с совершенно неподходящим ему человеком. Это нам так повезло, но отец... Мать совсем его не любит, а теперь еще и вредит. И я уверена, что таких людей много. Мне кажется, что магии нужно давать людям шанс разойтись, если вдруг окажется, что находиться вместе у них нет никакого желания.

– Ну, ну, сестренка, чего ты так разошлась? – Берхарт улыбнулся. – Я думаю точно так же, как и ты. Я давно понял, что наши родители рядом лишь потому, что связаны магией. Если бы они могли, то давно разбежались бы в разные стороны и благополучно забыли друг о друге. Боюсь, – Берхарт тяжело и как-то даже обиженно вздохнул, – что наша мама и о нас, своих детях, с радостью забудет.

– Вряд ли она забудет вас, – я пожала плечами и схватила полупустую кружку, которую не так давно поставила на стол, словно стараясь ею закрыться от неприятных мыслей. – Это меня она не любит и отца. А вот вас...

– Терпит, – отмахнулся Берхарт. – Это не любовь, Амелия.

– Зря ты так говоришь, – я упрямо поджала губы. – У нее своеобразная любовь, но она не монстр, который не любит своих детей вообще. Просто она ее не слишком... показывает. Так что там ты говорил о ритуале? – постаралась я перевести тему.

– Да, ритуал. Я кое-что придумал. Ну, не совсем я, вернее, совсем не я. В общем, неважно. Я переработал один древний ритуал и могу с полной уверенностью утверждать, что благодаря ему мы сможем разорвать магические узы, – договорив, Берхарт замолчал и замер, не отрывая от меня выжидающего взгляда.

– О, Берхарт, это же просто великолепно! – воскликнула, не став разочаровывать брата. – Но не опасно ли это?

– Нет, – Берхарт расслабленно улыбнулся. – Мама будет полностью свободной и сможет делать то, что ей захочется. Но вот с отцом не все так просто.

Я встревожилась.

– С ним ведь ничего страшного не случится?

– Нет, но сразу после разрыва старых уз ему надо будет в течение нескольких часов связать себя другими. К сожалению, без этого он уже не сможет. Отцу слишком много лет, чтобы он мог позволить себе жить без жизненной силы женщины.

– Не понимаю, зачем нас сотворили такими, – я нахмурилась. – Можно подумать, без таких жестких условий люди бы не влюблялись и не связывались друг с другом на всю жизнь.

– Кто знает, – Берхарт пожал плечами, задумавшись. – Возможно, и стали бы. А может, и нет. Мы разные, Амелия. Не удивлюсь, если люди без уз и в самом деле предпочли бы жить отдельно, время от времени встречаясь для удовлетворения своих желаний.

Вздохнула, не став озвучивать свои мысли. Я не считала, что люди без принуждения не способны любить, но спорить с братом сейчас не хотелось.

– И где нам взять отцу женщину, которая ему подойдет? – спросила, решив, что пофилософствовать можно будет и потом, а вот реальность не станет ждать.

– А вот это уже не наша забота. Тем более что... – Берхарт усмехнулся, но резко замолчал, так как дверь в комнату открылась, – у него вроде как есть кто-то, – совсем тихо закончил он.

Я поставила кружку на стол и обернулась.

– Ариадна, – улыбнулась я, вставая и направляясь в сторону жены брата.

Ариадна стояла в дверях и, прищурившись, рассматривала Берхарта. Услышав и увидев меня, она тут же смягчилась в лице и раскинула руки в стороны, делая несколько шагов в мою сторону.

– Амелия, как я рада тебя видеть!

Я обняла девушку, замечая, что в комнату заходит Бенедикта и деловито осматривается, а следом за ней, будто на привязи, с глупым выражением на лице гордо вышагивает Олларт.

– Хороший замок, – выдала заключение Бенедикта, совершенно по-хозяйски проверяя спальню и гардеробную. – Уютные комнаты. Я не против пожить в Вальгарде. Ты ведь приглашаешь, Амелия?

Бенедикта весело засмеялась, отчего полные груди всколыхнулись. Взгляд Олларта мгновенно прикипел к этому зрелищу.

Я засмеялась в ответ, забавляясь реакцией брата на свою жену. Отпустив Ариадну, обняла подошедшую Бенедикту, едва не задохнувшись от той силы, с которой она меня сжала.

– Добро пожаловать в Вальгард, – сказала я, отступая на шаг. – Рада вас видеть. Конечно приглашаю! Как же иначе?

Часть 32

Не успели мы как следует поприветствовать друг друга и обменяться последними новостями, как в комнату снова постучались. Бенедикта, совершенно не стесняясь, разрешила войти, явно чувствуя уже себя как дома. Ариадна же, прищурившись, оглядывала Берхарта, который старательно делал вид, что у него все просто замечательно.

– Какая прелесть! – воскликнула Бенедикта, привлекая к себе наше внимание.

Я в этот момент наблюдала за Берхартом и его женой, поэтому не сразу увидела, кто вошел.

– Погляди, Амелия, оно же стоит целое состояние! – не унималась Бенедикта, забирая из рук служанки богато украшенное маленькими прозрачными камнями платье. Кроме него была еще и королевская накидка горько-коричневого* цвета, отороченная белоснежным и даже на вид теплым мехом.

Я тут же встала и подошла к Бени, вместе с ней невольно восхищаясь тонкой и искусной работой мастериц.

– Вот это я понимаю, – выдохнула Бени, поглаживая кончиками чуть пухлых пальцев золотистые кисточки, которые должны были удерживать накидку на плечах, – королевский наряд. Кстати, а где твоя корона?

– А? – я оторвала взгляд от вышитых белоснежных листьев клевера*, которыми было украшено платье. – Да, сейчас.

Немного заторможенно войдя в комнату, подхватила с тумбочки корону и, чуть повертев ее, все-таки надела на голову.

– ...церемониальное, разве не видно? – застала я конец фразы Ариадны, которая стояла теперь около Бени и внимательно

рассматривала платье, словно пыталась найти в вышивке или же нашитых камнях какой-то изъян.

От ее слов у меня все в груди екнуло. Церемониальное? Это ведь означает...

– Как вовремя мы приехали, – Бенедикта радостно заулыбалась. – Как раз к самому главному.

– Это к чему это? – спросил Берхарт, стараясь не улыбаться слишком сильно.

– Как это к чему? – возмутилась Бени, уперев руки в бока, а потом не выдержала и засмеялась. У нее был приятный смех, заразительный такой, густой. Когда Бени смеялась, хотелось присоединиться к ней. – К пиру, конечно же, умник ты наш. О, ты в короне!

Все тут же как-то подозрительно замолчали и принялись меня разглядывать, как будто до этого не видели меня в короне. Ну, ладно Ариадна с Бенедиктой, но мои братья-то почему смотрят так изучающе?

– Красавица, – Бени резко подошла и снова обняла меня. – Она тебе очень идет, Амелия. Ты даже плечи ровнее держишь. Мне не терпится увидеть твоего мужа. Он горячий? – шепотом спросила она, заставив меня смутиться.

Стоящий рядом Олларт с подозрением поглядел на нас, словно что-то смог разобрать.

Вместо ответа я просто чуть кивнула, чем, кажется, привела Бени в полный восторг.

– Я слышала слухи, – шепнула Бенедикта, а потом отпустила меня, схватила за руку слегка удивленную Ариадну, стоящую рядом, и потащила нас обеих в спальню. – Мы пошепчемся немного, не скучайте, – втолкнув нас в комнату, выдала она моим растерянными братьям, а потом зашла следом и захлопнула дверь.

Ариадна тяжело вздохнула, но даже я видела, что ей тоже интересно.

– А где ваши дети? – спросила, решив потянуть немного время.

– Ты же не думаешь, что нам не на кого оставить своих сорванцов? – отмахнулась Бенедикта. – Вспомни, сколько у меня братьев. Кроме них есть еще мама, отец и этот старый пень. Как же хорошо, что я вышла замуж и могу теперь не видеть его неделями, – Бенедикта рассмеялась. На самом деле все знали, что она любит своего деда, как, впрочем, и он ее. Вот только любовь у них было слегка странная. Они

постоянно о чем-нибудь спорили, вроде бы ссорились, только всем было ясно, что все это несерьезно и им даже нравится переругиваться. – Так что там твой муж? Что вообще за история, я не поняла? То один король, то другой.

Бенедикта оглядела кровать, потрогала ее, словно проверяя упругость, чем снова смутила меня, и только потом села.

– Да, мне тоже хотелось бы узнать, не поделишься? – добавила Ариадна, взглядом требуя у Бенедикты подвинуться немного.

Бени глянула на свободное место рядом с собой, закатила глаза и сдвинулась на пару сантиметров.

– Худая, как щепка, а места тебе вечно нужно столько, будто ты втрое толще меня, – пробубнила она, замирая и делая вид, что не слышит негромкого ворчания садящейся рядом Ариадны. – Так, а теперь расскажи нам, откуда взялся этот второй король?

Я села в кресло и принялась в общих чертах описывать все, что случилось в последние дни. Когда я дошла в своем рассказе до того момента, как Дебора признавалась, что на попытку покушения ее натолкнули разговоры с моей матерью, Бенедикта подскочила как ужаленная.

– Прости, Амелия, но Адалинда мне всегда казалась замороженной курицей! – выдала она, рассерженно надуваясь.

– Бенедикта, – Ариадна тут же попыталась ее укорить.

– А что Бенедикта? Я разве не права? Да и ты сама говорила... – она запнулась, явно не желая разглашать какие-то секреты. – Ладно, – девушка махнула рукой, отворачиваясь от сердитой Ариадны. – И что мы сидим? Раз платье принесли, его надо померить! И вообще, когда церемония?

Я растерянно заморгала.

– Не знаю, – ответила честно, вдруг подумав, что платье-то доставлено не просто так.

Словно только этого и дожидаясь, в комнату постучали. Это оказалась та самая служанка, которая принесла одеяние.

– Прошу прощения, ваше величество, – обратилась она ко мне. – Но время идет. До церемонии осталось всего несколько часов.

Мы с Ариадной и Бенедиктой переглянулись, а потом отчего-то рассмеялись все втроем. Наверное, это просто нервное.

В гостиной братьев уже не было. Зато обнаружили несколько

незнакомых мне девушек. Как оказалось, одна из них была той, кто сшил для церемонии платье, вторая – мастером причесок, а третья раскладывала множество различных туфель и сапожек.

Вскоре я полностью отключилась от происходящего, позволив остальным вертеть моим телом как им нравится. Вначале я заикнулась было, что в сапожках удобнее и теплее, но мне тут же прочитали получасовую лекцию о том, что не в комфорте дело, что важнее красота и изящество, что на меня будут все смотреть и так далее и тому подобное. А зачем тогда вообще сапожки принесли? Непонятно.

– А где будет проходить церемония? – спросила, размышляя о том, кто ее вообще организовывал. Мне казалось, что такими вещами должны заниматься сами хозяева, то есть я и Эскалион.

– В храме Великого, конечно, – ответила на мой вопрос Ариадна. – Где же ее еще проводить? Впрочем, может быть, и в самом замке. Сейчас узнаю.

Она вышла за дверь и вернулась минут через десять.

– Здесь состоится, – сказала она, поправляя мне один из локонов, который так и норовил упасть на глаза. – В тронном зале. Сказали, после нее будет бал.

– А пир? – тут же поинтересовалась Бенедикта. – Я не согласна отплясывать с голодным животом, – возмутилась она так, словно ее вообще лишали еды.

Ариадна осуждающе поглядела на Бени и поджала губы.

– Потом поешь.

– Нет, так дело не пойдет, – Бени сразу оглянулась, а потом и вовсе вышла из комнаты. В коридоре тут же послышался ее голос, довольно громко отдававший кому-то приказания. Вскоре она вернулась. – Тебе надо будет поесть хотя бы немного.

– Бенедикта, зачем? Вдруг от волнения ее стошнит, – запротестовала Ариадна.

– Стошнит? – Бени округлила глаза, сказав это так, словно Ариадна говорила о каком-то невероятном кощунстве. – Почему это ее должно тошнить? Уж не потому ли...

– Нет, нет, Бенедикта, – я попыталась сделать страшные глаза и покосилась на наостривших уши девушек, которые помогали со сборами. – Просто у меня иногда бывает такое. Тошнит от волнения, – повторила я едва ли не по слогам.

– А-а-а, – протянула Бени, а потом махнула пухлой ручкой. – Ерунда все это. Главное, слишком жирное не ешь, и ничего не стошнит. Курочка с бульончиком еще никому не вредила. Жизнь тут же заиграет новыми красками, – она задорно улыбнулась, а потом оглядела себя и Ариадну. – Нам бы с тобой тоже нужно одеться во что-нибудь более приличное.

Часы до церемонии пролетели как-то незаметно. Вернее, пока вокруг царила суета, казалось, что все это будет длиться вечность, а когда я вдруг осталась в комнате одна, то подумала, что время промчалось мгновенно. Вроде я только что проснулась, а уже вечер.

Оглядев прибранную гостиную, я ощутила, как волнение накатывает волнами, а пальцы уже привычно леденеют. Садиться мне не советовали, так как опасались, что платье помнется. Нужно было потерпеть немного до церемонии, а потом уже можно было все.

Потерев ледяные руки, я прошлась по гостиной, слегка раздражаясь из-за волочившегося следом шлейфа от накидки. Понизу накидки шла вышивка из желтых ниток. Растительный орнамент выглядел весьма причудливо и красиво.

Мысли как-то все разбежались. Живот закрутило, а голова и вообще закружилась. Обхватив себя за плечи руками, прикусила губу. Ненавижу такое состояние! Когда так сильно волнуешься, толком не поймешь, чего хочется больше – то ли закричать, то ли заплакать, то ли и вовсе как можно скорее убежать куда подальше.

Закрыв глаза, я втянула воздух носом и постаралась как можно медленнее выдохнуть. Открыв их, постаралась улыбнуться. Думаю, вышло не очень успешно.

Все хорошо. Все просто отлично.

И где же был весь день Эскалион?

А вдруг что-нибудь случилось? Вдруг я сейчас войду в тронный зал, а там не Эскалион, а ухмыляющийся Гордон?

Я буквально увидела его противную улыбку и сверкающие злорадством голубые глаза.

– Нет, нет, все будет хорошо, не придумывай, – прошептала я, опираясь рукой о спинку кресла.

В глазах потемнело. Пришлось аккуратно потрясти головой, чтобы прогнать плавающих перед глазами черных мушек.

В дверь тихо постучались, но я была настолько взвинчена, что

буквально подпрыгнула.

– Войдите, – чуть успокаивая выскакивающее из груди сердце, разрешила я.

Дверь открылась, и я увидела мягко улыбающегося отца.

– Ты готова, Амелия? Поспешим, – сказал он и приглашающе протянул мне руку.

*Коричневый цвет – цвет земли и плодородия. Этот цвет символизирует стабильность, устойчивость, преданность, здравый смысл, надежность.

*Трилистник – символ удачи и мощный оберег от всего дурного и злого.

Часть 33

Я толком не помню, как мы добрались до тронного зала. Отец, кажется, что-то говорил, но все его слова ускользали от моего внимания.

Когда мы вошли, я едва не рухнула в обморок от напряжения. Теперь уже не только мои пальцы заledenели, но и все тело. Мне казалось, что вокруг гуляют морозные сквозняки. И да, именно из-за них я едва не стучала зубами.

Зрение как-то изменилось. Люди по обе стороны от алой дорожки, ведущей к трону, виделись мне только цветными пятнами.

Тишина не просто угнетала, а буквально придавливала к полу. Наверное, еще немного – и я бы услышала, как она звенит.

Я видела впереди лишь стоящего перед верховным архипастором Эскалиона. Он был одет в черный строгий наряд, а на его плечах покоилась пурпурная накидка с вышитыми понизу золотыми птицами.

Он смотрел только на меня и стоял настолько неподвижно, что могло закрасться подозрение: не человек это вовсе, а искусно сделанная статуя. Вот только взгляд у него был живой, горячий и пронизывающий.

В тот вечер память у меня вообще как-то странно себя проявляла. Вот я вроде только вхожу в тронный зал и вижу стоящего Эскалиона, а в следующий миг уже нахожусь рядом с ним. Когда я успела преодолеть расстояние от двери до моего мужа – не помню совершенно.

Я вложила свою руку в его, сразу же чувствуя себя так, будто из шторма попала в тихое и уютное место, в котором пронизывающий холод ветра не может меня достать.

Вздохнула чуть слышно и облегченно, едва удерживая взгляд на архипасторе. Разве сила уз не ослабла? Почему я так хочу посмотреть на мужа? Почему я только сейчас поняла, что скучала по нему весь день так сильно, будто не видела целую вечность?

Архипастор что-то говорил, потом заставил выпить из золотого кубка священный напиток, горький на вкус и пахнувший смесью из многих трав.

Служитель Великого что-то спросил у меня, я рефлекторно ответила «да», чувствуя, как тело сотрясает мелкая дрожь. Эскалион сжал мои пальцы чуть крепче, словно желал поделиться со мной своим спокойствием.

Когда архипастор замолчал, я почти неосознанно повернулась к мужу и протянула ему вторую руку. Теперь мы стояли лицом друг к другу.

Моя реальность сузилась до черных блестящих глаз. Я смотрела на Эскалиона и ни о чем не думала. Связные мысли словно попрятались, оставив вместо себя лишь хаотичные обрывки.

Я слышала гул, в котором угадывалась молитва. Это архипастор затянул ее. Кажется, к его мощному голосу прибавилось еще несколько мелодичных, но я этого практически не осознавала, чувствуя, как магия пронизывает мое тело, наполняет его, заставляя забыть обо всем на свете.

Вокруг нас что-то вспыхнуло, а руку обожгло. Я невольно глянула вниз, замечая, что символ связывающих меня с Эскалионом уз разросся. Теперь изящный рисунок опоясывал палец, вился до запястья и обхватывал его браслетом*.

Невольно я глянула на руку мужа. Его символ обвил весь палец, превратив рисунок в почти сплошной черный ажур.

Когда Эскалион потянулся ко мне, я сразу не поняла, чего он хочет, но доверилась ему. Оказалось, что пришло время для поцелуя. Муж не стал делать его глубоким или страстным, хотя мне хватило и простого прикосновения к губам, чтобы в голове взвились совсем еще недавние воспоминания о том, на что способны его губы.

Мне кажется, он задержался дольше, чем требовали правила подобной церемонии. Но я не была против подобного нарушения. А уж когда Эскалион отодвинулся, так и вообще едва не застонала разочарованно, но, к счастью, успела взять себя в руки.

Я думала, что на этом церемония закончилась, но все оказалось не так. Эскалиона тут же начали официально короновать. Архипастор снова затянул молитвы, а потом всё-таки возложил тяжелую даже на вид корону на голову моего мужа. Кроме этого Эскалиону вручили королевскую регалию – старинный меч, который, по слухам, принадлежал... А, ну да, Эскалиону. Первому королю Хальдора.

Я с каким-то странным удовольствием смотрела, как муж погладил рукоять, а потом чуть вытащил меч из ножен и, судя по взгляду, был совсем недоволен увиденным. Что ему не понравилось? Наверное, меч недостаточно хорошо хранили и оберегали, и он получил какие-нибудь повреждения. В любом случае, этот меч давно стал простым символом власти, как бы говорящим людям, что король всегда готов вступить в бой, чтобы защитить королевство от всякого неприятеля.

Мне в руки ничего не дали. Впрочем, это нормально.

Затем Эскалион приносил клятву. Его голос, густой и заставляющий все тело вибрировать, разносился по залу. Я видела, как люди смотрят на него. И мне казалось, прикажи он сейчас упасть на колени, то они сделают это. Впрочем, приказывать ничего не пришлось. После того как слова клятвы закончились, все мужчины в зале преклонили колени, а женщины присели, склоняя головы.

После этого церемония была закончена. Вернее, обе церемонии. Вскоре мы смогли опуститься в кресла. При этом Эскалион все еще держал меня за руку, и я была ему очень благодарна за это. Боюсь, что без ощущения этой крепкой и сильной ладони я точно рухнула бы в обморок.

Посмотрев на мужа, я улыбнулась, заметив его короткий взгляд.

Секунду спустя я переключила внимание на людей вокруг. Сейчас начнется ритуал дарения. Все, кто хочет что-то подарить венценосной паре, то есть нам, могут это сделать именно сейчас. Далее начнется бал.

Вздохнула. Боюсь, мероприятие продлится до самого утра. Что ж, от этого никуда не денешься.

*Интересующиеся могут посмотреть в интернете картинки с менди. Это роспись по телу хной.

Часть 34

– Ты хорошо подумал? – спросил Берхарт, с тревогой всматриваясь в лицо отца.

– Конечно, вам не стоит так волноваться, – тот развел руки в стороны, будто желая, чтобы мы его осмотрели со всех сторон. – Со мной все будет хорошо.

Я поджала губы и прищурилась. Мне совершенно не понравился ответ отца.

Со свадьбы прошло уже несколько дней. Подарков нам тогда надарили действительно много, некоторые, правда, были совершенно ненужными, но ни меня, ни Эскалиона это не расстроило.

После ритуала дарения начался бал. Мы с Эскалионом открывали его королевским танцем. Больше в тот вечер, вернее даже ночь, я не танцевала. Не положено.

Утро мы провели в постели. Каждый раз, как вспоминаю те часы, все тело начинает гореть. Раньше, задумываясь о подобной близости, я даже не подозревала, насколько приятно это на самом деле.

Ближе к полудню Эскалион оставил меня досыпать, а сам отправился по делам.

В эти дни нам удавалось видаться только по ночам. Эскалион разбирался с делами королевства, попутно пытаясь влиться в наше время. Во многом ему помогали рассказы моих братьев и отца. Притихшие геральды также старались оказать содействие, явно помня, что их все еще ждет принесение клятвы.

Почти всех советников Эскалион разогнал, решив, что ему достаточно самого минимума. В итоге на данный момент остался только военный советник, казначей, советники по внутренней и внешней политике.

– Скажи на милость, к чему мне советы о том, какие именно кусты будут расти в моем саду? Это дела садовника, – хмуро делился со мной Эскалион, крепко прижимая к себе и выводя рисунки на моей обнаженной спине.

Все эти дни люди в замке выглядели настороженными и сосредоточенными. Они явно присматривались, стараясь понять, что собой представляет новый король.

Даже если и были недовольные резкой сменой династии, то, видя отношение геральдов – самых влиятельных лиц после короля, – все эти люди притихали. Все-таки геральдов отлично знали, и все понимали, что они не станут вести себя подобным образом с тем, кто не достоин трона.

Конечно, многие недоумевали, пытаясь разобраться в ситуации. Некоторые сильно сомневались в официальной версии про волю магии и дальнего родственника. Обычно это были те, кто не обладал колдовским даром. Колдуны и колдуньи же, наоборот, верили, так как понимали, что означает воля магии и как она может влиять на человека.

Боюсь, если бы в королевстве геральды не имели власти и влияния, то смена короля прошла бы более болезненно, но пока страна замерла, пытаюсь осознать, что именно произошло и почему.

Эскалион со скупой улыбкой говорил, что такая растерянность нам всем только на руку.

– Не думаю, что много будет желающих вернуть Гордона на трон, – с сомнением сказала я ему как-то. – Он был популярен только у юных леди. Его законы часто не нравились никому, так как притесняли либо один слой населения, либо другой. С его поведением мирились, так как понимали, что сделать ничего не могут. Но всё-таки были и такие, кому он на троне был более выгоден, чем вы.

Эскалион тогда на мои слова кивнул и задумался.

Я на самом деле не солгала. Гордона на троне лишь терпели, так как не было особых вариантов. Думаю, еще и это помогло безболезненной смене короля.

– Кстати, а где Эклин-Маэр? – спросила я мужа. – Я давно не видела его.

– Соскучилась? – хмуро поинтересовался он, устремив на меня свой темный, буквально приковывающий к месту взгляд.

– Зачем мне этот глупец, если у меня есть вы, мой король? – промурлыкала я, почувствовав, что от собственнических ноток, прозвучавших в голосе мужа, у меня сладко сдавило в груди. Силой воли стерев наползающую на лицо улыбку, я уткнулась носом ему в шею, легонько прикусывая белую кожу.

На этом разговор о Гордоне закончился. Чуть позже я узнала от Бенедикты – она как-то легко начала ориентироваться в замковой жизни, – что Эскалион велел Гордону найти себе жену в самый короткий срок и покинуть замок. Бени сказала, что в жены Гордону отчаянно набивается Дебора.

Конечно, Эскалион узнал о попытке отравления. Дебору чуть не арестовали, но вмешался ее отец – один из геральдов. В итоге Эскалион одобрил намерения Деборы в отношении Гордона.

– Я мог бы закинуть ее в самый дальний угол подземелий, но ее отец – геральд. И пусть вскоре он будет связан клятвой, мне бы не хотелось, чтобы этот человек затаил обиду. А он ее затаит. Ведь эта глупая девчонка – его дочь, и, судя по всему, он ее отчаянно любит, – поделился со мной тогда Эскалион, и я его полностью поддержала.

После церемоний меня переселили в королевские покои. Они были несоизмеримо больше моих прежних комнат. И не только размерами, но и количеством помещений. Здесь была гостиная, две спальни, две гардеробные, большая ванная комната, кабинет, библиотека и нечто вроде комнаты для отдыха.

Вот именно в последней комнате мы сейчас с отцом и братьями и находились.

В камине уютно потрескивали дрова, мягкий оранжевый свет от пары свечей почти убаюкивал. Эскалиона до сих пор не было, несмотря на позднее время.

– Не понимаю, отец, почему ты не хочешь принять предложение Берхарта? – спросила, отпивая из чашки ароматный отвар.

– Потому что не хочу? – вопросом на вопрос ответил он.

– Ты любишь ее? – не сдавалась я, желая понять мотивы отца.

– Нет, давно уже нет, – после некоторого молчания все-таки признался он.

– Тогда почему? – спросила еще настойчивее, давая понять, что так просто я не отстану.

Отец рассмеялся.

– И в кого ты такая упрямая?

– В тебя, – фыркнула я, улыбаясь. – В кого же еще?

Через какое-то время он оборвал смех, тяжело вздохнул, окинув нас странным взглядом, а потом заговорил:

– Я чувствую себя виноватым в том, что случилось с вашей мамой. До свадьбы она предупредила меня, что в ее семье были случаи, когда колдуньи теряли свою магию. Случалось это после того, как они много и часто рожали. Конечно, речь шла не о четырех детях, а о куда большем числе, но я тогда впечатлился и сказал, что мне вполне хватит и троих. Я всегда мечтал о дочери, но она все рожала и рожала мне сыновей, – отец вздохнул. – Я не обвиняю ее и понимаю, что поступил ужасно, но тогда я думал, что ей ничего не грозит. Ведь я специально выяснял и знал, что колдуньи в прошлом теряли магию только после

седьмого, а то и восьмого ребенка. Она была против, но мне удалось ее уговорить. Как же я был счастлив, когда ты родилась, Амелия. Я готов был носить на руках Адалинду. Что я и делал с большим удовольствием. А потом произошло самое страшное – магия оставила ее. С момента, когда Адалинда поняла, что магия не вернется, она изменилась. Вся ее ненависть, которая должна была быть направлена на меня, отчего-то обратилась в сторону ни в чем не повинного дитя. Вы просто не знаете, каково ей пришлось. Потерять магию – это то же самое, что потерять часть себя. Я слышал, как она плачет ночами, стараясь скрыть ото всех свои страдания. Я не могу предать ее. Это было бы с моей стороны подлостью.

После слов отца мы долго молчали. Каждый размышлял о своем. Не знаю, как остальные, но я думала о том, что не могу представить себя на ее месте. Легко говорить, когда нечто подобное касается тебя лишь косвенно. Я не знаю, как повела бы себя, если бы моя магия покинула меня. Что чувствует моя мать? Какие ощущения она испытывает? Может быть, ей всегда больно? А может, из-за потери магии в ее душе постоянно царит тоска и вечная печаль?

Легко сказать, что я на ее месте ни за что не стала бы травить собственную дочь, перекладывая на нее вину. Но кто знает, что было бы на самом деле.

– Я разбирался с этим вопросом, – привлек наше внимание Берхарт, разрушив тем самым задумчивую тишину. – Подобное – в действительности не такая уж и редкость. Магия матери не просто сгорела, а на самом деле перешла к Амелии, – при этих словах я побледнела и отшатнулась. – Именно поэтому ты, Амелия, намного сильнее нас всех, – договорил он.

– Что? – прошептала я пораженно. – Но как это возможно?.. Почему?! Я не ощущаю в себе какой-то особенно большой силы.

– Конечно, не ощущаешь, – фыркнул Берхарт. – Твоя сила для тебя привычна и вроде бы незаметна. Но, поверь, любой из нас чувствует, насколько ты сильнее магически. Однако ты не должна себя в чем-то винить. Все дело в самой магии. Если верить всему, что мне удалось узнать, то магия все равно вынудила бы маму родить девочку. Она ведь не рассказывала тебе, отец, что во всех случаях в ее семье женщины теряли магию именно после рождения дочери? И да, перед этим часто рождались только мальчики, и магия заставляла пары зачинать снова и

снова, пока не добивалась нужного ей результата.

– Звучит жутковато и совсем немилосердно, – тихо сказала Бенедикта, нервно комкая в руках платок.

– Не говорила, – отец качнул головой, выглядя при этом так, словно его неожиданно ударили. – Ничего такого она мне не говорила.

– Я подозреваю, что она знала, – Берхарт вздохнул.

– Но почему магия так делает? – спросила Ариадна, покусывая четко выделяющиеся на бледном лице губы.

– Потому что подобное позволяет девочке стать очень сильной.

– Зачем? – стараясь скрыть волнение, спросила я почти шепотом.

Берхарт долго молчал, то ли собираясь с духом, то ли вспоминая, а потом принялся рассказывать:

– Вы же знаете, что мамина семья очень древняя? Корни этой семьи уходят так глубоко, что я так и не нашел ее истока. У них почти всегда рождалось много мальчиков. Иногда они меняли фамилию. Например, я точно знаю, что семья Адевиск как раз произошла после подобной смены фамилии, – Берхарт при этом посмотрел на Бенедикту.

– Но зачем они это делают? – спросил отец, явно растерянный из-за открывшихся фактов.

– Полагаю, это тоже воля магии. Лично я думаю, что Акерли – это некая скрытая жемчужина Хальдора. Посудите сами. Все члены этой семьи имеют превосходное здоровье, что говорит о сильной крови. К тому же все они колдуны. А это очень большая редкость, на самом деле. Это нам привычно, что мы все рождены с колдовскими силами, но в других семьях все совсем не так. Бывает, что из пяти детей всего один рождается колдуном или колдуньей. К тому же все Акерли очень красивы. Их женщины всегда рожают много мальчиков. И при всем при этом никто толком не обращает на них внимания. Разве это не странно? Если покопаться в родословной разных семей, то я больше чем уверен, что в любой из них когда-нибудь отметились Акерли.

Берхарт замолчал и как-то подозрительно замялся, явно не зная, стоит ли ему рассказывать дальше или нет.

– Еще что-то? – спросил отец, заметив его сомнения.

Берхарт вздохнул, каким-то совершенно несвойственным ему жестом взлохматил пальцами волосы, а потом все-таки продолжил:

– Я считаю, что Акерли – носители магической силы. Нет, нет, постойте, – он приподнял руки, замечая, как отец с Оллартом открыли

рты, явно желая что-то сказать, а может быть, и возразить. – Я понимаю, что звучит совсем непонятно и даже глупо. Просто я долго разбирался с этим вопросом и заметил некую закономерность. Семей, в которых долгие поколения рождаются магически одаренные дети, не так много, как может показаться. Почти все они очень древние. Так вот о закономерности. Как только в какой-либо из этих семей начинало рождаться все меньше и меньше детей с колдовским даром, как в семью входила женщина из рода Акерли. И после этого все приходило в норму. Вспомни семью Маклэйн, отец. Еще недавно почти все в ней были простыми людьми.

Отец нахмурился, явно роясь в памяти. Через пару секунд он выглядел несколько удивленным.

– Ты прав. Еще бы немного – и в семье Маклэйн не осталось бы никого с колдовским даром. Я последний...

– Вот и я про то же. И никто не обращает на это внимания, так, словно сама магия отводит людям глаза. Поэтому я могу с уверенностью сказать, отец, что ты не виноват в том, что случилось с нашей мамой. Я уверен, что она все это, в отличие от нас и тебя, отлично знала.

– Но почему тогда?.. – отец глянул на меня.

– Полагаю, – Берхарт тяжело вздохнул. Ему явно не хотелось продолжать, – что у нее просто такая натура. К тому же я уверен, что потеря магии в любом случае весьма неприятное событие, которое вполне способно ухудшить и так нелегкий характер человека.

– Ты сказал, что у девочек, рожденных Акерли и вытянувших их магию, далее бывает сложная судьба. Что ты имел в виду? – спросила, понимая, что секретов в моей семье оказалось даже больше, чем мне представлялось.

– То и имел, – Берхарт хмыкнул. – Для того чтобы понять, надо углубиться в историю. Я не стану сейчас пересказывать все, но могу привести один из самых ярких примеров, после которого вам все станет ясно. Вспомните королеву Нимийю. Все ее помнят? Отлично. Так вот, ее мать носила фамилию Брайсон, но это фамилия ее мужа. Никто и не вспоминает, что Брианна Брайсон в девичестве носила фамилию Акерли. Сама Брианна ничем не выделилась, поэтому ее имя никто не помнит, зато все знают королеву Нимийю. Такие дела. И таких примеров не один и не два.

– Наверное, это очень обидно, – Бенедикта расстроено вздохнула.
– Выполнить возложенную задачу, а потом просто уйти в неизвестность. Может быть, еще и это сделало характер Адалинды столь... тяжелым?

– Не могу сказать точно, но подобное вполне возможно. Уверен, что в душе мамы столько всего намешано, что даже она сама не смогла бы объяснить толком, что ее гложет и чем она недовольна. К сожалению, мы не можем ничего изменить.

– Тогда я тем более не могу ее оставить, – отец вскинул на нас горящий взгляд и постарался дать понять, что его решение неизменно. – Даже если...

– Я все понимаю, отец, – Берхарт не дал ему развить свою мысль, перебив. – Мама, я больше чем уверен, все прекрасно знала. И поэтому она не вправе в чем-то тебя или Амелию обвинять. Вашей вины в том, что произошло, нет никакой. Но она все равно все эти годы старалась всеми силами дать понять, что именно вы виновны. Я не считаю, что подобное нужно прощать. Ты не обязан каждый раз униженно просить ее лечь с тобой в постель, отец. Ты думаешь, я не знаю, что происходит между вами? Именно по этой причине я решил во всем разобраться и найти способ избавить тебя от нее.

– Сын, но...

– Она не может обвинять магию, поэтому выбрала вас с сестрой объектами своей ненависти, – снова перебил отца Берхарт, явно распаляясь все сильнее и сильнее. Что же такое он успел увидеть, что его настолько задело? – Не смей ее жалеть, отец.

Берхарт вскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате, при этом он то и дело то потирал шею, то лохматил волосы, то тер лицо. Я впервые видела его таким взволнованным.

В какой-то момент он резко остановился и повернулся к нам.

– Я тебе так скажу, отец: мне очень жаль маму. Очень. Я люблю ее, но не хочу видеть, как ты будешь страдать из-за нее всю оставшуюся жизнь. Мне кажется, она будет даже счастлива, если ты оставишь ее. Конечно, мы, ее дети, не станем полностью вычеркивать ее из своей жизни, – Берхарт замолчал, смотря на нас вопросительно. Мы с Оллартом тут же закивали, хотя я и сомневалась, что мое внимание так уж нужно матери. – Но мы будем рады, если вы оба обретете счастье. Пусть и по отдельности.

Отец помолчал с минуту, пару раз вздохнул, но потом все-таки

кивнул.

– Но для начала я бы хотел с ней поговорить, – сказал он, заметив, как мы заулыбались. – Будет не слишком честно решать все в одиночку.

Берхарт сначала нахмурился, а потом всё-таки согласно кивнул.

– Хорошо, только я поеду с тобой. Не спорь, так надо. Я найду аргументы, поверь мне.

– Считаю это лишним, но если ты настаиваешь...

– Настаиваю.

– Хорошо, – согласился отец, и мы все облегченно выдохнули, довольно переглядываясь. – Думаю, что нам нужно выезжать в ближайшие дни.

После этого мы старались говорить только о мелочах. Все выглядели так, что сразу становилось понятно – новую информацию всем надо обдумать и «переварить».

Через некоторое время вернулся Эскалион, поэтому близкие люди разошлись по своим комнатам отдыхать. На завтра у нас с братьями было запланировано некое дело, которое точно не стоило откладывать.

Часть 35

Вздохнув удовлетворенно, я улыбнулась, а потом положила руку на грудь мужа и начала кончиками пальцев бездумно вычерчивать разные фигуры. Эскалиону явно было щекотно, так как кожа его почти сразу покрылась мурашками. Поймав мою руку, он поднес ее к губам и принялся целовать пальцы, отчего в теле снова начало разгораться возбуждение.

Посмотрев на меня, муж как-то многозначительно улыбнулся, а потом широким мазком лизнул запястье. Я засмеялась, пытаюсь забрать руку.

– Хочу тебя... – начал Эскалион, принимаясь покусывать мой большой палец и облизывать его, – съесть, – закончил он шутливо, резко переворачивая меня на спину и впиваясь в губы поцелуем.

Умелый язык сразу же юркнул ко мне в рот, принимаясь прикасаться ко всему, до чего дотягивался. Это казалось таким откровенным и возбуждающим, что я невольно выгнулась, словно желая слиться с мужем еще сильнее.

Он тут же подхватил меня под спину, с явным удовольствием потакая моему желанию. Тихо то ли заворчав, то ли зарычав прямо мне в рот, он разорвал поцелуй и спустился к шее, целуя ее и покусывая. Я

застонала, вцепляясь ему в плечи.

– Какой вы кровожадный, ваше величество, – задыхаясь, прошептала я.

Это были последние мои связные слова, так как после этого Эскалион скользнул в меня, и я на время потеряла связь с реальностью, полностью сосредоточившись на своих ощущениях.

Когда сгоревшая в белом ослепительном пламени действительность снова возродилась, я еще минут пять пыталась восстановить дыхание и прийти в себя. Эскалион лежал рядом и в отличие от меня дышал тихо и размеренно, словно уснул.

Балдахин отчего-то не нравился мужу, поэтому он распорядился его убрать, предварительно, конечно, убедившись, что я не возражаю. Поэтому комнату сейчас заливал серебристый холодный свет, из-за которого комната, казалось, утратила все цветные краски. Лунный свет по своей прихоти оставил лишь черные и серые оттенки. Почему-то только сейчас я подумала о том, как красиво это выглядит. Завораживает однозначно.

Повернув голову, я попыталась рассмотреть в лунном свете лицо Эскалиона. Оно выглядело полностью расслабленным и совсем не таким, как днем. Его грудь размеренно поднималась и опускалась. Если присмотреться, то можно было увидеть, как бьется вена на шее.

Живой. Теплый. Мой.

Повернувшись, я снова прильнула к нему, устало прикрывая глаза.

Магия уз ослабла достаточно, чтобы не туманить мне разум, но я уже была в плену этого непостижимого человека и совсем не хотела выбираться из него. Казалось бы, у меня почти не было времени, чтобы хорошо узнать его, вот только порой не нужны никакие слова.

Мне хватает его взглядов, прикосновений и действий. Я видела, как он смотрит на окружающих. Слышала, как меняются интонации в его голосе, когда он обращается к кому-то другому. Именно поэтому могу с уверенностью сказать, что Эскалион относится ко мне совсем не так, как ко всем остальным людям вокруг него.

Это безмерно радует меня. А еще мне кажется, что я ему нужна намного сильнее, чем могу подумать. Чтобы узнать об этом, не нужно обладать особенным даром видения или еще чем-то. Просто когда он входит в комнату, то первым делом ищет взглядом меня. Вернее, его взгляд каким-то колдовским образом почти мгновенно

сосредотачивается на мне. Затем он обязательно подходит как можно ближе и прикасается. Да, эти касания мимолетны, но они несут в себе столько смысла, что иногда у меня перехватывает дыхание. Эскалион словно убеждается этим касанием, что я не исчезла, что реальность не изменилась и не рассыпалась, пока меня не было рядом с ним.

От осознания подобного и страшно, и радостно одновременно. Если бы я могла, то обязательно изменила бы его прошлое или заставила воспоминания о нем притупиться. Но я могу лишь быть рядом.

Много это или мало – кто знает?

Эскалион неожиданно открыл глаза и повернулся в мою сторону. Я испуганно замерла. Думала, он спит!

– Вы напугали меня! – выпалила, картинно прикладывая руку к груди.

– Прости, – повинился Эскалион, но по его лицу совсем не было видно, что он раскаивается. – Я в самом деле почти спал, но вспомнил, что хотел тебе кое-что отдать.

Откинув одеяло, он, совершенно не стесняясь своей наготы, пошел в сторону двери.

Я же, приподнявшись, успела до того, как он выйдет, вдоволь полюбоваться длинными и ровными ногами, небольшими ягодицами, тонкой талией и широким разворотом плеч. От увиденной картины я резко выдохнула, укутываясь в одеяло по самые уши.

Не знаю, как такое возможно после стольких лет полной неподвижности, но тело мужа было великолепным. А эта его походка? Казалось, он не идет, а летит над полом.

Нет, обычные люди так не могут, совершенно точно.

Пока я размышляла, Эскалион уже вернулся. С собой он принес какую-то коробку. Стоило ему войти в комнату, как несколько свечей тут же зажглись, явно по его желанию. Серебристый свет сменился мягко-оранжевым, уютным и теплым, снова преображая помещение.

Присев на кровать, муж положил коробку, а потом как-то задумчиво и даже ласково погладил крышку. Я присмотрелась, понимая, что коробка сделана из какого-то металла. Причем мастер явно постарался. Шкатулка, а это, скорее всего, была именно она, выглядела потрясающе.

Эскалион, чуть помедлив, осторожно открыл ее. Мне показалось,

что он даже дыхание задержал. Что же там такого важного?

Я заглянула внутрь.

– Как красиво! – восхитилась немедленно, так как два искусно сделанных венца и в самом деле были изумительной красоты.

– Я сделал это сам. – Мне показалось или в голосе Эскалиона проскользнуло смущение? Да нет, скорее всего, показалось. – В прошлом. Тогда было принято делать подобные парные украшения к свадьбе. Конечно, обычно изготавливали кольца, браслеты или парные кулоны. Но я тогда стал королем. Корона была весьма тяжелой в то время. И я подумал, что носить ее постоянно будет не слишком удобно, поэтому сделал эти легкие венцы. Тебе нравится?

Он подхватил венец, который был чуть меньше и изящнее, а потом протянул его мне.

– Конечно, – я аккуратно забрала подарок из рук мужа и принялась его рассматривать. Венец был изготовлен из желтого металла. Тонкие веточки изгибались во все стороны, образуя сложный и гармоничный рисунок. Посередине сиял зеленый камень, привлекающий к себе внимание. – Очень красиво! Спасибо! – я в восторге потянулась к мужу и коротко поцеловала его.

Затем, забыв о своей наготе, я вскочила с кровати и поспешила к зеркалу. Опустившись на стул, взглянула на себя и тут же крайне смутилась. Обнаженная, растрепанная, с горящими глазами и пылающими щеками, я выглядела странно и совершенно незнакомо.

Мотнув головой и прикусив и так красную губу, быстро причесалась и надела на голову венец. Он был невероятно легкий и великолепно смотрелся на мне. Повернувшись чуть в сторону, я заметила, как сверкнул в свете свечей зеленый камень. Почему-то это меня заворожило.

– Ты прекрасна, – прошептал Эскалион, привлекая мое внимание.

Отвернувшись от зеркала, я посмотрела на него и увидела, что он тоже надел венец.

– Вам тоже идет, – сказала я и улыбнулась. Наверное, со стороны мы сейчас выглядели несколько странно. Ночью, при свете свечей, голые и в венцах. Я ощутила, как кровь приливает к лицу. – Думаю, нам давно пора спать, – сказала я чуть более резко, чем планировала, отчего-то вдруг разнервничавшись.

– Конечно, – муж поднялся и подошел ко мне. Аккуратно сняв с

моей головы украшение, он положил его на столик перед зеркалом. Вскоре там лежало уже два венца, которые цеплялись друг за друга. Довольно символично, как по мне. – Идем спать.

Взяв за руку, Эскалион потянул меня в сторону кровати. Повинуясь его воле, тут же погасли свечи.

Вдохнув приятный запах мужа, я закрыла глаза и сама не заметила, как провалилась в сон. Снилось мне что-то легкое и приятное. Кажется, мне снилось, что меня нежно целуют, мягко касаясь губами губ, щек, носа, скул и шеи. Теплая волна удовольствия незамедлительно поднялась из самых глубин тела.

Я ощущала, как чужие губы спускаются ниже, одаривая своим вниманием то одну грудь, то другую. Кажется, я стонала. Вязкий, но такой приятный сон никак не желал выпускать меня из своих цепких лап. Впрочем, я слишком и не стремилась покинуть его, наслаждаясь происходящим.

– Может, ты уже откроешь глаза? – сквозь туман послышался короткий смешок.

Поначалу я застыла, а потом поняла, что никакой это не сон! Распахнув глаза, увидела перед собой лицо склонившегося надо мной Эскалиона.

– Доброе утро, – прошептал он, смотря на меня странным взглядом.

– Доброе, – отозвалась я, прислушиваясь к себе и понимая, что я донельзя возбуждена. – Что-то не так? – спросила, смутившись этого пристального взгляда.

– Утро тебе к лицу, – спустя несколько секунд ответил муж, а потом снова поцеловал, заставляя забыть обо всем на свете.

Из комнаты мы вышли часа через два. Как оказалось, нас уже раз пять спрашивал Берхарт. Кое-кому явно не терпится. Впрочем, мне тоже будет интересно посмотреть, что же там нам оставил наш далекий предок.

Часть 36

Повинуясь воле Эскалиона, валяющие камни просто взлетели и встали на те места, из которых в свое время вывалились. Каменный коридор, еще недавно усыпанный лежащими везде булыжниками разного размера, почти засиял первозданной чистотой.

Берхарт жадными глазами посмотрел на моего мужа так, что я даже

испытала странное чувство, похожее на ревность.

– Невероятная магия, ваше величество, – выдохнул брат, отчего Олларт, шедший чуть позади, коротко хмыкнул, а Эскалион с подозрением покосился на Берхарта.

– Не обращайтесь внимания, ваше величество, у него бывает, – снова хохотнув, сказал Олларт.

Эскалион оглянулся на него и кивнул.

– Можете звать меня по имени, – предложил он. – Так проще. А магия, – он глянул на Берхарта, а потом и сам усмехнулся, явно вспомнив что-то забавное, – совершенно обычная. Возможно, это заклинание просто было утеряно, но в мое время им пользовались все, кто обладал хотя бы небольшой силой. Думаю, всем вам оно вполне по плечу.

– Научите? – спросил Берхарт, сверкая глазами. – Эскалион.

Я не удержалась и тихо рассмеялась. Всё-таки Берхарт иной раз ведет себя как самый настоящий безумец. Если его не знать достаточно хорошо, то вполне можно усмотреть то, чего нет на самом деле.

– Конечно, – согласился муж, глянув вперед. – За поворотом должна быть дверь. Венсан не слишком любил солнечный свет, поэтому всегда старался зарыться как можно глубже.

– А чем он еще занимался? – с любопытством поинтересовался Берхарт, неосознанно ускоряя шаг. Ему явно не терпелось попасть в кабинет нашего далекого предка.

– Всем, – Эскалион пожал плечами. – Он собирал и создавал заклинания. Несмотря на нелюбовь к солнечному свету, ему нравилась окружающая природа. Он мог часами ползать по какой-нибудь поляне, собирая редкие растения. Очень увлекался алхимией. Собирал разные камни, изучал их свойства. То же самое проделывал и с металлом. Он говорил что-то об открытии, которое обязательно перевернет мир.

Брат, до этого внимательно слушавший, резко выдохнул. Я даже представить не могу, насколько ему важно и интересно все это.

– Вполне возможно, что после ритуала он закончил свои исследования, – тихо сказал Эскалион, с хитринкой глядя на Берхарта. – А может быть, и не успел. Кто знает.

За поворотом и в самом деле обнаружилась дверь. Эскалион поднял руку, призывая нас остановиться, что мы и проделали почти одновременно.

– Старина Венсан отлично защитил свою собственность, – пробормотал Эскалион, внимательным взглядом осматривая дверь. Я и сама это видела. Казалось, что от сгустившейся поверх двери магии воздух шел волнами и выглядел густым, словно холодное масло. – И что же нам с тобой делать?

Я тут же вздрогнула и оглянулась. Со всех сторон к двери потянулись черные ленты из плотного тумана. Они медленно подползли к защитной магии и осторожно прикоснулись. Послышалось тихое шипение, словно мы потревожили только что заснувшую змею, которая абсолютно не была нам рада.

– Что это? – спросила шепотом. – Разве вы не...

Эскалион на мгновение обернулся, чтобы взглянуть на меня, а потом вернул свое внимание к двери.

– Часть силы я оставил в стенах замка. Она все равно принадлежит мне, и я вполне могу ей управлять, – ответил он, пожав плечами.

В тот же момент шипение усилилось, а потом послышался резкий звук, похожий на удар металла о металл.

Я невольно вздрогнула, сделав шаг назад, и тут же ощутила руки на плечах. Оглянувшись, увидела встревоженное лицо Олларта.

– Давай-ка ты отойдешь немного назад, – пробормотал он и быстро задвинул меня себе за спину, полностью закрыв обзор. Мне пришлось встать чуть в стороне, чтобы наблюдать за происходящим.

– Это ведь ничему там не повредит? – взволнованно и озабоченно спросил Берхарт, поглядывая то на дверь, то на Эскалиона таким взглядом, который означал, что еще немного – и брат захочет сделать все сам, не доверив открытие двери никому другому.

– Не повредит, – шумно выдохнув, ответил Эскалион. Минут через десять внутри двери снова что-то оглушающе щелкнуло, а потом черные ленты сползли с нее и втянулись обратно в стены. Эскалион слегка расслабился. – Мне даже интересно, что же он там такого прятал.

Берхарт собрался уже войти внутрь, но мой муж остановил его, первым открывая дверь и входя в помещение.

– Не стоит торопиться. Мало ли что Венсан еще тут мог накрутить, – тихо сказал он, чуть выше поднимая факел, который забрал у Берхарта.

Явно что-то приметив, он подошел к стене и принялся внимательно ее осматривать. Через минуту он фыркнул и что-то нажал. Послышался

тихий щелчок, а затем немного пугающий скрежет, донесшийся из темноты комнаты.

После того как Эскалион поднес факел к стене, тут же вспыхнул огонь, который очень быстро принялся опоясывать помещение.

– Здесь желобок, наполненный специальным маслом. Венсан говорил, что использовать его можно хоть через тысячу лет, – Эскалион снова тихо фыркнул. – Правду говорил. Чтобы погасить огонь, достаточно нажать на скрытый камень в стене, и крышка в желобке закроется, перекрыв доступ воздуха. Огонь постепенно погаснет.

– Я не могу поверить, что подобное было сделано столько столетий назад, – прошептал восхищенно Берхарт и полез смотреть, как все это выглядит. Он засовывал свой нос так далеко, что едва не подпалил волосы.

– Ты не туда смотришь, братец, – донесся до нас голос Олларта откуда-то сбоку.

Мы тут же все повернулись в его сторону.

Олларт стоял около заваленного книгами стола и медленно листал какой-то журнал. Я могу поклясться, что слышала тихий писк, вырвавшийся из рта Берхарта. Он как-то очень быстро оказался около брата и буквально оттащил его от стола.

– Не трогай, ничего тут не трогай, Великим молю! – попросил он, загораживая собой стол от брата. – Этим книгам столько лет, что они вполне могут рассыпаться в руках.

– Что-то я не заметил, – Олларт пожал плечами и глянул на Берхарта так, будто боялся, что тому прямо сейчас станет плохо. – Да не трясись ты так. На них явно наложено какое-то заклинание, которое сохраняет их целыми.

– А если от твоего прикосновения заклинание спадет? – прищурившись, спросил Берхарт, принимаясь осматривать комнату.

А посмотреть тут точно было на что. Я лично даже не думала проходить вглубь, опасаясь, что Берхарт и на меня нарычит. Эскалион тоже остался стоять рядом со мной.

Почти вся комната была заставлена столами. Книг, правда, больше не было. На остальных столах ютились какие-то горшки, баночки, шкатулки, куски металла, камни, котелки и прочие подобные вещи. Видимо, на эту комнату и в самом деле было наложено какое-то заклинание, так как никакой пыли я не видела.

Напротив я заметила еще несколько дверей, на которые и указала Эскалиону.

– Да, здесь есть еще несколько комнат. Я бывал тут, правда очень редко, поэтому знаю. Эта комната у Венсана была чем-то вроде прихожей-склада. Он оставлял здесь все, что его интересовало, но до чего не добрались руки исследовать.

Берхарт тут же вскинулся, превращаясь в учуявшую добычу гончую.

– Еще есть что-то? – он поглядел на двери и замер.

Эскалион покосился на него, и на его лице я прочла то же выражение, какое совсем недавно было у Олларта.

– С тобой все будет нормально? – спросил Эскалион, с сомнением глядя на Берхарта. – Твое сердце стучит слишком быстро.

– Что? – брат повернулся в нашу сторону и пару раз непонимающе моргнул, а потом до него явно дошел смысл сказанных слов, так как он явственно смутился. – Прошу прощения. Просто вы не понимаете. Это ведь так важно. Кто знает, сколько тайн мне откроется? У меня столько планов и мыслей, а вдруг я найду здесь что-то, что поможет мне довести свои разработки до успешного завершения?

Эскалион медленно кивнул и двинулся в сторону дверей. Вскоре Берхарт уже осматривал все помещения, явно пребывая где-то не в этом мире.

Как оказалось, все остальные комнаты были похожи на первую, как по мне. То есть почти все они были заполненные горами довольно странных, на мой взгляд, вещей. Отличались только две. В одной стояла самая обычная небольшая кровать. Другая комната служила библиотекой.

Когда Берхарт увидел ее, то замер минуты на три, бессмысленным взглядом уставившись на полки с ровными рядами рукописных книг и свитками.

– Мы его потеряли? – хохотнул Олларт и помахал перед глазами у Берхарта рукой. Тот тут же ожил и одарил брата хмурым взглядом. – О, ожил.

– С огнем сюда не входить, – немедленно предупредил всех Берхарт, впрочем, никто даже не намеревался заносить в комнату факел.

– Кажется, тут должно быть что-то... – Эскалион поднял голову вверх и замер, явно чего-то дожидаясь.

Я тоже посмотрела наверх, с удивлением замечая, как в некоторых местах на потолке начинают разгораться сияющие ровным голубоватым светом точки.

– Что это? – не испытывая к происходящему ни грамма пиетета, спросил Олларт.

– Однажды Венсан привез эти камни из очередного похода. Он не рассказывал нам, где их нашел. Камни эти впитывают магию и начинают светиться, – пояснил Эскалион.

– Ого, – даже Олларт впечатлился. – Впервые вижу нечто подобное.

Вскоре света в библиотеке стало достаточно, чтобы спокойно читать. Берхарт при этом как-то странно посматривал на камни, недоверчиво, словно ждал от них подвоха. Я даже хотела спросить его о причине такого поведения, но потом передумала.

Мы провели в подземельях, как оказалось, дольше, чем нам ощущалось. Когда мы выбрались оттуда, почти силой утащив Берхарта, была уже почти ночь.

Я сразу почувствовала навалившейся голод.

– Предлагаю поужинать всем вместе у нас, а потом коротко обсудить увиденное, – сказала и переключила внимание на служанку, распорядившись насчет нашего позднего ужина.

Вскоре к нам присоединился отец с Ариадной и Бенедиктой. После ужина мы недолго посидели в малой комнате, рассказали обо всем, что увидели, а потом разошлись отдыхать.

Берхарт отчаянно не хотел покидать замок, это было видно по его глазам, но, когда отец предложил отложить поездку, проявил стойкость и заверил его, что не откажется от своих слов.

На следующее утро отец с Берхартом уехали. Надеюсь, у них получится поговорить с нашей матерью спокойно и прийти к правильному и наилучшему решению.

Часть 37

Прошла пара недель после того, как отец с братом отправились к матери. Все это время мы с Эскалионом были заняты различными делами. Иногда встречались только под вечер, а то и вовсе ночью.

Я видела, что мужу сложно, поэтому пыталась поддержать его и помочь. Поддержку он охотно от меня принимал, а вот с помощью не торопился, поясняя это тем, что ему нужно во многое вникнуть и

понять.

Иногда он приходил буквально взбешенным. В такие вечера его сила клубилась вокруг него и щетинилась тонкими иглами. И пусть по выражению лица ничего нельзя было понять, но стоило глянуть в глаза, как все вставало на свои места. Эти горящие черным угли иногда даже меня пугали.

Мы много разговаривали. Мне нравилось, что Эскалион не считал зазорным спросить моего мнения по тому или иному вопросу. Я понимала, что если он сочтет мой совет неприемлемым, то не примет его. Но в любом случае он не кривился и не говорил что-то нелестное о моем уме. Он просто внимательно выслушивал, что я думаю, а потом кивал и благодарил. Несомненно, подобное внимание меня весьма радовало. Я понимала, что Эскалион как бы «знакомится» со мной, пытается понять меня глубже. Именно поэтому я старалась сделать такие вечера более длинными. Мне и самой хотелось узнать своего мужа. Постель постелью, но за ее пределами тоже кипит жизнь.

Да, наши тела идеально подходят друг другу. Да, я забываю обо всем на свете, когда он обнимает и целует меня. Но ведь кроме этого есть еще многое, что должно нас сближать. Кажется, Эскалион тоже это отлично понимал.

Часто с нами проводили время и Олларт с Бенедиктой и Ариадной. Эскалион спокойно относился к моим родственникам. Общался вежливо, внимательно и никогда не старался давить своим статусом, если ему что-то не нравилось. Но и особого тепла к ним он явно не испытывал.

Я поначалу обижалась в глубине души, но потом поняла, что это вполне нормально. Он ведь и в самом деле не обязан любить моих близких людей. Да, моя семья – это неотъемлемая часть меня. Он принимает ее, но она оставляет его равнодушной.

Однажды я не удержалась и спросила мужа о том, что он сам думает по этому поводу.

– Амелия, вся моя любовь принадлежит лишь тебе. Прости, но на других ее не хватит.

– Но ведь это совсем разные вещи! – не согласилась я, а потом замерла, осознав, что он, вообще-то, мне в любви признался. – Я... я... тоже, – выдохнула и резко отвернулась. Сердце в груди заколотилось, лицо, я уверена, покраснело, а руки так и вовсе затряслись.

Меня тут же обняли. Я ощутила горячий поцелуй в шею и покорно наклонила голову, давая мужу больше доступа.

– Я очень рад, – прошептал он, поглаживая меня по животу. – Возможно, я и сам бы хотел ощутить что-то хорошее к другим людям, но, к сожалению, просто не способен на это.

– Но ведь в вас нет к ним ненависти? – забеспокоилась я, разворачиваясь в его объятиях.

– Нет. Я знаю, что они твои близкие. Знаю, что ты их любишь. И если кому-то из них будет грозить опасность, я сделаю все, что смогу, чтобы отвести ее от них. Они мне интересны. Мне нравится говорить с ними. Я уважаю их. Это все.

– Этого достаточно, – прошептала, прижимаясь чуть сильнее и переводя взгляд на его губы.

Конечно, я не сидела целыми днями в наших комнатах, дожидаясь вечера. Бенедикта бы мне этого просто не позволила. Кажется, она была довольна моим новым статусом даже больше, чем я сама.

Мы исследовали замок, познакомились со старшими слугами, узнавали, чем и как дышит Вальгард. Потом нам в руки попали домовые книги. И мы втроем пропали. У каждой из нас было соответствующее образование, поэтому прочесть и понять их не составило большого труда.

По результатам проверки, которую мы провели со всей тщательностью, были выявлены явные нарушения. Становилось понятно, что казну обворовывают все кому не лень. Для того чтобы узнать это, не нужно было быть гением. Достаточно просто знать, сколько на самом деле стоит тот или иной продукт.

Например, мясо. Мы даже специально уточнили цены на местном рынке. Оказалось, что они втрое ниже, чем указано в домовых книгах. Аналогичное завышение стоимости обнаружилось по всем продуктам, которые закупались для замка.

Конечно, можно было предположить, что для короля и тех, кто живет в замке, слуги стараются покупать самое хорошее и дорогое, вот только это было совсем не так. Узнать это тоже не составило труда.

В общем, люди расслабились настолько, что совершенно не стеснялись воровать, считая, что до таких «мелочей» королю и остальным высокопоставленным лицам королевства дела нет. Пришлось их разочаровывать.

Выслушав меня, Эскалион дал нам полное свое согласие на любые действия в отношении тех, кто руководил хищениями. Впрочем, вскоре нам всё-таки понадобилась помощь короля, так как главным любителем присвоить чужое, с ведома и согласия которого была организована вся афера, оказался казначей.

Это только кажется, что на «мясе» много не сделаешь, но это совсем не так. В замке живет довольно много людей. Причем аристократов втрое меньше, чем слуг.

Если приобретать припасы по реальной, рыночной цене, то в год из казны должно было уходить на питание людей в замке порядка пяти тысяч золотых монет. В действительности тратилось в три, четыре, а то и в пять раз больше.

А ведь в замок требовалась не только еда. К примеру, дрова для каминов должны были доставляться бесплатно из леса, принадлежащего королевской семье. Они и доставлялись оттуда, но в книгах указывалось, будто дрова на самом деле покупались.

Помимо этого еще были ткани, посуда, оружие для стражи, обмундирование, фураж для лошадей и многое другое.

В итоге ежегодная сумма, расхोdivшаяся по чужим карманам, превышала все разумные пределы. А ведь часть этих денег вливалась в казну в виде налогов простых людей. Из-за неоправданно больших трат налог постоянно повышался. Это вызывало недовольство среди подданных, вот только тем, кто воровал, до этого не было никакого дела. Действительно, они-то тут причем? Это ведь король постоянно подписывает указы об увеличении налога. Значит, король и виноват.

Впрочем, с этим я даже согласна. Гордон и в самом деле был виноват. Только в том, что не следил за своими вороватыми работниками и так безответственно относился к потенциально опасной ситуации.

Да, короля нельзя убить, пока он в Вальгарде. Да, люди весьма трепетно относятся к королевской семье, считая их кем-то вроде наместников Великого на земле. Вот только терпение людей не безгранично. Однажды они поднимут головы, с их глаз спадет туман преданности и они поймут, что являются лишь дойной коровой для тех, кого еще недавно почитали и перед кем преклоняли колени. Безмолвной, всё сносящей коровой, которую в случае нужды и прирезать можно. На мясо.

А гнев людской способен на многое.

Убить нельзя, но ведь можно просто изолировать замок от сообщений извне. Перекрыть доступ продовольствия, взяв Вальгард в осаду. Без еды обитатели замка долго не протянут. Да, кое-какие запасы имеются, но они не бесконечны.

Эскалион внимательно нас выслушал, просмотрел наши выписки и пообещал, что в самое ближайшее время займется этим.

И полетели головы. Фигурально выражаясь, конечно.

– Представляешь, – начал Эскалион. Это был один из тех вечеров, когда муж приходил в наши комнаты взбудораженный, рассерженный и взвинченный до предела, – советники посоветовали мне бросить всех виновных в темницу и забыть. В темницу и забыть! Я... – он посмотрел на меня испытующе, словно хотел убедиться: понимаю я его или нет.

– А деньги? – деловито поинтересовалась, распутывая очередную сложную прическу. Бенедикта недавно решила овладеть искусством парикмахера, и мои волосы были признаны самыми подходящими для ее упражнений. – Они вернут украденное в казну?

– Вот, – Эскалион перестал вышагивать по комнате, – ты тоже понимаешь, что просто заключить под стражу – непозволительно мало? Почему они тогда об этом не подумали?

– Сочувствуют? А может, все намного хуже, чем мы думаем? Вдруг кто-то из них тоже причастен к этому? – я оставила в покое волосы и повернулась на стуле к мужу. – Не все ведь предлагали это? Я права?

– Верно, – Эскалион кивнул, а потом потер лицо и сел на кровать, устало вздыхая. – Когда я согласился на уговоры и стал королем, я и не подозревал, что может произойти нечто подобное. Мы все тогда трудились не покладая рук, стараясь сделать наше королевство безопасным. Даже на мое заточение геральды пошли потому, что хотели защитить этот мир. Подозреваю, что ты полностью права в том, что казначей действовал не по своей инициативе.

Сказав это, Эскалион упал на спину и раскинул руки в стороны.

Я окинула его взглядом, а потом торопливо распутала прическу, оставив волосы спадающими на плечи. Поднявшись, подошла к своему королю и, чуть подумав, забралась ему на колени. Верхнее платье с корсетом я давно уже сняла, так что на мне сейчас осталась только нижняя юбка с рубашкой, белье и теплые чулки.

– Вам нужно расслабиться, – прошептала я, принимаясь ласкать его губы, скулы, шею и ключицы. Ниже не позволяла спуститься одежда. Подавив обдавшее жаром смущение, я забралась немного выше и выпрямилась. Оперевшись руками о грудь мужа, чуть привстала и опустила.

Взглянув в глаза Эскалиона, я натолкнулась на безумный взгляд. В следующее мгновение сильные пальцы впились мне в бедра. Отстраненно подумав, что останутся синяки, я прикрыла глаза и повторила свое недавнее движение. В следующий миг мир крутанулся, а следом я почувствовала на себе придавливающую к кровати тяжесть мужа.

– Я думаю, ты права, – хрипло прошептал он, буквально впиваясь в мои губы.

Отметив, что обсудить все можно будет и утром, я отдалась ощущениям.

Вот только тогда я не знала, что утром у нас совсем не будет времени для обсуждений. У нас появятся более серьезные проблемы и заботы. Намного более серьезные.

Часть 38

Я проснулась от чувства опасности. Страх холодными липкими пальцами сжал мое сердце, отчего оно сбилось с ритма, сразу затем ускоряясь. Наверное, еще никогда до этого я не поднималась с постели столь быстро и собранно.

Вскинув руки, быстро осмотрелась, пытаюсь отыскать опасность. С другой стороны кровати напряженно стоял Эскалион.

– Что это? – спросила хрипло, ощущая, как волосы на голове встают дыбом от пронизывающего чувства тревоги и ужаса.

Глаза Эскалиона заledenели. Его сила взвилась, но почти сразу опала и растворилась, становясь невидимой.

– Это твари, – коротко ответил он, начиная торопливо одеваться. – Из комнат никуда не выходи. Это может быть опасно. Поняла?

– Я...

Эскалион вскинул на меня предупреждающий взгляд.

– Поняла?

– Да, да, – я кивнула, решив, что лучше сейчас согласиться и не спорить. К тому же я и сама полагала, что мне не стоит лезть куда не следует и мешаться под ногами. – Я буду тут.

– Хорошо, – выдохнул Эскалион, накидывая плащ.

Остановившись перед дверью, он развернулся ко мне, стремительно приблизился и коротко поцеловал.

– Будь осторожна, – шепнул он, погладив меня по щеке. – Если что, просто заморозь.

Вместо ответа я порывисто обняла его, а потом отстранилась.

– И вы будьте осторожны.

Эскалион кивнул и вылетел из комнаты. Я же принялась быстро натягивать одежду. Кто знает, какая помощь вскоре потребуется, не хотелось бы бегать по замку почти голой.

Решив, что корсет мне сегодня не понадобится, не стала надевать его. Да и платье выбрала самое простое и теплое, предназначенное для зимних конных прогулок. Вместо туфель – теплые сапожки. Волосы собрала в простую косу, а на голову, немного подумав, надела подаренный мужем венец.

– Амелия? – услышала я голос Бенедикты.

Я тут же отвернулась от зеркала и вышла из спальни.

– Что происходит? – спросила она меня, как только заметила. – Олларт вылетел из кровати, как будто его пчела за причинное место ужалила. Быстро оделся, ничего толком не объясняя, а потом велел мне идти к тебе. Сам же умчался куда-то, воинственно потрясая своей новой секирой.

Стоило ей договорить, как в комнату вошла Ариадна. Заметив нас, она изящно приподняла светлую бровь, а потом проследовала в малую комнату, увлекая нас за собой, и спокойно, будто ничего не случилось, села в кресло. Правда, я отлично видела, как чуть заметно дрожат ее побледневшие губы и пальцы. Если не присматриваться, то можно было и не заметить, какой у нее изможденный и уставший вид. Такое ощущение, что она не спала всю ночь.

– Что случилось? – спросила я, опускаясь в кресло напротив. – Почему ты тут?

Ариадна глубоко вдохнула и выдохнула, словно пытаясь взять себя в руки.

– Мне всю ночь было тревожно, – сказала она. – А утром вообще почувствовала себя так, словно мне душу вынимают. Берхарту с отцом давно пора вернуться. А ты что тут делаешь? – спросила она у Бени.

Бенедикта еще раз рассказала о том, как она сегодня проснулась.

Вернее, о странном поведении Олларта.

– Эскалион сказал, что это твари, – прошептала я, подавляя желание немедленно вскочить и куда-нибудь спрятаться. Осознание скрывающегося где-то поблизости ужаса холодило затылок и проводило шершавым языком по позвоночнику.

Светлые глаза Ариадны округлились. Мне показалось, что их серый цвет поблек и стал почти прозрачным. Бени же прижала руки ко рту, застыв и побледнев. Ее обычно загорелая кожа казалась тонкой и чуть ли не синей.

– Что же нам... – задумчиво прошептала она, принимаясь оглядываться так, словно пыталась отыскать себе убежище.

– Твари? – недоверчиво переспросила Ариадна. – Это те, в которых большинство уже не верят?

– Они, – я кивнула. – Вот только твари существуют на самом деле.

– Но их не было столько лет! Почему сейчас? – Бени сцепила пальцы в замок и явно старалась взять себя в руки.

Я на это только пожала плечами, не желая рассказывать правду. Сама же подумала о том, что, видимо, свободной магии скрытого мира накопилось достаточно, чтобы пробить грань.

В какой-то момент ощущение присутствия чего-то чужого, совершенно инородного для этого мира стало настолько сильным, что я едва сдержала порыв вскочить.

Это чувство придавливало к земле своей тяжестью. Первоначальная паника прошла, и теперь моя магия воинственно взвилась. Из глубины начало подниматься что-то совершенно мне незнакомое. Оно разгоралось в груди, как огненный шар, звало, влекло и туманило разум.

Я сама не заметила, как встала. Перед глазами закружились сверкающие снежинки.

Снаружи что-то грохнуло. Я могла поклясться, что слышала крики, хотя это вряд ли возможно. Резко развернувшись, я, сама не понимая, что делаю, устремилась к выходу. Кажется, Ариадна с Бенедиктой звали меня, но я не обратила на их голоса никакого внимания.

Я честно пыталась остановить свои ноги, так как помнила об обещании Эскалиону, что останусь в комнате, но не могла этого сделать. Что-то более сильное и могущественное вело меня, заставляя

тело двигаться практически против воли.

Мечущиеся в коридорах слуги отскакивали с моего пути. Да я их толком и не замечала, стремясь к выходу из Вальгарда.

Буквально вылетев на крыльцо, я замерла. Внезапно вернулись пропавшие некоторое время назад звуки. И я услышала. Кругом кричали люди. Со всех сторон доносился вой, какой-то лай, ржание лошадей, чьи-то хрипы и еще десятки разных звуков.

Прямо перед крыльцом лежала одна из служанок. Ее шея была неестественно вывернута. Белоснежный чепец валялся рядом, втоптаный кем-то в грязь. Она лежала, раскинув руки в стороны, словно хотела обнять весь мир. Вот только мертвые глаза были неподвижны, а на лице застыл предсмертный ужас. Но больше всего меня поразила рваная рана на боку. Казалось, кто-то огромный просто откусил половину тела.

Я вздрогнула, кое-как оторвав взгляд от ужасного зрелища. Огляделась. И только сейчас, будто до этого была полностью слепа, увидела, что среди людей полно чудовищных тварей, которые нападают на всех подряд.

Они были худыми, гибкими и чрезвычайно быстрыми. Горбатые спины, куцые хвосты, длинные и тонкие лапы, змееподобные головы на длинных шеях – да, эти существа точно не были простыми животными. Их пасти были полны зубов, а острые черные когти на лапах заставляли ужаснуться. Если бы они были меньше, то с большой натяжкой сошли бы за уродливых собак, вот только ростом твари были с лошадь.

Одна из них прыгнула откуда-то сверху прямо перед крыльцом, сразу же обратив внимание на меня. Я коротко глянула наверх, замечая зависшую в воздухе черную молнию, из которой сочился плотный угольный дым.

Желтые глаза твари засветились сильнее. Она открыла пасть, из которой показался темно-синий, тонкий и раздвоенный язык, и зашипела.

Сжав зубы, я высвободила часть магии, одним ударом посылая ее в тварь. В последний момент гибкое черное тело попыталось увернуться, но моя магия настигла его в прыжке. Приземлилась тварь уже будучи превращенной в лед, который тут же раскололся на тысячи кусочков. Почти сразу после этого магия оставила мертвое тело. Через мгновение на земле лежали не сверкающие льдинки, а отвратительно воняющие

куски мяса.

Я отшатнулась, прикрыв рот рукой. Живот скрутило, а горло сдавило спазмом. Сжав зубы, я отвела взгляд от убитой только что твари и принялась глазами выискивать людей, которым требовалась помощь.

И я их нашла.

Около ворот на боку валялась карета. Рядом лежали мертвые лошади. Я с ужасом увидела отбивающегося от твари Берхарта, который прикрывал своим телом лежащего на земле отца. Видимо, они вернулись утром и попали прямо в самое пекло, не успев даже войти в замок.

Вскрикнув, я мгновенно сбежала с крыльца, устремляясь к своим близким. Только бы остался жив!

– Ты что тут делаешь?! – схватив меня за руку, буквально проорал мне в лицо Олларт. У него все лицо было в крови. Глаза бешено сверкали, а сам он скалился, словно был диким зверем. Длинные волосы растрепались и слиплись от крови. – Немедленно в замок!

– Там отец и Берхарт! – крикнула я, вырвав руку, и, больше не обращая внимания на крики брата, побежала дальше.

Я старалась не отвлекаться на других, лавируя между сражающимися людьми и тварями. Я заметила и геральдов, и простых воинов. Видимо, здесь собрались все, кто мог драться.

Мне оставалось добежать метров пять, когда передо мной больше никого не осталось. В этот момент я увидела, как одна из тварей, что до этого насадала на Берхарта, извернулась и укусила его за руку, а вторая явно нацелилась на отца, стараясь подобраться к нему, не привлекая к себе внимания. Гнев, смешанный с ужасом и страхом за родных людей, вскипел в моих венах.

Я ничего не направляла и даже толком не концентрировалась. Мир вокруг запульсировал красным. Я видела только отвратительных существ, которые желали сожрать тех, кто мне был дорог.

Через несколько мгновений обе твари свалились, пораженные ледяными копьями. Но за миг до этого их сковали черные ленты, которые буквально передавили им шеи, отрывая головы от тел.

Я не могла остановиться. Во все стороны от меня растекался сковывающий все лед. Он обходил стороной людей, не касаясь их, зато набрасывался на тварей, заточая их в ледяные коконы.

Мне хотелось подойти к отцу и узнать, насколько серьезно он ранен. Да и Берхарт выглядел потрепанным. Он держался за окровавленную руку и смотрел на меня. А я не могла сделать ни шага.

– Я просил тебя оставаться в замке, – послышался над ухом густой и такой любимый и спокойный голос.

– Прости, – я едва могла шевелить губами, настолько все мое тело онемело и заledenело. – Что-то звало меня сюда.

Я услышала шумный и тяжелый вздох, а потом ощутила, как меня подхватывают на руки.

Горячее тепло тут же опалило внутренности. Я едва не вскрикнула, настолько оно было неожиданным. Слезы брызнули из глаз.

Эскалион повернулся, явно намереваясь отнести меня в замок. Благодаря этому я увидела, что весь двор покрыт льдом. Все твари были закованы в лед, даже черная молния превратилась в ледяную сосульку, висящую прямо в воздухе. Люди же растерянно оглядывались, словно до конца не понимая, что произошло.

– Нет, нет, – запричитала я, вырываясь. Тело уже почти подчинялось мне. – Там отец, я должна узнать.

Эскалион резко развернулся и устремился к моему брату и лежащему на земле отцу.

Когда мы приблизились, я все-таки соскользнула с рук мужа и подлетела к отцу. Упав перед ним на колени, я склонила голову к его груди и прислушалась.

Сердце билось!

Часть 39

Следующую неделю я провела у постели отца, который не приходил в себя. Его лихорадило так сильно, что я едва дышала от страха. Почти не смыкала глаз, опасаясь, что, пока я сплю, его состояние ухудшится. Тварь располосовала ему всю грудь, задев и живот. Раны воспалились и загноились.

Берхарта тоже ранили. Он отлеживался в постели лишь сутки, а потом не выдержал и развел бурную деятельность по поиску лекарства для отца. Как по мне, так рана Берхарта выглядела не менее опасной. Своим укусом тварь сломала ему руку и содрала с нее кожу. Выглядело все очень страшно, но Берхарт заверил всех, что чувствует себя вполне нормально, так что в кровать его не смог уложить никто, даже строгая Ариадна.

Лекари у постели отца сменялись один за другим. Все говорили, что раны, несмотря на то, что так страшно выглядят, не смертельны, поэтому они не знают, из-за чего мой отец в таком тяжелом состоянии.

– В раны попала скверна, – тихо сказал как-то Эскалион.

– Скверна? – спросила, поднимая на него взгляд. – Что-то вроде грязи? Но мы ведь почти сразу промыли...

– Это магическая грязь, – Эскалион вздохнул и сел с другой стороны кровати. Переведя взгляд с меня на сильно похудевшего и тяжело дышащего отца, он покачал головой. – Обычно с такими ранами люди умирают в течение двух суток. Твой отец – очень сильный человек. Его магия не подпускает грязь близко к важным органам, но эта борьба отнимает у него все силы.

– Его можно спасти? – спросила, чувствуя, как меня в буквальном смысле слова трясет. Я так долго не спала и почти ничего не ела, что тело слишком сильно ослабло.

Эскалион молчал очень долго. Так долго, что я уже и забыла, о чем спрашивала. Кажется, мы просидели в молчании пару часов.

– Я могу попробовать, – сказал Эскалион, заставив меня вздрогнуть. – Твой отец, насколько бы силен он ни был, не сможет выдержать дольше. Твой брат ищет лекарство, и я уверен, он его найдет.

Встав, он скинул с отца одеяло, распахнул рубашку и обнажил его грудь.

– Что вы делаете? – спросила тихо, наблюдая, как муж положил руки на самые глубокие и опасные раны отца. – Эскалион, пожалуйста...

Я сама не знала, о чем именно прошу. Мне хотелось, чтобы он помог отцу, но в то же время я безумно этого опасалась, подсознательно чувствуя, что так просто это для Эскалиона не пройдет.

Сила мужа заструилась из его рук, буквально впитываясь в раны. Отец странно вздрогнул, а потом вообще выгнулся дугой. Я вскочила, хватая его за плечи, словно хотела удержать. Мой взгляд метался между мужем и отцом. Я готова была умереть на месте от волнения и паники.

Спустя некоторое время вены отца почернели. Я едва не рухнула в обморок, когда он с беззвучным криком распахнул глаза. Они были полностью черными. Знакомая уже тьма клубилась там, смотрела, напоминая собой саму смерть.

А потом Эскалион резко вдохнул, словно вынырнув из глубины, и отпрянул. От тела раненого к рукам мужа потянулись черные тонкие

ленты. Постепенно тьма покинула отца, вернувшись к своему хозяину.

Отец закрыл глаза, выдохнул и рухнул обратно на кровать. Я запаниковала, но его сердце билось. Слишком быстро, но билось.

А вот Эскалион выглядел неважно. Он стоял, схватившись за стену, и словно переживал головокружение.

– Как вы? – спросила, всматриваясь в его побледневшее еще сильнее лицо.

– Скверна меня не убьет, – Эскалион криво улыбнулся.

Вопреки своим словам, он подозрительно покачнулся. Я сориентировалась сразу. Подскочив к нему, усадила в кресло и замерла, не зная, что делать дальше.

– Не суетись, – с улыбкой посоветовал муж, хватая меня за руку и коротко целуя мою открытую ладонь. – Я немного посплю и буду в порядке.

Почему-то это меня совсем не успокоило. Вскоре муж на самом деле уснул. Я же в растерянности задумалась о своих дальнейших действиях.

Бросив взгляд на отца, приблизилась к кровати, осторожно прикасаясь к почти затянувшимся ранам. Судя по всему, температура оставалась еще немного повышенной, но выглядел отец уже значительно лучше.

Мне бы вздохнуть с облегчением, вот только внезапный сон Эскалиона не внушал мне доверия. Пришлось срочно вызывать врача.

Сначала он проверил отца и заявил, что сейчас его состояние не вызывает опасений. Если исцеление будет продолжаться такими темпами, то уже к утру он должен будет прийти в себя.

Тогда я попросила осмотреть Эскалиона. Врач было всполошился, но после проверки успокоился, заявив, что король просто спит глубоким сном и в этом нет ничего страшного и тревожного.

– Он просто сильно устал за последнюю неделю, ваше величество, – сказал врач. – Это нападение... Такая странность. Вот ведь странность.

Я не стала уточнять, о чем он говорит, так как понимала, что подобное происшествие, безусловно, встревожило умы всех жителей королевства.

Мне совсем не хотелось расставаться с мужем или отцом, поэтому я приказала занести в комнату еще одну небольшую кровать. На нее

уложили Эскалиона. И пусть лекарь был уверен, что тот просто уснул, у меня такой уверенности не было, поэтому я попросила позвать Берхарта.

Когда брат пришел, я не совершенно не была удивлена его внешним видом. Берхарт всегда был красивым. Какие бы эксперименты он ни ставил, даже бодрствуя сутками напролет, он всегда выглядел так, словно в любой момент мог просто сменить одежду и отправиться на бал, улыбаясь и расточая обаяние. Сейчас же он напоминал свежесрытый труп.

Волосы висели грязными сосульками, под глазами залегли даже не синие, а черные тени, сами глаза лихорадочно блестели. За эти дни он сильно похудел, о чем говорили впалые щеки, скрытые недельной щетиной. Здоровая рука тряслась, а повязка на сломанной выглядела так, словно еще недавно была половой тряпкой.

Впрочем, я не уверена, что мой внешний вид был хотя бы чуточку лучше, чем у брата, учитывая, что я толком не спала, не ела и вообще не мылась.

– Что-то случилось? – немедленно спросил он, подскочив к отцу и принимаясь ощупывать его шею, явно в поисках пульса.

– Нет, то есть да, – начала я, хватая брата за плечо. – Постой, я расскажу.

Берхарт, убедившись, что с отцом все в порядке, выпрямился и тут же увидел лежащего Эскалиона.

– Что с ним? – спросил он, переводя на меня взгляд.

Я вздохнула, а потом начала торопливо рассказывать о том, что совсем недавно произошло. Берхарт подошел к Эскалиону и принялся осматривать его.

– Судя по всему, он на самом деле просто спит, – задумчиво выдал Берхарт, потирая заросший подбородок. – Вот только сон его подозрителен.

В этот момент отец зашелся кашлем. Мы с братом вздрогнули от неожиданности, ведь отец за всю неделю не издал и звука, сгорая в лихорадке.

– Пить, – прошептал он.

Я и Берхарт принялись бестолково метаться по комнате, да так, что едва не столкнулись. Только тогда мы оба замерли, уставившись друг на друга так, будто впервые увиделись.

– Вода в кувшине. Кувшин на тумбочке около кровати слева, – сказала я, а потом сама подлетела к тому кувшину, наполнила трясущимися руками кружку и только тогда взглянула на отца.

Он смотрел на меня почти ясными глазами и выглядел ослабленным, но явно идущим на поправку. Из моих глаз брызнули слезы. Руки затряслись еще сильнее.

– Пап, – пробормотала я. – Как я рада...

Я даже не заметила, когда ушел Берхарт. После того как я напоила отца, он уснул. Не просто провалился в беспамятство, а именно уснул, чему я была, несомненно, рада. Вот только радость эту омрачал странный сон мужа.

Когда хлопнула дверь, я вздрогнула от неожиданности. Повернувшись, заметила вернувшегося Берхарта. Он принес с собой множество каких-то баночек, кувшинчиков и горшочков.

Он посмотрел на меня, потом на Эскалиона, и я увидела, как брат упрямо поджал губы, а взгляд его потяжелел. Он явно что-то для себя решил.

И потянулись новые дни, наполненные запахами множества трав, отварами, мазями, разговорами с братом и немного поправившимся отцом. К нам часто заходил Олларт с Бени. Ариадна тоже бывала. Она даже не пыталась заставить Берхарта хотя бы немного отдохнуть. Все словно чувствовали, что мешать ему не стоит. Что время ограничено.

Я почти не бывала за пределами комнаты. В конце второй недели я очнулась на кровати отца. Сам он сидел в кресле рядом и держал меня за руку. Все еще изможденный, но выглядевший заметно лучше.

– Что?..

– Ты потеряла сознание, моя дорогая, – прошептал он.

– Эскалион?..

Лицо отца озарила слабая улыбка.

– Он просыпался.

От этих слов мою грудь опалило жаром. Я облегченно выдохнула, даже не пытаясь скрыть вскипевшие на глазах слезы.

Еще через сутки Эскалион окончательно проснулся. При этом у него был такой вид, словно он на самом деле просто спал. Пожурился за то, что я довела себя до такого состояния, он ушел разбираться с делами, накопившимися за это время. Мне же было сказано в строгой форме, чтобы я не смела даже думать вставать с постели. Я и не

собиралась, так как совсем не ощущала в себе сил для подобного подвига.

– Пап, а как же ты без мамы? – спросила я как-то спустя пару дней постельного режима.

– Очень просто, – отец, явно чувствующий себя в последние дни намного лучше, мягко улыбнулся и вытащил из-за ворота кулон из какого-то ярко-желтого камня.

– Что это? – спросила, привставая на кровати. Отец сразу подsunул мне под спину подушку.

– Я, – отец слегка озадаченно посмотрел на кулон, а потом снова перевел взгляд на меня, – не знаю точно. Берхарт мне объяснял, но ты знаешь, он иногда говорит так сложно, что его едва ли можно понять. Я пояснил для себя лишь то, что, пока я ношу этот кулон, умереть от потери жизненной энергии мне не грозит.

Я круглыми глазами смотрела на переливающийся камень и не верила в услышанное. Как это вообще возможно? Неужели Берхарт придумал нечто подобное? Как ему удалось? Мне срочно захотелось увидеть брата и узнать обо всем более подробно.

Это ведь... невероятно! Это может помочь стольким людям. Нужно все немедленно узнать!

Часть 40

После внезапного прорыва столица замерла, будто ожидая нового удара. Люди были шокированы тем, что произошло. Все сразу вспомнили о древних тварях. Многие старались понять, почему все случилось именно сейчас. Некоторые даже пытались связать прорыв с новым королем, появившимся столь внезапно.

Снова в чести стала боевая магия, о которой в последние годы все вспоминали с ленцой и неохотой.

– Вы ведь не вините себя? – спросила я как-то у мужа. К тому времени все мы уже немного оправились и пришли в себя. Ужасы первых двух недель немного отпустили. Я перестала бояться засыпать, правда во сне все еще вздрагивала, а иногда и вообще просыпалась от кошмаров. После таких пробуждений Эскалион обычно долго целовал меня и ласкал, заставляя своей нежностью забыть о том, что приснилось.

– Моя вина в этом, несомненно, есть, – ответил муж и замолчал, но прежде, чем я успела возразить, продолжил: – Не стоит, Амелия. Я

давно уже понял, что просто так винить себя – не самая удачная идея. Я не могу не колдовать. И уменьшить неизбежную потерю магии при колдовстве я тоже не в состоянии. Но и быть снова запечатанным я не хочу. Мне нужно найти иной выход.

Тогда я обратилась к единственному человеку, в силу разума которого безгранично верила.

После того как отец показал мне кулон и рассказал, что его создал Берхарт, я была в полном восторге. Чуть позже брат увлеченно пояснил нам, как это у него получилось и как он додумался до чего-то подобного.

Берхарт признался, что вначале он на самом деле планировал разорвать узы отца и матери. Ритуал был им придуман и требовал лишь окончательной доработки. Оставалось только получить согласие матери.

Но она его не дала.

Когда Берхарт рассказывал, как смеялась мать, буквально выплевывая им в лицо проклятия, он выглядел таким пораженным, что мне стало понятно: он не ожидал ничего подобного и был весьма впечатлен поведением матери.

– Ее лицо светилось таким безумным торжеством, что я едва узнавал в этой женщине нашу маму, – сказал он тогда, нервным жестом растрепав волосы. – Мы пытались ей объяснить, что она еще может отыскать свое счастье, и тогда она сказала, что счастлива, пока отец или ты, Амелия, страдаете. В тот момент я понял, что все уговоры бесполезны. У меня была еще одна идея, смутная, почти на грани интуиции, но я решил попробовать. Ночью, усыпив маму заклинанием, я взял у нее немного крови. И когда мы вернулись, я отправился в комнату предка, чтобы отыскать лекарство для отца. Я немного увлекся, – Берхарт смутился и отвел взгляд в сторону.

– И случайно сделал амулет? – спросила я, стараясь, чтобы в голос не пробрались смешливые нотки.

– Ну, знаешь, случайно, – возмущенно выдохнул Берхарт. – Я три ночи корпел, разбираясь в последнем открытии Венсана. Он был поистине гениальным человеком. Как жаль, что я не знаком с ним. Но это не суть. Главное в том, что моя смутная идея перекликалась с его последними разработками. Оказалось, что он пытался соединить всевозможные камни и металлы с различными заклинаниями и даже целыми ритуалами!

– Как это? – спросила я, не понимая, как можно нечто подобное вместить в небольшой камешек. Ладно еще заклинание, но ритуал...

– А вот так, – Берхарт подскочил на ноги и принялся расхаживать по комнате, явно находясь в возбужденном состоянии. – Это гениальная мысль. Она настолько проста, что у меня нет слов. Заклинание – это цепочка слов, благодаря которым магическая энергия приобретает определенный рисунок или узор, который вполне можно как растянуть, так и уменьшить. И этот узор можно сплести с внутренней структурой камня. Я выяснил, что в камне есть небольшие, невидимые человеческому глазу пустоты, в которые и можно поместить узор, как бы вписав во внутренний рисунок самого камня. Эти пустоты способны удерживать узор заклинания внутри, выпуская его только в нужный момент. Ритуал – это ведь тоже рисунок! Мы как бы создаем своими действиями магическое полотно, в которое вкладываем определенную мысль. И это полотно тоже можно уменьшить!

Берхарт остановился и повернулся ко мне. Он дышал быстро и тяжело. Все его лицо покраснело. Он выглядел как совершенно, абсолютно счастливый человек.

– Ты понимаешь меня, Амелия?

Честно говоря, не сказать, что я полностью поняла все сказанное, но общее представление у меня теперь было.

– Кажется, да, – кивнула я. – И ты, когда понял, поместил в камень... Что ты в него поместил? Это ведь не ритуал разрыва, правильно?

Берхарт рухнул в кресло и схватил меня за руки.

– Нет, не его, – он явно очень гордился тем, что сделал. – Я просто заключил в камень заклинание, которое способно передавать энергию от матери отцу.

– А оно не повредит маме? – спросила тревожно.

– Нет-нет, что ты! – Берхарт рассмеялся. – Мама даже не заметит. Все будет выглядеть так, словно они по-прежнему раз в месяц вместе проводят ночь для поддержания его жизни. Для этого мне и потребовалась ее кровь.

– Но где ты нашел такое заклинание?

– Сам создал, – сказал Берхарт и отчего-то смутился.

– Правда? – я восхищенно посмотрела на него. – Я даже не представляла, насколько ты умен, брат.

От избытка чувств я полезла обниматься к Берхарту. Он сначала шутливо отпихивал меня, а потом рассмеялся и обнял так крепко, что у меня затрещали ребра.

– Отпусти, сумасшедший, – захрипела я, смеясь и похлопывая его по плечам. – Ты мне ребра ломаешь.

– Прости, прости, – повинился брат, ослабляя объятия.

Вот именно поэтому я и пошла к Берхарту. Правда, мне пришлось долго уговаривать мужа, чтобы он разрешил мне все рассказать брату без утайки. Эскалион долго сопротивлялся, и тогда я поняла, что в нем говорит опасение. Он просто остерегался того, что, не найдя выхода, его снова запрут в темноте на долгие столетия. Однако мне удалось убедить его, что подобного больше не случится.

Когда брат узнал правду, то замер на минут десять, явно обдумывая услышанное.

– Получается, – начал он, а я напряглась. Мне не хотелось, чтобы Берхарт обвинял в чем-то моего мужа. Я хотела, чтобы брат все понял правильно, – что мне надо придумать способ избежать обязательной потери магии при колдовстве?

Берхарт отмер и повернулся ко мне.

– Что? – я растерялась после его вопроса. – Я не знаю точно, просто...

– А что же еще? – брат тихо хмыкнул. – Это единственный выход, Амелия. Эскалион – могущественный колдун. Он не сможет контролировать такой объем магии с филигранной точностью. При каждом его колдовстве, так или иначе, часть не ушедшей в заклинание магии будет на некоторое время высвобождаться. Полностью подавить в нем магию – нереально. Она будет стремиться найти выход и просто разорвет его. Снова запечатывать короля? Прости, но не думаю, что тебе хочется подобного. Можно, конечно, усилить старый ритуал для укрепления грани, но я считаю, что нам для решения этой проблемы нужно просто свести до минимума обязательную потерю.

– И как это можно сделать? – спросила нетерпеливо, понимая, что брат и в этот раз прав!

– Я вижу только два варианта. Первый – каким-либо способом Эскалиону нужно будет научиться контролировать свою магию так, чтобы полностью исключить обязательную потерю.

– Это невозможно, – сказала я с уверенностью. – Впрочем, если

потренироваться... Но на это уйдут долгие годы.

– Верно. И не факт, что в итоге что-то получится. Он может уменьшить потери, но не полностью их устранить.

– Второй вариант?

– А второй вариант заключается в том, чтобы создать нечто не дающее его потере рассеиваться в пространстве, – Берхарт задумчиво почесал бровь, а потом, словно его озарило неожиданной мыслью, на миг замер. Переведя на меня взгляд, он немного пугающе улыбнулся, а затем вскочил на ноги и вылетел из комнаты, оставив меня в недоумении.

– Ну, – вздохнула я, покачав головой, – я уверена, что ты найдешь выход.

После этого мы практически потеряли Берхарта. Ариадне удавалось изредка его вытаскивать из подземелий. Брат не говорил, чем занимается. Когда Ариадна приводила его, то, несмотря на замороченный вид, его глаза сияли так, что становилось понятно: он доволен своей работой.

Эскалион никак не реагировал на происходящее, но иногда я видела, как напряженно он наблюдает за Берхартом, словно пытаясь увидеть что-то скрытое от остальных.

Олларт тоже не сидел сложа руки. Из-за нападения люди, как я уже отметила, заинтересовались боевой магией. И не только. Все захотели научиться хотя бы чему-то, чтобы защитить себя. Олларт, с согласия Эскалиона, принялся обучать всех желающих тому, что знал сам. А он увлекался не только холодным оружием, хотя оно и было его второй любовью после Бенедикты. Неожиданно к нему на обучение начали приходить даже геральды. Это раньше они были грозными защитниками, сейчас многие из них стали простыми колдунами. У некоторых за всю жизнь до недавнего нападения не случилось ни одного серьезного боя.

Как-то незаметно прошла свадьба Гордона. О нем вообще старались не говорить, решив полностью забыть прошлого короля. Отец Деборы не был доволен выбором своей дочери. Он выделил им один из своих замков на окраине королевства. Понятно, что самому Гордону это не слишком понравилось, но выхода у него все равно не было. Я не была уверена, что Гордон после женитьбы будет вести жизнь праведника. Оставалось лишь надеяться, что он перенесет всю свою

нерастраченную энергию на жену. Деборе подобное отношение ее мужа к ней, наоборот, очень нравилось. Впрочем, это уже не мое дело. Чужая постель меня волновала мало.

Когда все мы полностью оправились, Эскалион предупредил геральдов, что пришло время принести клятву. Никто не стал спорить. Многие были впечатлены тем, как Эскалион сражался с тварями. Как оказалось, я прибыла практически под самый конец боя. В начале битвы весь двор был заполнен существами скрытого мира. Появившийся во дворе король оттянул внимание большей части тварей на себя, а потом увел их за собой за замок, где и уничтожил. Однако некоторые всё-таки остались, вот с ними люди и продолжали сражаться.

До назначенного срока оставалось совсем немного. Но до этого случилось еще кое-что примечательное.

В тот день мы собрались в нашей малой комнате отдыха, чтобы выпить отвара и поговорить. Не было только Берхарта и Ариадны.

Когда мы завели разговор о клятве и о том, нужно ли распространять ее и на потомков, дверь в комнату открылась и вошел взбудораженный и немного торжественный Берхарт, сразу привлекая к себе наше внимание.

Мы все замолчали. Берхарт же смотрел на Эскалиона, держа в руках перед собой какой-то сверток.

Спустя минуту Эскалион медленно поднялся и приблизился к моему брату.

Неожиданно Берхарт встал на одно колено и склонил голову, протянув вперед руки.

– Ваше величество, позвольте подарить вам мое лучшее творение, – выдохнул он.

Вместо ответа Эскалион поднял его за плечи.

– Членам моей семьи не стоит стоять передо мной на коленях, – сказал он, отчего у меня задрожали руки, а горло сдавило. Я прикусила губу, стараясь сдержать слезы радости.

– Спасибо, я... – Берхарт запнулся, а потом глянул на сверток и сунул его королю. – Это вам, в общем.

Эскалион принял сверток и аккуратно его развернул.

Плотная, будто промасленная ткань скрывала черные металлические наручи.

Часть 41

Сейчас, вспоминая первый год своего замужества, я удивляюсь, как нам удалось не сойти с ума от постоянного напряжения. Тогда я не задумывалась, но позже, размышляя о том времени, начала подозревать, что некие высшие силы хотели испытать нас на прочность и серьезность намерений.

Особенно тяжелыми были первые месяцы. Мы все жили словно на взводе. И ведь тогда я на самом деле не считала неестественным, что одновременно происходит столько событий.

В тот год мы смогли сделать очень многое.

Эскалиону удалось добиться от геральдов принесения клятвы. Некоторые из защитников Хальдора не хотели этого, всеми силами пытаясь уклониться или отсрочить неизбежное. Эскалион даже не обратил внимания на их потуги. В день, назначенный им, геральдам пришлось дать новую клятву.

Теперь ни геральды, ни их потомки не могли навредить королевской семье ни действием, ни бездействием, ни с помощью третьих лиц.

Один из геральдов пробовал заикнуться об ответной клятве, но Эскалион лишь напомнил ему, что любой король Хальдора дает магическую клятву при коронации.

Ему попытались напомнить о Гордоне, который творил что хотел, невзирая ни на какую клятву. Эскалион при этом так посмотрел на геральдов, что мне даже слегка стало их жалко. А все дело в том, что магия никогда не признавала Гордона королем. Его клятва не была подкреплена магически, поэтому он мог делать что вздумается, и магия это ему позволяла, так как просто не замечала его.

Кстати, о нем. О Гордоне.

Потомок рода Эклин-Маэр закончил очень плохо. С женитьбой он так и не утратил своей страсти к несколько извращенному постельному времяпрепровождению. Первое время его вполне устраивала Дебора, но после нескольких лет супружеской жизни его потянуло на что-нибудь новенькое. В столицу Гордону ход был заказан. Для того чтобы отправиться в соседнее королевство, Гордон был трусоват. Он отчего-то опасался покидать Хальдор. Так как замок, подаренный молодоженам отцом Деборы, находился в довольно глухом месте, то Гордону ничего не оставалось, как обратить внимание на немногочисленных деревенских девушек.

Сначала он осторожничал, а потом, уверившись в своей безнаказанности, начал... В общем, его нашли в своей постели мертвым и с перерезанным горлом. Убийцу так и не обнаружили. Да усердно и не искали.

Дебора же оказалась беременной. Спустя положенное время она родила. Мальчик родился сильным колдуном. Никто особо не удивился, всё-таки отец Деборы – колдун и геральд, но меня в тот момент что-то царапнуло. Я решила узнать о Деборе чуть больше, и очень скоро мне улыбнулась удача. Оказалось, что мать девушки вышла из того же рода, что и моя, – из таинственного рода Акерли.

На семейном совете мы решили не трогать род Акерли, оставить их в покое и намеренно о них ничего не разузнавать. Почему-то мне казалось, что магии не понравится такое отношение к тем, кого она явно выделяет и скрывает от посторонних глаз.

В итоге род Эклин-Маэр не стал мертвым. Сын Гордона вырос умным и прозорливым молодым человеком. Приятный в общении, спокойный и молчаливый, он многим напоминал своего деда – короля Адалхарда. Никто не мог понять, как у Гордона мог родиться такой сын.

Когда моя мать впервые увидела Арктура (сына Гордона), то лишилась дара речи. Я думала, она потеряет сознание от шока. А уж когда спустя некоторое время я узнала, что она каким-то невероятным образом смогла увлечь его, то настала моя очередь быть шокированной. Я бы заподозрила ее в применении магии, если бы не знала, что она не может больше колдовать. Впрочем, оставались различные снадобья... Но все оказалось гораздо проще. Арктур на самом деле влюбился в мою мать. Узнав, что есть возможность разорвать ее брак с моим отцом, он, не таясь, пришел к нам и попросил об этом.

К тому моменту отец и сам поглядывал в сторону одной весьма очаровательной вдовы, поэтому с радостью согласился на ритуал разрыва их связи.

Вскоре мы сыграли сразу две свадьбы. Каждый раз, глядя на счастливую мать, которая, казалось, не видит никого, кроме Арктура, я ощущала двойственные чувства. С одной стороны, я была счастлива за мать, ведь она спустя столько лет всё-таки нашла свою любовь, пусть и совсем в другом человеке. С другой стороны, мне было очень обидно. Маленькая девочка где-то в глубине меня желала быть любимой матерью. Мне не хватало ее любви. И я ревновала ее к новому мужу и к

новой жизни. Конечно, я не показывала этого, скрывая нехорошие мысли и чувства, но сама их принимала, понимая, что лгать себе нельзя.

К нашему удивлению, через год после свадьбы Адалинда родила здорового мальчика. Колдуна! А еще через три года – девочку-колдунью. Больше детей у них не было, но, как я поняла, им и не нужно было.

Я немного беспокоилась о том, что Арктур мог вынашивать какие-нибудь планы по возвращению себе короны, но оказалось, что он, едва достигнув совершеннолетия, принес Эскалиону клятву вассала и геральда. И пусть это не было известно всем, но магическая клятва имелаась.

Отец тоже времени не терял. И пусть у него больше не было детей, но они с женой построили приют, в который собирали осиротевших детей со всего Хальдора. Я была искренне рада за отца. Его вторая жена отличалась от Адалинды. Оливия оказалась женщиной громадного сердца. Кроме этого, она обладала невероятным шармом. Когда я видела их вместе, то понимала, как сильно они с отцом подходят друг другу.

Оллартс Бенедиктой обзавелись целой оравой мальчишек и девчонок. Иногда мне казалось, что еще немного – и начну тех путать. Бени, как-то так получилось, стала кем-то вроде королевской модистки. У нее обнаружился замечательный вкус. Она создавала великолепные платья, а ее шляпки каждый раз получались истинным произведением искусства. Постепенно весь двор оделся в шедевры от Бени.

Олларт со временем возглавил армию Хальдора. Любитель оружия, боевой магии, истории войн и различных стратегий, он отлично смотрелся в воинских доспехах и с громадным двуручником в руках. И его знания не остались невостребованными. Враг пришел из-за моря. Правда, Олларт не дал ему даже сойти с кораблей. Все потопил, а потом сокрушался, что не оставил их на плаву – флот ведь мог нам пригодиться. Да и на границе часто бывали стычки, так что Олларт в столице появлялся только из-за жены, которая наотрез отказалась оставлять меня и покидать Вальгард.

Берхарт смог увековечить свое имя, в отличие от нашего далекого предка. Он создал множество заклинаний и ритуалов. Но люди запомнили его как того, кто даровал им свободу выбора. Берхарт доработал ритуал разрыва уз, сделав его возможным только в том

случае, когда разрыва желают оба супруга. Насильно же разорвать узы тех, кто не согласен с этим, было невозможно. Этот ритуал так и стал называться – ритуал Берхарта.

Брат на этом не остановился. Как он сам считал – главным достижением его жизни стали многочисленные артефакты. Он виртуозно научился заключать любое заклинание или ритуал в камень или металл. Ариадна же всегда следовала за своим мужем. Она тщательно все записывала, структурировала, объединяла в одну, понятную любому схему. Мне казалось, что Берхарт способен создать что угодно. Вот только объяснял он очень плохо. Однако Ариадна каким-то непостижимым образом отлично понимала своего мужа. Она внимательно выслушивала его сбивчивые пояснения. Потом обкладывалась книгами, с которыми брат работал до этого. И через некоторое время выдавала простую и понятную инструкцию по созданию того, о чем совсем недавно рассказывал брат. Я считала эту ее способность даже более поразительной, чем талант изобретателя Берхарта.

Наручи, которые Берхарт подарил Эскалиону, оказались его первым артефактом. Они были созданы из тех самых копий, которые долгие столетия удерживали силу первого короля. Брат переплавил одно из них и сотворил нечто поистине великолепное. Наручи собирали обязательную потерю, не давая остаточной магии рассеиваться в пространстве. Это исключило вероятность повторного прорыва тварей. Правда, первое время Эскалиону было не очень удобно постоянно носить эти наручи. Всё-таки сделаны они были из металла, а мужу приходилось даже спать в них. Но вскоре он к ним привык и перестал замечать.

Сейчас у Берхарта двое сыновей, и не так давно родилась дочь. Я понятия не имею, как он все успевает. Иногда мне кажется, что Берхарт годами не появляется из своих подземелий.

Самый младший из моих братьев – Герберт – в свое время тоже женился. Он не любил появляться в столице, так как из-за своеобразного дара ему было тяжело находиться рядом с большим количеством магии. Длительное нахождение в Вальгарде вызывало у него головные боли, тошноту и даже потерю сознания. Именно поэтому он все время жил в нашем старом поместье, куда и привел впоследствии жену. Сейчас она носит их второго ребенка.

У нас с Эскалионом за это время произошло многое. Бывало, мы ругались, обижались друг на друга, но всегда неизменно мирились. Эскалиону потребовалось несколько лет, чтобы окончательно прийти в себя после долгого заключения.

Он много времени уделял делам королевства. Я же занималась, как и положено королеве, замком. Поначалу. Потом моя деятельность выплеснулась за его пределы. Мне захотелось перестроить столицу. Эскалион не возражал, потому я отпустила свою фантазию в полет. В итоге Адальград теперь не узнать. Широкие мощеные улицы, многочисленные каменные мостики, парки, фонтаны, большое количество деревьев на улицах – все это появилось, конечно, не в одночасье, а заняло многие годы. Теперь Адальград в народе называют не цветком долины, а садом Амелии.

Я родила мужу двоих мальчиков.

Эйлерт – старший сын, наследник, чем-то напоминал мне Олларта. Он тоже был влюблен во все, что было связано с войной. Сильный, на все имеющий собственное мнение, уже сейчас он заставлял многих почтенных отцов, имеющих дочерей, выстраивать невероятные по своей хитрости интриги. Многие хотели породниться с королевской семьей.

Второй сын – Освальд – любил моего отца, как мне кажется, даже больше, чем нас с Эскалионом. Добрый, сострадательный Освальд часто бывал в отцовских приютах, пытаясь сделать что-то для сирот. Люди любили Освальда и считали его чуть ли не святым. Думаю, в этом виновата не только доброта нашего второго сына, но и его одухотворенная красота.

Что наследник, что второй сын внешне оказались похожими на меня. И вот сейчас...

Поморщившись, я зашипела, хватаясь за живот.

– Что случилось? – встревожился Эскалион, внимательно наблюдая за моим лицом. – Пора?

– Да, – кивнула я и попыталась расслабиться. – Начинается.

Эскалион тут же помог мне подняться. Он отвел меня в спальню и уложил на кровать, а сам поспешил за лекарем.

Да, все верно. И вот сейчас я готова родить нашего третьего ребенка.

Вскоре Эскалион вернулся вместе с запыхавшимся лекарем. Спустя несколько часов я, устало откинувшись на подушку, выдохнула и

улыбнулась.

– Вот, ваше величество, – лекарь тоже улыбнулся и протянул мне младенца. – У вас еще один сын.

Моя улыбка стала шире. Опустив взгляд на новорожденного, я замерла. Как уже сказала, два старших внешностью пошли в меня. А сейчас я смотрела в совершенно черные глаза и с ясностью понимала, что именно ему уготовано нечто большое и невероятное.

– Ну, здравствуй, Роальд, – поприветствовала я сына.

– Правитель? – донесся до меня голос Эскалиона. – Прекрасное имя.

Я подняла глаза на мужа.

– Я люблю тебя, ты знаешь? – спросила неожиданно даже для себя.

– Конечно, – Эскалион аккуратно присел на край кровати, наклонился и поцеловал сначала меня, а потом и младшего сына. – Я тоже тебя люблю. Всех вас. Дай-ка мне глянуть на него. О, папин сын. Настоящий красавец.

Я тихо рассмеялась, чувствуя себя совершенно счастливой. Любимый был рядом, и я уверена, за закрытыми дверями нас дожидались взволнованные, но не менее счастливые близкие нам люди.

Мне кажется, я даже слышала их голоса.

Эпилог

Мальчик приник ухом к двери и замер, вслушиваясь в тяжелые шаги в коридоре. Шаги замерли совсем рядом, заставив сердце подростка забиться быстрее. Он уже готов был стремительно вернуться в кровать и нырнуть под одеяло, сделав вид, что спит, как караульный пошел дальше. Мальчик выдохнул и обернулся.

В комнате царил темнота, из-за чего ему было видно только очертание предметов. Удостоверившись, что ничего не происходит, он опять приник ухом к двери. Через некоторое время в коридоре воцарилась тишина.

Тихо вздохнув, мальчик отлип от двери и, быстро приблизившись к кровати, наклонился и приподнял свисающее до самого пола тяжелое покрывало.

– Ну что там? – послышался тонкий голос, явно принадлежащий девочке.

– Ушел, – сказал мальчик и забрался под кровать, тщательно возвращая покрывало на место.

– Темно.

– Знаю, – отозвался он деловито, а потом на ощупь нашел небольшую сумку и принялся рыться в ней. – Нашел, – прошептал он. Спустя мгновение под кроватью стало светло как днем.

– Где ты его взял? – спросила девочка лет двенадцати-тринадцати, рассматривая артефакт, испускающий свет. По своей форме он напоминал обычный стеклянный шарик на трех ножках. Внутри медленно, будто в каком-то густом, прозрачном сиропе, плавали крупные искры, которые и давали свет. Чтобы артефакт заработал, его достаточно было потрясти. Света хватало на пару часов, потом трясти нужно было снова.

– Неважно, – отмахнулся ее друг. Он был заметно крупнее, но явно не старше своей подруги. – Это она? – спросил он, посматривая на толстую книгу.

– Да, – ответила девочка, тут же пододвигая к нему фолиант.

– Тебя не заметили? – спросил он, медленно открывая книгу. – «Легенда о первом правителе и его возлюбленной. Берхарт Маклэйн».

Ты уверена, что это о призрачной паре из тронного зала?

– Уверена, – девочка шмыгнула носом, но почти сразу спохватилась и покраснела, явно вспомнив, что воспитанной леди не пристало так некультурно себя вести. – Я у мамы спросила. Она сказала, что это именно первый правитель и его жена. А потом в библиотеке искала. И вот. Я пролистала мельком. В остальных просто сказки. Тут, как мне кажется, более подробно.

– Хорошо, давай посмотрим. Ты или я?

– Давай ты, – девочка чуть смутилась. – У тебя интереснее получается.

Мальчик на это просто кивнул, перевернул страницу и принялся читать вслух.

– «Когда два мира столкнулись, грань треснула и в наш мир устремились полчища тварей, неся на своих плечах силу чуждого мира». Ого, и в самом деле подробнее, чем в обычной истории и сказках! – воскликнул мальчик, но спохватился и притих, вслушиваясь в тишину вокруг, которую нарушало только их дыхание. Спустя некоторое время он облегченно выдохнул и продолжил читать: – «Колдунам удалось убить тварей, но сила иного мира осталась. Сила та стремилась обратно, снова и снова расшатывая грань. И тогда магия наша создала человека, способного впитать в себя силу чуждую, удержать ее в себе, не давая нарушать целостность грани. Был этот человек силен, сильнее любого иного колдуна. И боялись его за эту силу, о которой он не просил».

– Это несправедливо, – прошептала девочка. – Он же не сам захотел этого.

Мальчик на этот только кашлянул и перевернул страницу, заинтересованно рассматривая нарисованный черными чернилами портрет.

– На тебя похож, – спустя минуту сказала девочка.

– Да? И чем же?

– Носом, например, – сказала девочка неуверенно.

– У меня не такой большой, – возмутился он, в душе все-таки соглашаясь с подругой. Нос и правда был похож, а еще глаза.

– Ну-у-у, ты же еще вырастешь. И нос тоже.

– Глупости, – отмахнулся мальчик. – Нос не растет.

– А вот и растет, – не согласилась девочка. – Мама говорит, нос и

уши у человека растут всю жизнь.

– И почему они тогда не вырастают до земли? – съехидничал мальчик.

– Потому что не так сильно растут! Вспомни старую Валью! Какой у нее нос?

– Может, у нее он всегда был таким громадным?

– Нет, – если бы девочка стояла, она обязательно бы притопнула ногой. – У нее такой нос потому, что она очень старая. Вырос. Читай дальше.

Мальчик хмыкнул. Он посмотрел на подругу, давая понять, что ей не удалось переубедить его. Чуть подумав, он решил оставить пока этот разговор и вернулся к тексту:

– «Ему нужно было время, чтобы собрать всю силу, но друзья его решили, что ждать он может и взаперти, не колдуя вовсе. Обманом опоили они его, в камень замуровали и копьями пробили тело, удерживая на месте. А потом наложили страшную Печать, чтобы не мог помочь он себе сам».

Девочка на это только охнула, прикрыв ладошкой рот. Ее светло-карие глаза подозрительно замерцали при свете артефакта.

– Не реви, – чуть прищурившись, почти приказал мальчик. На что его подруга всхлипнула и закивала. Дождавшись, пока из глаз девочки исчезнет блеск слез, он продолжил: – «Долгие столетия первый король томился в темноте. Сила его росла изо дня в день. Но выбраться самостоятельно он всё равно не мог». Как такое возможно? Как он вообще смог прожить столько лет? А копья? Почему они его не убили?

– Из-за этой чужой силы? – сказала девочка задумчиво, переворачиваясь на спину и закидывая руки за голову.

– Хм, – мальчик помолчал с минуту, обдумывая слова подруги. – Думаю, ты права. На чем я остановился? А, вот.

Мальчик продолжил читать. Его голос будто оживлял давнюю историю о том, как будущая жена короля приехала в замок, отыскала его и освободила. Девочка на самых романтических моментах вздыхала и мечтательно прикрывала глаза. Ей тоже бы хотелось, чтобы ее так любили. Она иногда косилась на своего друга, тут же краснея из-за своих мыслей и быстро отворачиваясь.

– О! – восклицание подростка вывело девочку из мечтательного состояния.

– Что такое? – спросила она, снова поворачиваясь на живот.
– Ты что, не слушала? – прищурившись, мальчик подозрительно поглядел на нее, будто ожидал увидеть ответ у нее на лбу.
– Задумалась, – смутилась она. – Так что там?
– «И после подарка того не было более нападений. Король смог полностью обуздать силу темную».
– Что за подарок?
– Наручи.
Девочка пару раз моргнула и поглядела на руки друга.
– Те самые? – шепотом спросила она. В голосе ее слышалось сомнение.

Мальчик приподнял рукав, принимаясь рассматривать черные металлические наручи, находившиеся у него на руках столько, сколько он себя помнил.

– Думаешь, это они? – в голосе девочки слышалась толика страха.
– Но почему они у тебя? И... они же маленькие.

– И что? – мальчик хмыкнул, всем своим видом давая понять, что его это не слишком волнует, хотя внутри все содрогалось от волнения и страха. – Это артефакт. Мои руки ведь не всегда были такими, а эти наручи растут вместе со мной. Прямо как нос.

Он ехидно поглядел на подругу, отчего та покраснела и надулась.

Перевернув страницу, мальчик замер. Его улыбка медленно сползла с лица. Вздохнув, он осторожно прикоснулся к изображению женщины.

– Красивая.

Девочка тут же оцетинилась.

– Ничего особенного, – фыркнула она, мельком глянув на рисунок.
– Читай дальше.

– Ничего подобного! Она на тебя похожа, – мальчик смутился и быстро перевернул страницу, наклоняя голову так, чтобы длинные черные волосы скрыли полыхнувший на щеках румянец.

Девочка покраснела, глянула на друга сверкающими глазами и улыбнулась.

– «Когда его возлюбленная умерла, первый король едва не сошел с ума», – мальчик, быстро справившись со смущением, продолжил читать, но после первого же предложения остановился. – Мне кажется, это написано другой рукой. Погляди.

Он пролистнул немного назад, а потом вперед.

– Да, почерки разные. Как ты думаешь, почему?

– Наверное, с тем, кто писал первую часть, что-то случилось, и дописывал другой человек. Слушай дальше. «Он не смог отпустить ее душу, привязал темным ритуалом к себе и еще несколько столетий прожил в замке в одиночестве, разговаривая лишь с душой возлюбленной, которую видел только он. Постепенно он выгнал из замка всех обитателей, а потом Вальгард стал недоступен для людей, превратившись на долгие годы в крепость, куда не было хода. Никто не знает, как умер первый король. Просто однажды закрытый долгие столетия замок распахнул свои ворота и впустил потомков первого короля и его возлюбленной жены. В тронном зале были найдены лежащие рядом два венца и черные наручи. А еще в ночь полной луны можно увидеть, как два сияющих силуэта танцуют в тронном зале. Кто-то считает, что это неупокоенные души, а кто-то верит, что это всего лишь фантомы, воспоминания, а души давно уже ушли на перерождение».

Мальчик закончил читать и поднял голову, взглянув в глаза подруги. Та тоже смотрела на него.

– Сегодня полнолуние, – прошептала она, ощутив дрожь предвкушения и страха.

– Поглядим? – мальчик закрыл книгу и сунул ее в свою сумку, решив позже перечитать внимательнее.

– Поймают – накажут.

– Не поймают, – отмахнулся он. – Караульные сейчас должны быть в другом крыле. А старый смотритель в это время обычно спит в своей каморке.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, и все. Идем.

Выбравшись из-под кровати, в которой могли поместиться еще парочка таких, как они, подростки подошли к двери, а потом тихо выскользнули в коридор.

Крадучись, они добрались до тронного зала.

– Никого нет, – прошептала девочка, неосознанно хватаясь за руку друга и прижимаясь к нему.

В этот момент луна вышла из-за тучи и тронный зал осветило лунным светом. Почти сразу они увидели танцующую призрачную

пару. Высокий мужчина нежно прижимал к себе женщину и смотрел только на нее. Она отвечала ему тем же. Они казались лишь дымкой, из-за чего нельзя было рассмотреть лиц. Пара кружилась по залу, и перемещение их было отмечено чуть сияющим следом.

Видение длилось всего минуту, а потом фигуры просто растаяли, оставив после себя лишь воспоминание.

– Ты видел? – спустя некоторое время вопросительно выдохнула девочка, ощущая, как дрожит всем телом.

– Видел, – отозвался чуть хрипло мальчик, а потом повернулся к своей подруге и серьезно посмотрел ей в глаза. – Камея, выходи за меня замуж.

– Ч-что?..

– Выходи за меня. Не прямо сейчас, конечно. Чуть позже, как подрастем.

– Но, – девочка замерла и всмотрелась в лицо друга. Почему-то ей показалось, что он как-то изменился. Вроде бы те же черные, пронизательные глаза, нос с небольшой горбинкой, тонкие, упрямо сжатые губы, но что-то было не так, как обычно. – Нам не позволяют. Ты ведь принц, Лион. А я – дочь модистки. Твои родители никогда не согласятся на подобный мезальянс.

– Это мне решать! – рыкнул Лион, и Камея охнула, замечая, как черный туман взвился вокруг ее друга, скручиваясь черными лентами. – Просто скажи мне: ты хочешь быть со мной? – задав этот вопрос, Лион чуть смутился, но очень быстро взял себя в руки.

– Я... я... – Камея прижала руки к груди, посмотрела чуть робко на друга и, зажмурившись, закивала. – Да, да, хочу.

– Тогда, – Лион приблизился, быстро поцеловал красную от смущения девочку в губы легким, почти невесомым, поцелуем и стремительно отстранился, – ни о чем не думай. Я вырасту и возьму тебя в жены. Клянусь.

Словно только этого и дожидаясь, воздух сгустился. Кругом замерцали серебряные нити. Они закружили вокруг них, затанцевали. Спустя несколько мгновений все исчезло.

– Посмотри, – зачарованно прошептал Лион, рассматривая свою руку, на которой появился знак воли королевской магии. – У тебя тоже?

Он резко схватил Камею за руку и завороченно погладил ее рисунок.

– И у меня, – девочка прикусила губу и глубоко вдохнула. – Это значит...

– Что никто не сможет встать между нами, – Лион поднял глаза на подругу и тут же нахмурился. Камея явно переволновалась. Ее сила вышла из-под контроля, отчего пол и стены позади нее покрылись морозными узорами. – Успокойся, – сказал Лион, переплетая их пальцы.

В этот момент из-за двери донесся шум шагов и чье-то ворчание.

Лион с Камеей напряглись.

– Старый смотритель, – шепнул мальчик. – Бежим.

Они пересекли тронный зал и остановились около двери, ведущей в один из многочисленных коридоров.

Открыв створку, Лион пропустил подругу вперед, но прежде, чем последовать за ней, оглянулся. Призрачной пары в зале не было. Теперь он точно знал, что это никакие не души. Просто сохраненные магией воспоминания. И сейчас они вернулись к своим владельцам. Мальчик тряхнул головой. В голове пока еще была полная неразбериха.

– Ты идешь? – послышался из темноты голос Камеи.

– Конечно, – отозвался Лион и закрыл дверь.

Там, в темноте, его ждала та, кого он когда-то не хотел отпускать. Он долго сопротивлялся, опасаясь никогда больше не увидеть ее. Но она сдержала свое обещание. Они снова встретились.

– Ты была права, – прошептал он, находя в темноте руку Камеи и снова переплетая пальцы.

– В чем? – спросила Камея.

– Во всем, – ответил он.

Тихий скрип отвлек их от разговора.

– Бежим.

Лион сорвался на бег, утягивая девочку за собой.

Пусть она пока не помнит. Он знал, что ее воспоминания тоже вернуться. Он обязательно этого дождется.

В этот момент Камея сжала его руку чуть сильнее. Ее глаза блеснули в темноте.

– Я ведь обещала, – одними губами прошептала она, тихо и счастливо вздыхая.

Он ее не услышал, но это не так уж и важно. У нее еще будет время, чтобы рассказать. Впереди их ждала еще одна длинная жизнь.

Вместе.

Конец